

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ Г. НОВОКУЗНЕЦКА

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 6

Издательство «Кузнецкая крепость»
Новокузнецк 2004

ББК 63.3/2Р4 Ке
М43

Под общей редакцией к. и. н. Ю.В. Ширина

Редакционная коллегия:

С.Д. Мартин

М.М. Маслов

Б.А. Рахманов

**Книга выпущена по заказу управления культуры
администрации г. Новокузнецка**

Кузнецкая старина. — Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004.
Вып. 6.— 180 с.

Очередной выпуск краеведческого сборника содержит новейшие открытия в области археологии Кузнецкого края, а также разнообразные материалы по истории г. Новокузнецка от начала XVII в. до середины XX в.
Книга рекомендуется для археологов, историков и широкого круга читателей.

На обложке: фрагмент карты 1927 г.

На титульном листе: калмык с гравюры из книги: Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692.

ISBN 5-87521-063-X

© Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 2004 г.

© Издательство «Кузнецкая крепость», 2004 г.

Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины

Погребальные памятники середины-второй половины первого тысячелетия до н. э. на юге Кузнецкой котловины долгое время были представлены только случайно поступающими в местные музеи единичными находками из могил, разрушенных в ходе строительных работ и угольных разработок¹. Следует подчеркнуть, что отсутствие практики согласования проектов с археологами составляет серьезную проблему для Кемеровской области. Помимо угольных разрезов ущерб древнему наследию края наносят многочисленные стихийно возникающие карьеры минеральных ресурсов местного значения. Практически все они связаны с уничтожением археологических памятников. В последние годы разрушению в ходе индустриального освоения края подвергаются не только вновь выявленные памятники, но и хорошо известные, состоящие на охранном учете.

Благодаря планомерной работе, которую развернул историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», удалось не только выявить, но и спасти от уничтожения несколько памятников. Ряд из них представлен могильниками эпохи раннего железа, исследованными в данном регионе впервые. Мы уже давали предварительную информацию о части из этих объектов². Данная публикация не только существенно дополняет опубликованное ранее, но и вводит сведения о новых памятниках, исследованных за последние годы.

Одна из наиболее ранних курганных групп эпохи раннего железа была исследована на южной окраине с. Казанково Новокузнецкого района — курганный памятник Казанково-10. Она была расположена на краю коренной террасы левого берега р. Томи, в 400 м ниже устья ее левого притока р. Ускат. Высота террасы более 40 м от уреза воды. В настоящее время это место застроено коттеджами. До передачи под индивидуальную застройку участок многократно распахивался, поэтому вся площадь распространения курганов была свободна от древесной и кустарниковой растительности. В ходе аварийных раскопок 1995-96 гг. удалось выявить насыпи только 4 курганов. Площадка террасы от уровня кургана №1 к кургану №4, расположенному на ее крайней южной точке, плавно понижается. Курганы расположены в цепочку с СВ на ЮЗ на значительном удалении друг от друга (от 25 до 85 м). Перепад высот от кургана №1 до кургана №4, расположенных друг от друга на расстоянии 140 м, составляет 11 м (Рис. 1).

¹ Эрднеев У.Э. Археологические находки в Кузбассе // СА. 1958. №2. С. 244-246.

² Ширин Ю.В. Раскопки курганов скифского времени в Кузнецкой котловине // АО 1995 года. М., 1996, С. 379-380; Он же. Археологические работы на юге Кемеровской области // АО 1996 года. М., 1997. С. 376-377; Он же. Погребения скифского времени в Кузнецкой котловине // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 237-240.

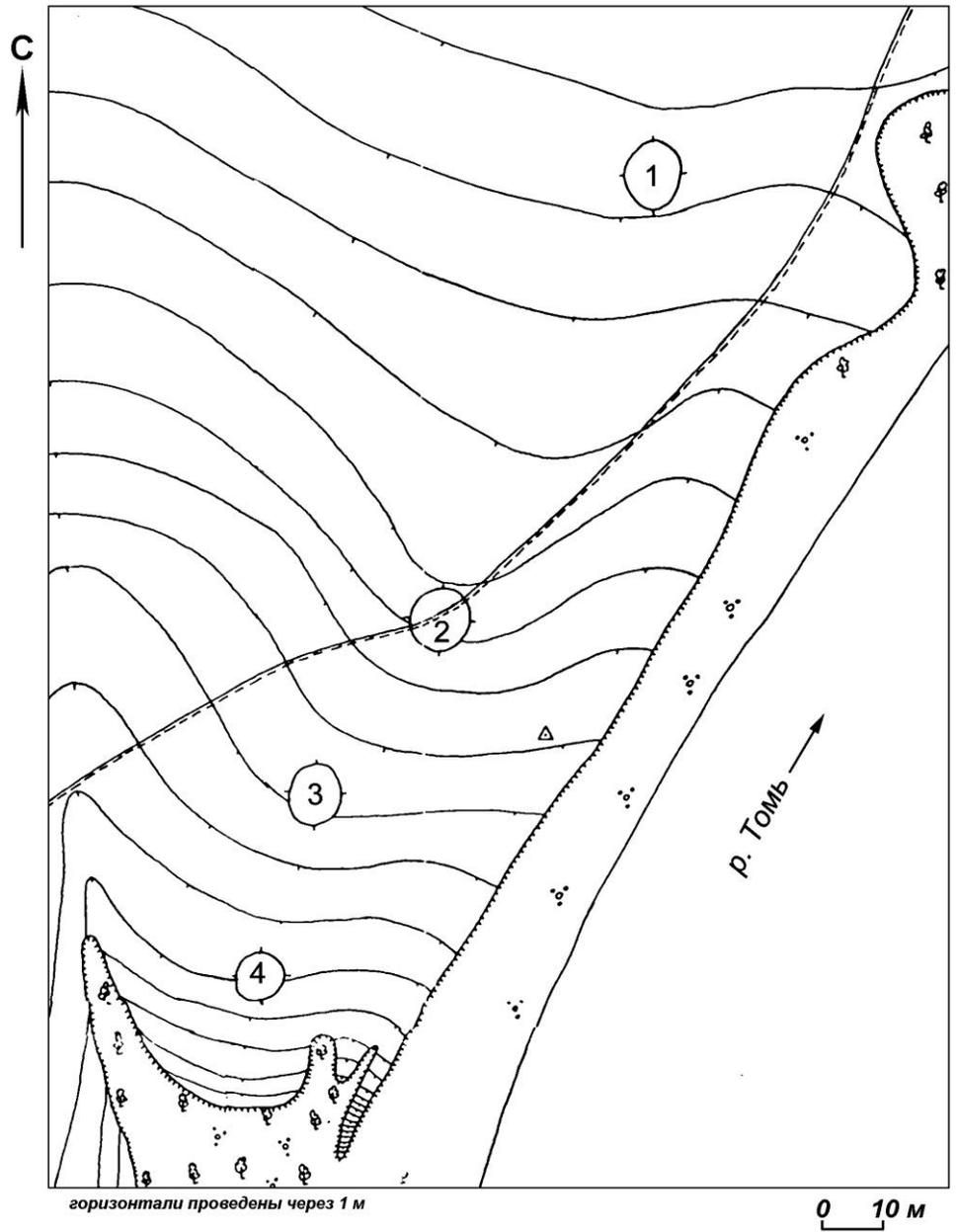

Рис. 1. Курганная группа Казанково-10.
Взаиморасположение исследованных курганов.

На кромке террасы в 40 м к ЮВ от кургана-1 отмечено небольшое возвышение, напоминающее край насыпи обвалившегося кургана. Не исключено, что на пашне не были зафиксированы менее выраженные насыпи.

Курган №1. Насыпь была хорошо задернована. Визуально она была лучше всего заметна с юга. Северный склон абсолютно сливался с поверхностью поля. Высота кургана — 0,4 м, диаметр около 10 м. Насыпь кургана была сильно распахана, и возле нее не фиксировалось никаких ям и ровиков. В ходе работ был устроен раскоп диаметром 11 м. Погребальное сооружение исследовано полностью. Ровик или какие-либо иные ямы по краям насыпи так и не были прослежены. Подкурганная площадка содержала 1 захоронение (могила-1) (Рис. 2, А).

В южной части насыпи на уровне погребенной почвы попадались единичные кусочки жженных костей животного (Рис. 2, А (2)). На глинистом выбросе к востоку от могильной ямы прослежено пятно от костра диаметром 0,6 м. Мощность прокаленной линзы составляла не менее чем 5 см (Рис. 2, А (3)). К С от могилы, на уровне выброса, найдены лежащие компактно, вместе с кусочками бересты, бронзовое зеркало и бронзовая обойма (Рис. 2, А (1)).

У зеркала массивное центральное петлевое ушко с приостренным верхом. Предмет сильно окислен. Диаметр зеркала более 5 см (кромки зеркала обколоты), в центре диск более толстый (Рис. 2, 2). Обойма имеет крестообразную форму с равновеликими лучами из полых трубок. Ее размеры 3х3х1,3 см. Обойма отлита в двусторчатой форме. На оборотной стороне обоймы, в центре, есть неровное технологическое отверстие. На лицевой стороне, в центре, отлит декоративный бугорок (Рис. 2, 1). Сходные бронзовые крестовидные обоймы встречаются в курганах Алтайского края³. Они найдены в погребениях, которые датируют IV-III вв. до н. э.

Стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что обойма и зеркало могли составлять особый жертвенный комплекс, подобный тем, которые встречаются в погребальных памятниках Верхнего Приобья⁴. О том, что насыпь кургана значительно разрушена, говорит то, что на уровне выброса было найдено несколько обломков тонкого оконного стекла. Не исключено, что это осколки от разбитого фонаря, который могли использовать бугровщики XIX века.

В стратиграфии кургана №1 выявлены элементы (Рис. 2, А):

- дерновина слабая из-за частых вспашек — 5 см;
- черный пахотный слой — 15-30 см (его мощность больше на полах кургана и вне ее);
- остатки насыпи из серого грунта сохранились в радиусе 4-5 м;
- насыпь и прослойка глинистого выброса мощностью 5-10 см перекрывали погребенную почву; наибольшая толщина насыпи кургана над погребенной почвой составляла 50 см;

³ Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая эпохи металла. Барнаул, 1990. Рис. 6, 2.

⁴ Фролов Я.В. Ритуальные «клады-приношения» у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 163-166.

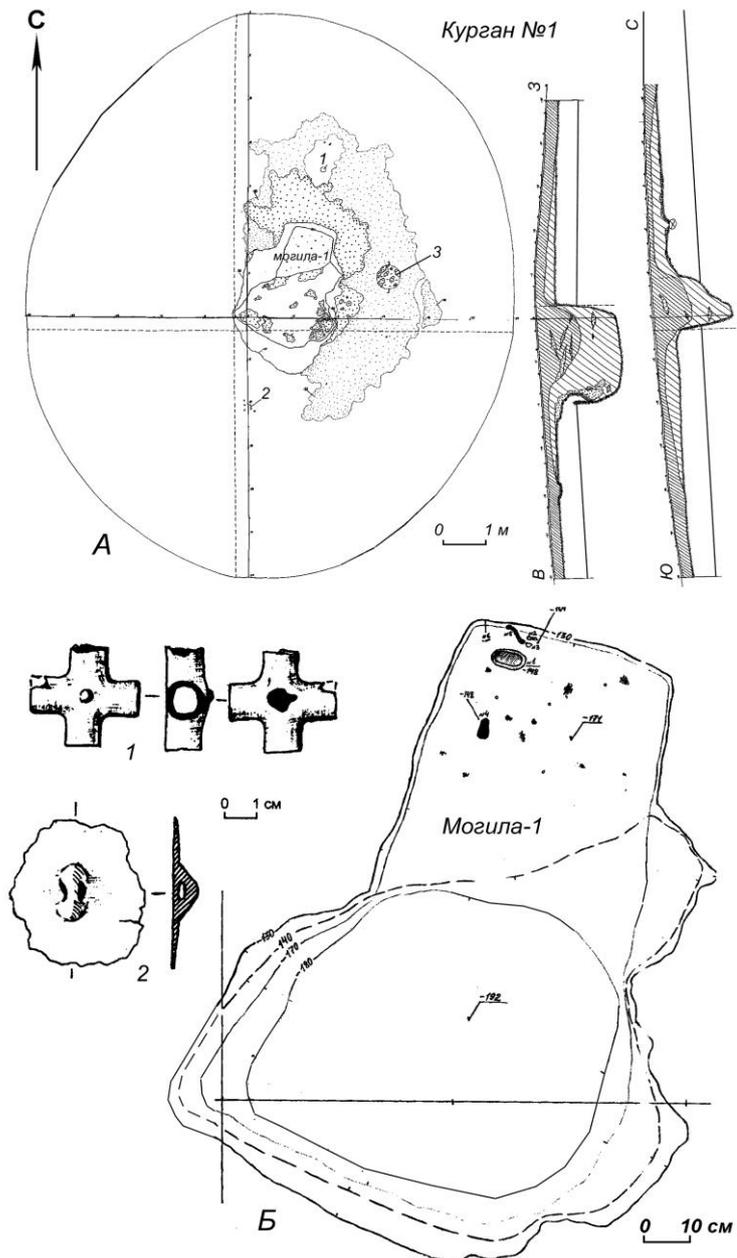

Рис. 2. Курганная гр. Казанково-10. А – план и профили кургана №1 (1 – скопление предметов; 2 – скопление пережженных костей; 3 – костровой провал); Б – могила-1 из кургана №1; 1 – бронзовая обойма; 2 – бронзовое зеркало.

- заполнение грабительских вкопов, в центре кургана, было различного состава в верхней и нижней части; нижняя — отличалась по структуре от основной насыпи только включением глинистых кусков, верхняя — сходна с пахотным слоем, но включала прослойки глинистого мешаного грунта с различными углами падения (не исключено, что верхнее заполнение грабительского вкопа образовалось в результате позднего засыпания грабительской воронки при рекультивации поля).

В нижней части заполнения могильной ямы было много древесных углей. Видимо, остатки костра, горевшего на площадке к В от могилы, были сброшены в могилу.

Могила-1 располагалась в центре подкурганной площадки. Ее длинная ось ориентирована на С-СВ (Рис. 2, Б). Контур ямы могилы-1 искажен грабительским вкопом с обвалившимися подкопами. Глинистый выкид из могилы на подкурганной площадке фиксировался преимущественно вдоль северной и восточной кромок могильной ямы.

Погребение располагалось в простой прямоугольной яме шириной 1 м и глубиной 1,2 м (от уровня погребенной поверхности). Длина точно не установлена, так как южная часть ямы разрушена грабительским вкопом 2x2 м и глубиной 1,42 м (от уровня погребенной поверхности), то есть превышающей глубину могилы. Стенки могилы-1 слабо наклонные, почти отвесные. Дно могилы-1 на неразрушенном участке ровное.

Захоронение разрушено в полном объеме могилы. Очевидно, что ограбление было неоднократным. Во время последней попытки ограбления кургана бугровщики, прокопав шурф 1,7x1,2 м и наткнувшись на южную часть могильной ямы, сделали несколько боковых подкопов (позднее они обвалились). Выяснив, что могила уже подвергалась ограблению, бугровщики не стали докапывать оставшуюся часть ямы. Тем самым в заполнении могильной ямы сохранилось несколько предметов, пропущенных либо не взятых первыми грабителями.

В заполнении могилы-1, в ее северной части на уровне 10-20 см выше дна, найдены: одна сохранившаяся кость погребенного — ключица и несколько предметов из сопроводительного инвентаря.

Среди сдвинутых грабителями к северной стенке могилы-1 предметов была найдена золотая серьга с подвеской из мелкого бирюзового бисера (Рис. 3, 1). Серьга представляла собой несомкнутое кольцо диаметром 13 мм, из круглой в сечении золотой проволоки. К кольцу вершиной припаян конус из зерни, основание которого закрыто диском с 4 парами отверстий. Через эти отверстия были продеты нити, на которых крепилась подвеска из 31 бирюзовой бусины, имитирующая гроздь винограда. Форму подвески удалось проследить при расчистке серьги в могиле. То, что подвеска после ограбления еще сохраняла свою форму, позволяет утверждать, что могила-1 в кургане №1 была первоначально ограблена в глубокой древности, когда нить подвески была еще цела. Серьги, сходные с найденной в могиле-1, встречаются в погребениях Тувы⁵, где датируются VII-VI вв. до н. э. В этих же погребениях найдены и бронзовые зеркала со сходным массивным петлевым центральным ушком.

⁵ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. Рис. 110, 6.

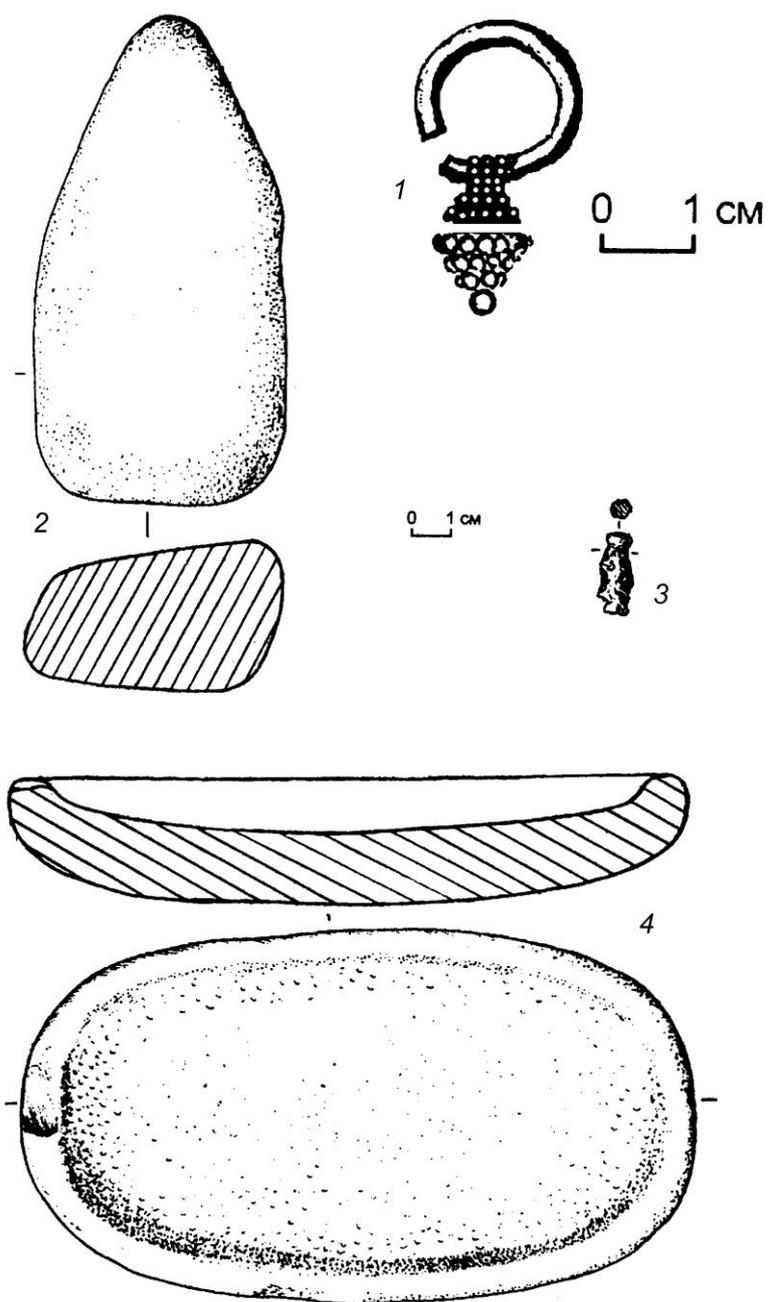

Рис. 3. Курганная группа Казанково-10. Предметы из могилы-1 кургана №1.
 1 – золотая серьга с подвеской из бирюзовых бусинок;
 2 – пест галечный; 3 – стержень железный;
 4 – алтарик каменный.

Аналогичные серьги найдены в могильниках Алтая и Алтайского края⁶, в комплексах, датированных более широко VIII-VI вв. до н. э. От приведенных аналогий серьга из Казанково-10 отличается мелкими размерами и грубостью исполнения.

Кроме серьги в могиле-1 найдены алтарик, пест и железный стержень из прутка диаметром 3 мм и длиной 15 мм (Рис. 3, 3). Алтарик сделан из плитки мелкозернистого песчаника. Он имеет простую овальную форму, без ножек (12,3x6,8x2,3 см). Внешняя и внутренняя поверхности обработаны точечной выбивки (Рис. 3, 4). Найденная здесь же простая галька размером 9x4,5x2,8 см (Рис. 3, 2), вероятно, использовалась в качестве пестика. Кроме этого на дне могилы найдены кусочки и крошки мела.

Курган-2. Визуально был хорошо заметен. Высота кургана — 0,5 м, диаметр — около 12 м. Насыпь была хорошо задернована только на юго-восточном и северо-западном склонах. Через ее среднюю часть, с ЮЗ на СВ, проложена грунтовая дорога с наезженной колеей (Рис. 1).

На кургане №2 перед началом раскопок была проведена электроразведка и гравиметровая съемка. Это было сделано не столько для того, чтобы выявить конструктивные особенности кургана, сколько для того, чтобы иметь эталонные замеры для поисков возможных погребальных сооружений на площадке террасы, где визуально не зафиксированы насыпи курганов.

Для электроразведки был использован шахтовый прибор, работающий на переменном токе 22,5 Гц (ШЭРС-4). Методом симметричного электропрофилеирования, с разносом электродов на 6 м, были получены данные о степени плотности грунтов на обследованном участке при зондаже на глубину до 1,5 м. На участках разрыхления отмечалось повышение сопротивления. Полученные в ходе электроразведки кургана №2 данные можно интерпретировать следующим образом. Насыпь кургана достаточно четко фиксируется областью максимальных сопротивлений (35-58 Ом). Северо-западная часть насыпи более плотная (относительно меньшее сопротивление) из-за того, что здесь проходили колеи грунтовой дороги. В центре кургана в юго-западном секторе были зафиксированы две аномалии с сопротивлением более 50 Ом. В дальнейшем оказалось, что центральная аномалия связана с грабительским вкопом в могилу-1. Аномалия в юго-западном секторе на погребальный объект не вывела. Можно предполагать, что это след пробного грабительского вкопа. Дугообразные аномалии вокруг кургана могут быть связаны с выкапыванием грунта для сооружения насыпи.

Для гравиметровой съемки был использован высокоточный гравиметр (ГНУ-КВ). На участках почвенных аномалий (разрыхления) отмечалось понижение значения ускорения силы тяжести (в миллигалах — мГл), без поправок на высоту рельефа. Гравиметровая съемка производилась по тем же профилям и точкам, что и магнитометрическая.

⁶ Завитухина М.П. Курганы у с. Быстринского в Алтайском крае // АСГЭ. М.; Л., 1966. Вып. 8. Рис. 2, 3; 3, 3; Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. Рис. 3, 4, 5; Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 184-190.

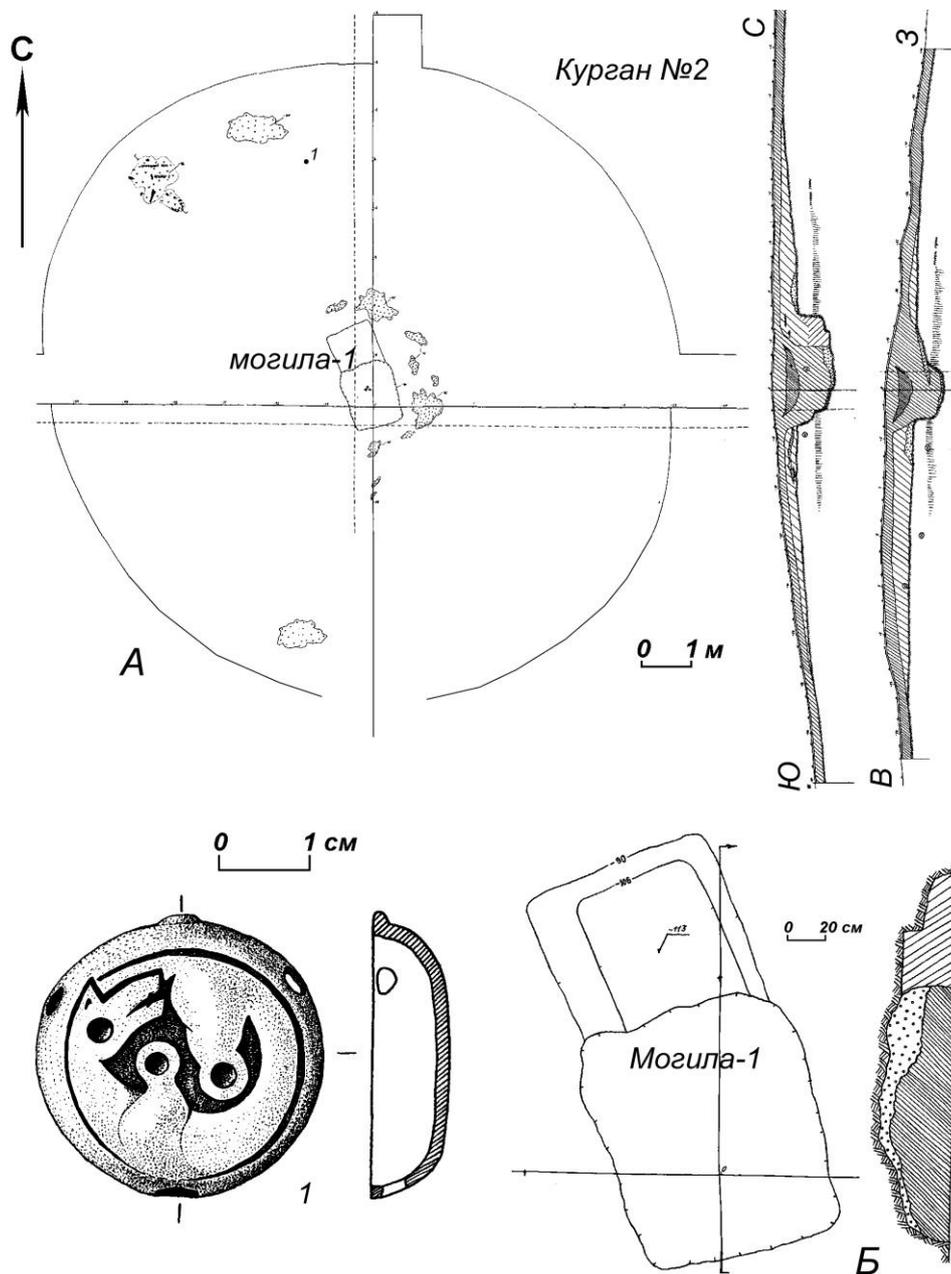

Рис. 4. Курганная группа Казанково-10.
 А – план и профиль кургана №2 (1 – бронзовая бляшка);
 Б – могила-1 из кургана №2; 1 – бронзовая бляшка.

На профилях хорошо заметны падения плотности грунта в центре кургана (грабительские вкопы в могилу-1), общая рыхлость насыпи, а также фиксируется относительная рыхлость грунта в 9-12 м от центра насыпи, которая может быть связана с мелкими ровиками. Проведенная апробация двух методов георазведки показала, что более удобен и предпочтителен по результатам метод электроразведки.

В ходе работ был расчищен раскоп диаметром 14 м. Погребальное сооружение исследовано полностью. Ровик или какие-либо иные ямы по краям насыпи стратиграфически не прослежены. Возможно, они были мелкими, то есть насыпь сооружалась из дерна. В ходе разборки насыпи кургана были выявлены несколько пятен прокаленного грунта. В ходе расчистки этих прокалов выяснилось, что это остатки сгоревших пней. Неистлевшая древесина на невыгоревших участках пня показывает, что возраст дерева не очень велик и близок к современному. Вероятно, это следы недавней раскорчевки поля (Рис. 4, А).

В северной части насыпи, в 5 м к СЗ от ее центра, на уровне погребенной почвы, найдена круглая выпуклая бляшка из металла белого цвета с тремя крепежными дырочками в бортике (Рис. 4, А (1)). Возможно, этот предмет перемещен грабителями из могильной ямы, так как здесь же имелась компактная линза мешанного глинистого грунта, сходного с заполнением могилы, но не было прослежено вкопов в материк. Но не исключена и иная природа этой находки, подобно комплексу из кургана №1.

Диаметр бляшки 3 см. Ее лицевая сторона украшена рельефным изображением свернувшегося в кольцо хищного зверя (Рис. 4, 1). У хищника крупная голова, поджарое туловище, массивные грудь и круп. Треугольное ухо зверя направлено вперед. Глаз обозначен крупной лункой. Короткие лапы имеют кольцеобразное завершение. Узкий хвост расположен над мордой хищника. Подобные взаиморасположения лап и хвоста, степень свернутости животного и другие признаки композиционной схемы, по мнению Ю.Б. Полидович, наиболее характерны для ранних изображений из «восточных» провинций скифо-сибирского звериного стиля⁷. Исходя из стилистических признаков можно предполагать, что на бляшке изображен волк. Полные аналогии бляшке из Казанково-10 встречены в материалах раннего железного века Минусинской котловины VII в. до н.э.⁸ и Томского Приобья, где их датируют VI-V вв. до н.э.⁹ Образ свернувшегося хищника, наделенный чертами волка или собаки, распространяется во всех основных локальных вариантах скифо-сибирского звериного стиля в V в. до н.э.¹⁰

Стратиграфия кургана №2 (Рис. 4, А):

- дерн — 5 см;
- черный пахотный слой — 15-25 см;

⁷ Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // СА. 1994. №4. С. 76; Рис. 5.

⁸ Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983. С. 157.

⁹ Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н. э. Томск, 1977. С. 79.

¹⁰ Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. №2. С. 84.

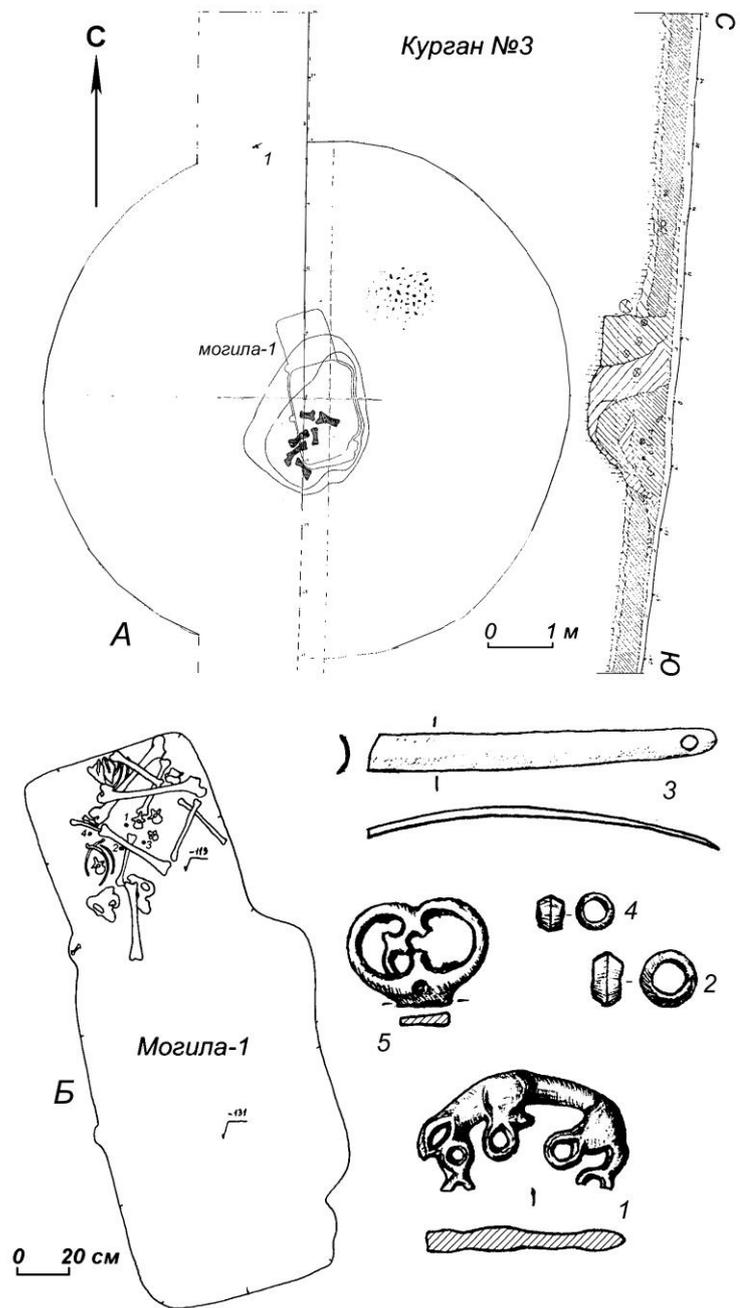

Рис. 5. Курганная гр. Казанково-10. А – план и профиль кургана №3 (1 – бронзовый чекан); Б – могила-1 из кургана №3; 1-5 – вещи из могилы-1 кургана №3. 1 – бронзовая фигурка; 2, 4 – бронзовые пронызы; 3 – обломок серебряной гривны или диадемы; 5 – бронзовое навершие ножа (?).

- остаток насыпи из серого грунта сохранился в радиусе 5 м, в центре кургана она включала и прослойки глинистого выброса из могильной ямы мощностью 5-15 см; наибольшая толщина насыпи кургана над погребенной почвой составляла 60 см; в насыпи кургана встречались кусочки истлевшей древесины, единичные мелкие камни, кротовины;

- заполнение грабительских вкопов в центре кургана имело черный цвет; в верхней части заполнения грабительского вкопа прослеживалась линза еще более темного грунта (она могла сформироваться в ходе постепенного заполнения гумусом воронки от грабительской ямы, позднее воронка была засыпана в ходе рекультивации поля); грабительский вкоп не только прорезал заполнение могилы, но и был врезан в глинистый материк, с чем связано большое включение глины в заполнение его нижней части; судя по характеру заполнения грабительских вкопов и могильной ямы, курган №2 был ограблен неоднократно;

- заполнение нижней части могильной ямы отличалось по составу от насыпи кургана, было менее однородным, мешаным, включало куски глины, кусочки истлевшего дерева.

Подкурганная площадка содержала 1 захоронение (Рис. 4, А).

Могила-1 была выявлена, как и предполагалось по данным электрорастворения, в центре подкурганной площадки. Ее длинная ось ориентирована на С-СЗ. Погребение располагалось в прямоугольной яме шириной 1 м и глубиной 0,7 м (от уровня погребенной поверхности). Длина точно не установлена, так как южная часть ямы разрушена грабительским вкопом 1,3x1,1 м и глубиной 1,3 м, то есть превышающей глубину могилы. Стенки могилы слабонаклонные (Рис. 4, Б). В придонной части могилы-1, на уровне 10 см от дна, вдоль стен фиксируются уступчики. Вдоль северной и восточной — шириной 10 см, а вдоль западной — 23 см. Захоронение ограблено. Возможно, ограбление было, так же как и в кургане №1, неоднократным. Пробными грабительскими ямами можно объяснить ряд рыхлых аномалий в насыпи кургана, которые не были связаны с погребальными сооружениями.

В заполнении могилы-1 встречались мелкие кусочки гнилого дерева; костей и остатков сопроводительного инвентаря не найдено. В грабительском перекопе найдена часть бедренной кости взрослого человека.

Курган №3. Найден в 25 м к ЮЗ от кургана №2 на пологом склоне террасы с южной экспозицией, в 35 м к ЮЗ от тригонометрического пункта, установленного на краю террасы (Рис. 1). На местности курган №3 фиксировался как незначительное превышение рельефа без определенного диаметра. Максимальная высота не превышала 0,2 м. На основании нивелировочных отметок бровки СЮ кургана был размечен раскоп диаметром 8 м. Для того чтобы проследить возможное наличие рвов, вдоль бровки на Ю и на С раскоп был расширен в виде траншеи шириной 1,5-1 м. На север траншея была прокопана на 2 м, на юг — на 1 м. Рвы прослежены не были (Рис. 5, А).

Под дерном, на глубине -20 см от дневной поверхности, в северо-восточном секторе встречено скопление древесных углей на площади диаметром 95 см (Рис. 5, А). Вместе с угольками были и неперегоревшие кусочки дерева. Вероятно, это следы более позднего, чем курган, костра. На этом участке террасы в насыпях курганов и в межкурганном пространстве встречаются материалы поселения финской культуры (III-IV вв. н. э.).

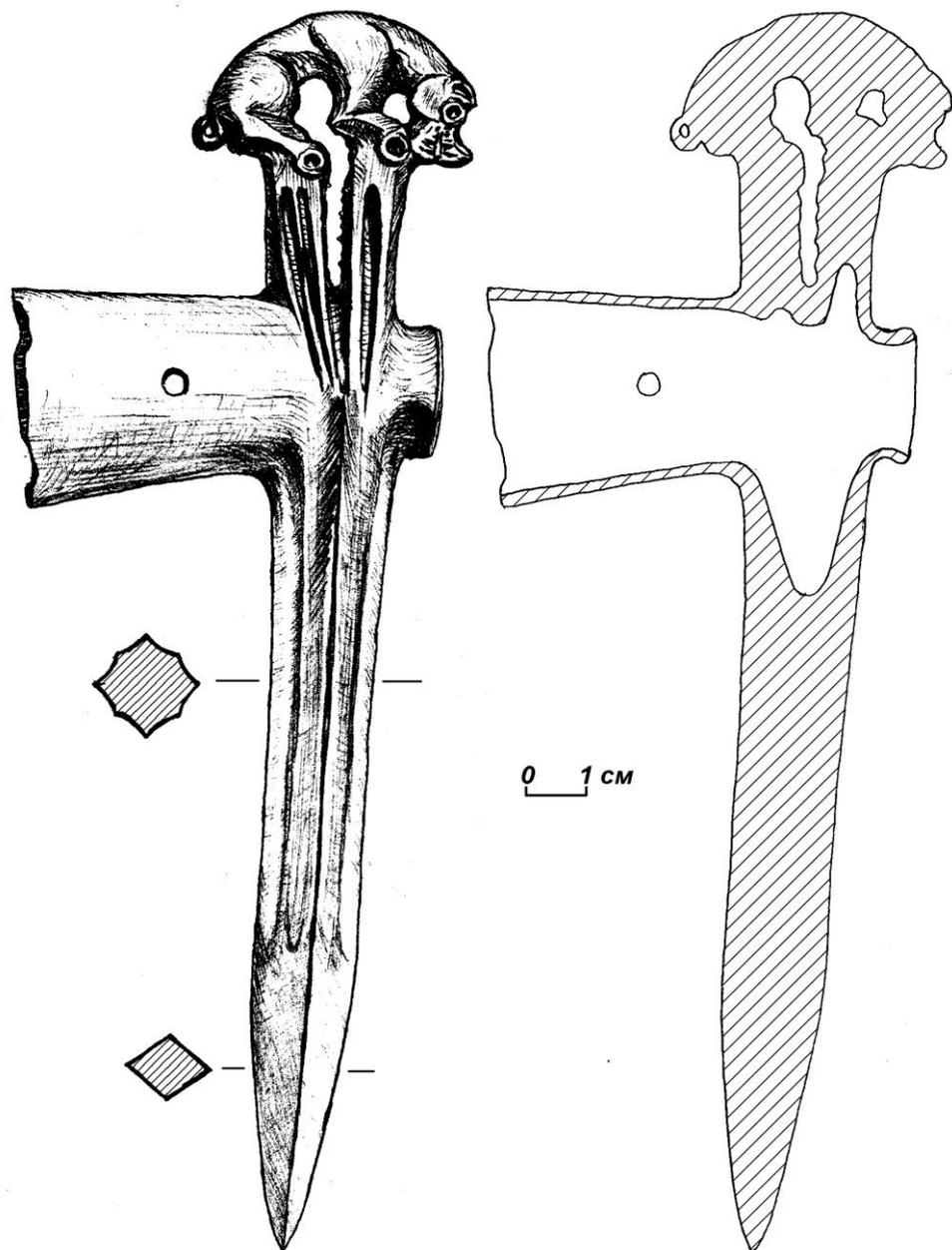

Рис. 6. Курганная группа Казанково-10.
Бронзовый чекан из полы кургана №3.

Рис. 7. Курганная группа Казанково-10.
Фигурка волка на обухе бронзового чекана из полы кургана №3.

Глинистого выброса из могильной ямы не прослежено, на уровне погребенной почвы, в центре кургана зачищено пятно неправильных очертаний 250x173 см (ось — СВ-ЮЗ). Это были следы не менее чем двух грабительских вкопов, один в другом. В центральной части бровки насыпи кургана №3, в заполнении грабительского вкопа, найдены кости коровы — бедро и плечо с лопаткой. Кости могли попасть в грабительскую воронку позже.

В 4 м к СЗ от центра кургана, на уровне погребенной почвы, был найден массивный бронзовый чекан (Рис. 5, А (1)). Его максимальные размеры — 19x6,4x3 см. Боек чекана на 1/6 полый со стороны втулки. Он в сечении восьмигранный, а острие — ромбическое. В тонкостенной длинной втулке есть отверстия для фиксации рукоятки. Прорезной обух чекана отлит в виде стилизованной фигуры стоящего волка с выгнутой спиной, маленьким крючковатым хвостом, опущенной массивной головой с оскаленной пастью и кольцевыми завершениями коротких полусогнутых лап (Рис. 6; 7).

Сходные чеканы известны на Среднем Енисее, где датированы VII-VI вв. до н.э.¹¹ Стилистически близкие изображения волков есть на раннескифских наскальных рисунках Алтая¹².

¹¹ Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. С. 156.

¹² Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири / Сборник МАЭ. Л., 1988. Т. XLII. Рис. 2, 1.

Стратиграфия кургана №3 прослежена по профилю бровки (Рис. 5, А). Вне насыпи кургана наблюдалось следующее чередование слоев:

- дерн — 7-10 см;
- черный грунт — 35 см;
- бурый слой почвы — 10-14 см;
- желтая материковая глина.

Серый грунт насыпи кургана, перекрывающий черную погребенную почву, прослежен не далее чем в 4 м к С и Ю от центра кургана:

- его мощность не превышала 10-15 см;
- серый грунт заполнения могилы-1 прослежен только в северной части разреза;
- прослойка выброса материковой глины на уровне погребенной почвы мощностью до 4 см отмечена в бровке только в 1,5-2 м к Ю от центра кургана №3;
- широкий конус мешаного грунта грабительского вкопа был прорезан меньшим конусом черного грунта более позднего грабительского вкопа; последний в верхней части содержал кости коровы, а в нижней — линзу мешаного грунта мощностью до 25 см;
- кротовины прорезали все слои.

На подкурганной площадке выявлено одно погребение (могила-1). Пятно могилы-1 было вытянуто с СЗ на ЮВ, с максимальными размерами — 2,4х1 м. Контур южной половины могилы-1 был искажен грабительскими вкопами. Ширина могилы-1, судя по северной половине, не превышала 76 см (Рис. 5, Б). Глубина могилы-1 от уровня погребенной почвы составила 100 см.

В грабительском перекопе над могилой-1, в ее северной части, был найден бронзовый ажурный предмет (Рис. 5, 5). Он напоминает отломанное волотообразное навершие небольшого ножика. При расчистке остатков могилы-1, в ее северной половине были вскрыты перемешанные кости взрослого человека. От черепа погребенного на дне могилы найдено несколько зубов и часть глазницы. Среди костей скелета не найдено ключиц. Отмечено, что лопатки были сложены вместе. Последовательность расположения костей в грабительском перекопе позволяет предположить, что погребенный первоначально был ориентирован головой на СЗ.

Среди костей найдено несколько мелких украшений: обломок продольно выгнутой серебряной пластинки 6,3х0,6х0,1 см с отверстием на скругленном конце (вероятно, обломок шейного или головного украшения) (Рис. 5, 3), две биконические бусины диаметром 1 и 0,6 см (Рис. 5, 2, 4) и бронзовая стилизованная фигурка зверя 4х2,2х0,3 см (Рис. 5, 1). У фигурки длинное узкое туловище с выгнутой спиной, приостренное, направленное вперед ажурное ухо, круглое отверстие на месте глаза и кольцевые завершения коротких полусогнутых лап. Кольцевые завершения морды и длинного хвоста в древности были повреждены, края сломов заполированы. Вероятно, фигурка первоначально была навершием какого-то орудия, например ножа. С орудием фигурка могла соединяться кончиком морды и хвоста. В южной половине могилы-1, в заполнении грабительских вкопов, ничего найдено не было.

В 11 м к ЮВ от центра насыпи кургана №3, в межкурганном пространстве, вскрыто скопление жженных костей животного. Среди них было найдено бронзовое кольцо диаметром 5,6 см (Рис. 8, 1).

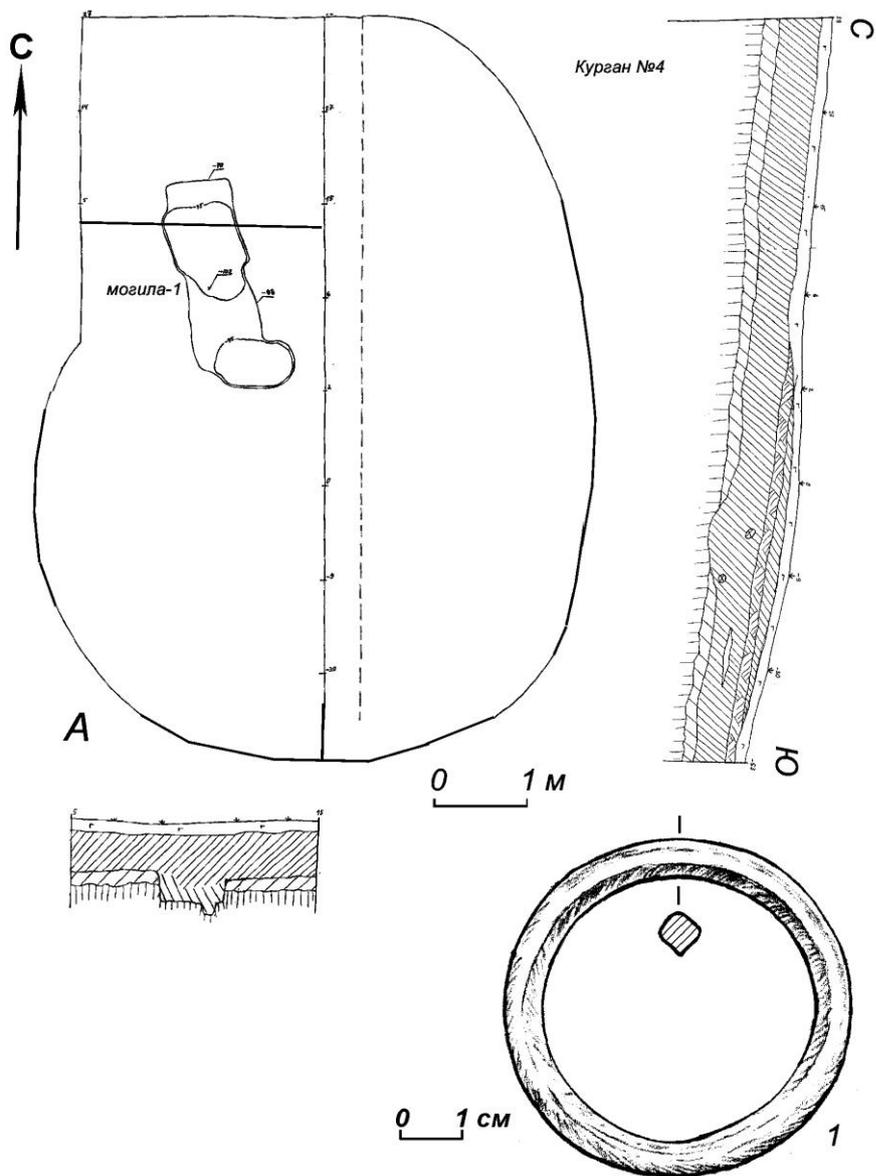

Рис. 8. Курганная группа Казанково-10.
 А – план и профили кургана №4. 1 – бронзовое кольцо из скопления жженных костей на межкурганном пространстве.

Курган №4. Был выявлен по небольшому холмику, расположенному на краю поля, в 23 м к ЮЗ от кургана №3, в 60 м к ЮЗ от тригонометрического пункта на краю террасы (Рис. 1). Была большая вероятность, что это не курган, а обычный пахотный вал, какие всегда бывают на краю полей. Диаметр раскопа — 6 м, был взят произвольно, но больше по форме насыпи, фиксируемой визуальными и по нивелировочным отметкам.

В ходе раскопок кургана №4 ни на одном уровне зачистки не были прослежены могильные выбросы. Контур могильного пятна четко проявился только после снятия темных слоев почвы и верхнего слоя материковой глины. По стратиграфии бровки СЮ было прослежено, что насыпь кургана была значительно смещена в результате грабительских перекопов и пахоты (Рис. 8, А). В разрезе было хорошо видно, что насыпь мощностью до 50 см (вместе с дерном) перекрывала непотревоженный слой погребенной почвы (10 см). В профиле бровки отмечен и разрез некоей ямы, нарушающей предматериковый бурый слой. Видимо, с ней связан и глинистый выброс мощностью до 5 см на уровне 50 см от уровня погребенной почвы. Судя по уровню выброса и по тому, что древняя почва над ямой не нарушена, можно полагать, что у этой ямы более древнее происхождение, чем у кургана №4.

Раскоп был расширен к северу от могильного пятна на 2 м вдоль северной части бровки СЮ. К западу от бровки ширина прирезки составила тоже 2 м. И восточный сектор кургана-4 был соответственно расширен. Перед расширением раскопа был сделан разрез могилы-1 по профилю северной стенки раскопа (Рис. 8, А). Над могилой-1 никаких остатков насыпи не прослежено. Стратиграфия разреза могилы-1 была следующей:

- дерн — до 13 см;
- черный грунт — до 50 см;
- бурый слой почвы — 14-16 см; его прорезала яма могилы-1 шириной 68-70 см с мешаным заполнением; выше бурого слоя почвы заполнение могилы-1 было окрашено черным почвенным слоем и не прослеживалось; глубина могилы-1 от уровня дневной поверхности — 83 см, глубже (до уровня -92 см от дневной поверхности) материк прорезает яма грабительского вкопа;
- желтая материковая глина.

После снятия грунта над северной частью могилы-1 был выявлен ее полный контур. Он был искажен норами грызунов и несколькими грабительскими вкопами. Один из них фиксировался в юго-восточном углу могилы-1, а другой — в ее средней части. Размеры выявленного пятна были 2,2x0,8 м. Если ориентироваться на наименее потревоженную северную часть могилы-1, то ее ширина не превышала 0,7 м. В заполнении разрушенной могилы-1 кургана №4 собраны только зубы и мелкие обломки черепа взрослого человека.

Суммируя данные по исследованным погребальным комплексам курганной группы Казанково-10 можно отметить следующее. Высота курганов составляла 0,2-0,4 м, диаметр — 10-12 м. Ровики, или какие-либо иные ямы по краям насыпей визуальными не прослеживались. На подкурганных площадках располагалась по одной могиле. Все могилы несут следы неоднократных ограблений, которые начались в эпоху совершения захоронений.

Погребения располагались в простых прямоугольных ямах шириной 0,7-1 м и глубиной от 0,7 до 1,2 м (от уровня погребенной поверхности). Длина могильных ям не установлена, так как они разрушены грабительскими шурфами. Стенки могил по-

чти отвесные, дно ровное. В придонной части могилы кургана №2, на уровне 10 см от дна, вдоль стен, были уступчики. Длинная ось всех могил была ориентирована на С с незначительными отклонениями на СВ и СЗ. Судя по косвенным признакам, все погребения ориентированы головой в северный сектор.

Судя по планиграфии, погребальному обряду и инвентарю, курганная группа Казанково-10 имеет однородный культурно-хронологический состав. По аналогиям инвентарю погребения могут быть датированы VI-V вв. до н. э. Поиск аналогий в погребальной обрядности также не противоречит такой хронологии. В частности, в курганах скифского времени в Новосибирском Приобье рвы вокруг насыпей появляются не ранее IV в до н. э.¹³ Одна могила на подкурганной площадке характерна для курганов VI-IV вв. до н.э., в более позднее время число могил увеличивается¹⁴. П.М. Мединский, рассматривал в своей публикации стилистические особенности образа свернувшегося хищника на бронзовой бляшке из кургана №2 курганной группы Казанково-10. Выделяя на нем признаки алтайского влияния, он считает, что наиболее вероятной датой для этого изображения будет V-IV вв. до н. э.¹⁵

Более поздние погребения эпохи раннего железа были исследованы нами на территории г. Новокузнецка в ходе охранных археологических работ на Кузнецкой крепости.

Кузнецкая крепость находится в г. Новокузнецке на правом берегу р. Томи, на мысу Становой гривы (Вознесенская гора) (Рис. 9, А). Ее укрепления состоят из земляного вала с реданами и в плане имеют форму вытянутого вдоль гривы прямоугольника 450х80 м.

В апреле 1998 г. к 380-летию юбилею г. Кузнецка на крепости были проведены обширные строительные-восстановительные работы. При прокладке коммуникаций (водопровод, канализация, телефонный кабель) и в ходе работы тяжелой строительной техники на внутренней площадке крепости были разрушены сотни квадратных метров памятника (фундаменты построек, земляные валы и рвы). Работы велись с нарушением строительных и реставрационных норм. Всякие попытки наладить какой-либо контроль за проводимыми работами (в том числе и археологический надзор) не имели успеха. Единственное, чего мы смогли добиться, — это ограничить объем строительства только объектами, на которых ранее уже были проведены археологические расчистки, зондажи и обмеры. Тем не менее устроители юбилея продолжали вынашивать крайне привлекательную для них идею восстановления деревянной крепостной Вознесенской часовни. На возможность согласования этих работ с проведением предварительных раскопок, а тем более на целевое финансирование этих раскопок в сложившихся обстоятельствах надеяться не приходилось.

¹³ Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 77.

¹⁵ Мединский П.М. Изображение свернувшегося хищника из могильника Казанково X // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 47.

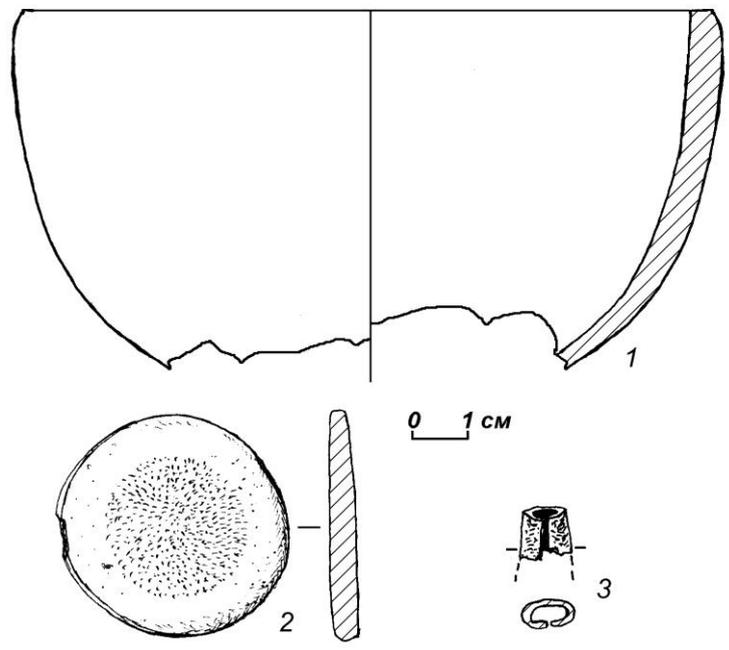
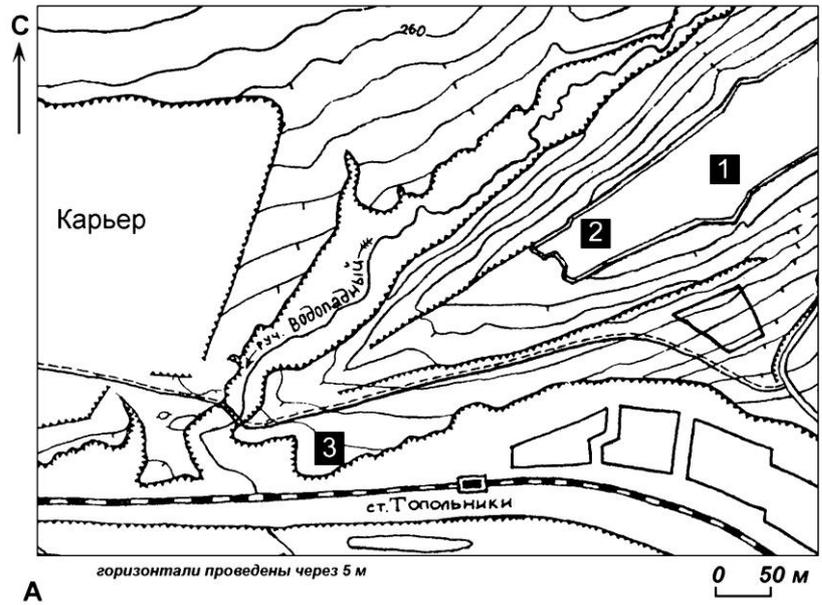

Рис. 9. А – расположение погребальных комплексов на территории Кузнецкой крепости (1, 2 – участки могильника Кузнецк-1/4; 3 – участок могильника Кузнецк-1/5). 1-3 – материалы из разрушенных погребений на участке-2 могильника Кузнецк-1/4.
 1 – керамика; 2 – каменный диск; 3 – железная несомкнутая втулка от ложечковидной застёжки(?).

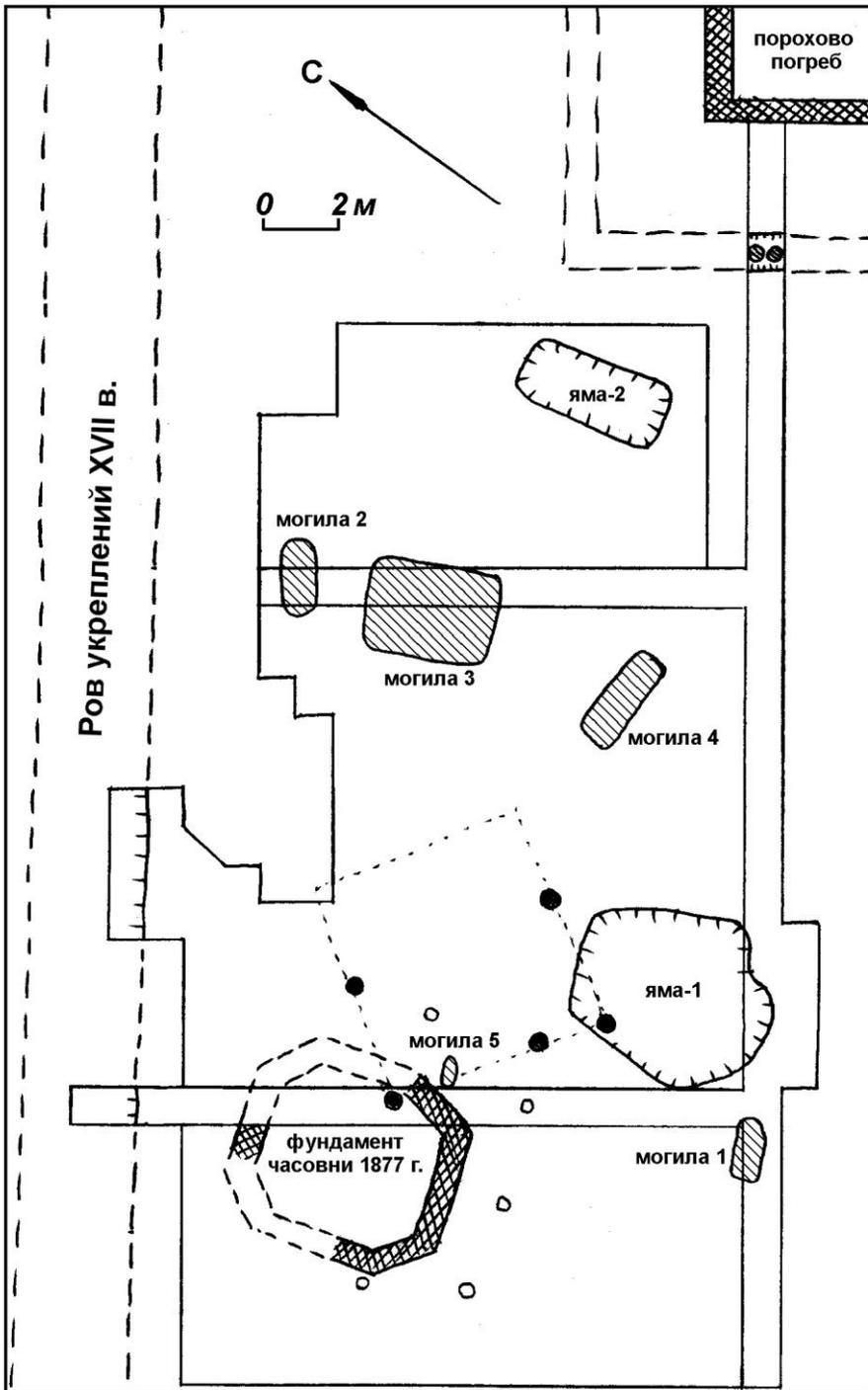

Рис. 10. Могильник Кузнецк-1/4. План раскопа на участке-1.

Чтобы не допустить начала строительства Вознесенской часовни, мы вынуждены были срочно начать поисковые работы на предполагаемом месте ее сооружения¹⁶. И не напрасно. Постоянно присутствуя на территории крепости, нам удалось спасти от разрушения южную каменную сортию, которую строители хотели разобрать, чтобы использовать камень для облицовки восстанавливаемых ими полубастионов.

В ходе исследования места расположения Вознесенской часовни на юго-западном краю внутренней площадки крепости (Рис. 9, А (1)) были обнаружены палеолитическое поселение (Кузнецк-1/3) и могильник эпохи раннего железа (Кузнецк-1/4).

Могильник Кузнецк-1/4 (Рис. 10).

Могила №1, погребение 1. В юго-западном краю раскопа-1, на уровне материковой глины было расчищено пятно подпрямоугольной формы 0,8х1,7 м, связанное с заполнением мелкой ямы. Юго-западный край этой ямы был разрушен современным перекопом (Рис. 11, А). В ходе выборки заполнения выявленной ямы в ее северо-восточной части были найдены коленная чашечка и несколько суставов стопы человека. Кости были очень плохой сохранности. Глубина могилы №1 от уровня современной дневной поверхности около 60 см.

Судя по размерам могилы №1 и количеству найденных костей, можно предположить, что в ней было одно погребение. Разрушение погребения могло произойти в результате ограбления могилы или при разрушении надмогильной поверхности в ходе сооружения валов Кузнецкой крепости. Какой-либо инвентарь или кости животных в могиле не найдены. Вследствие того, что костяк погребенного был практически полностью утрачен, удалось установить только приблизительный возраст погребенного — старше 15 лет.

Могила №2, погребение 1. В северо-восточном краю раскопа-1 на уровне глины зачищено подпрямоугольное пятно 1,9х0,7 м. При зачистке пятна был найден мелкий обломок черепной кости, который, видимо, был вынесен на поверхность грызунами. Стало очевидно, что это еще одна могила (Рис. 10).

Могила №2 содержала одно погребение (Рис. 11, Б). Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Судя по его сохранности могила не была потревожена грабителями. Наблюдаемые в ходе расчистки смещения некоторых костей (лучевая кость руки была найдена на некотором расстоянии от скелета, череп продавлен к груди), видимо, связаны с активностью грызунов. Дно могилы неровное. Оно было дополнительно углублено вдоль средней части ямы, как бы по контуру погребенного человека, образуя заплечики. Позвоночник костяка был заметно деформирован при укладке тела. Наибольшая глубина могилы №2 от современной поверхности 65 см. В могиле найден один неорнаментированный толстостенный горшок. Он стоял возле черепа у левой височной кости, на уровне заплечиков дна (Рис. 11, Б; 13, 1). Горшок был грубо вылеплен из широких полос, по которым и расслаивался. Он имел короткую, прямую, слегка утолщенную шейку, раздутое тулово и уплощенное дно. В шейке с диаметрально противоположных сторон просверлено по отверстию. Стенки грубо затерты.

Вероятный возраст погребенного в могиле №2 — около 15 лет.

¹⁶ Ширин Ю.В. К реконструкции Вознесенской часовни XVIII в. на территории Кузнецкой крепости // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 140-155.

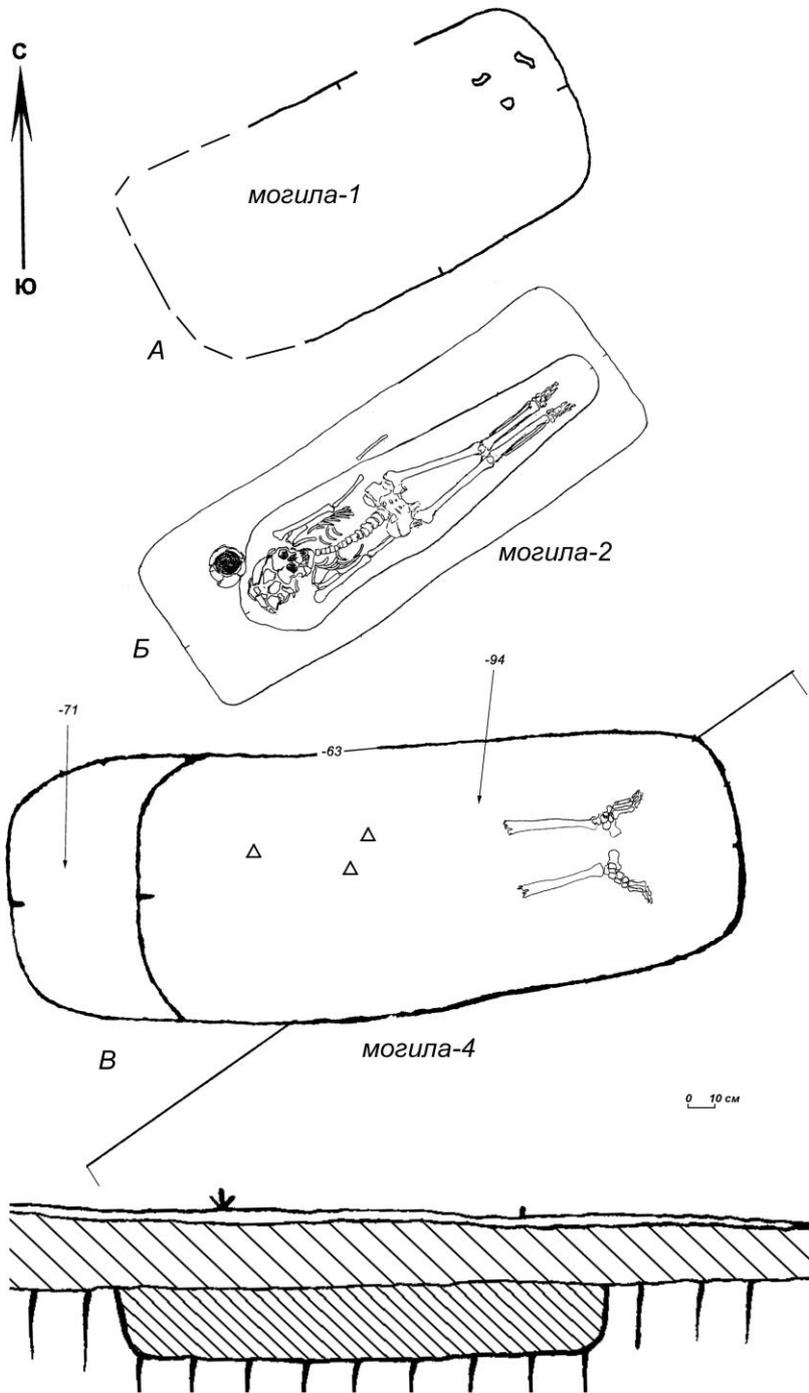
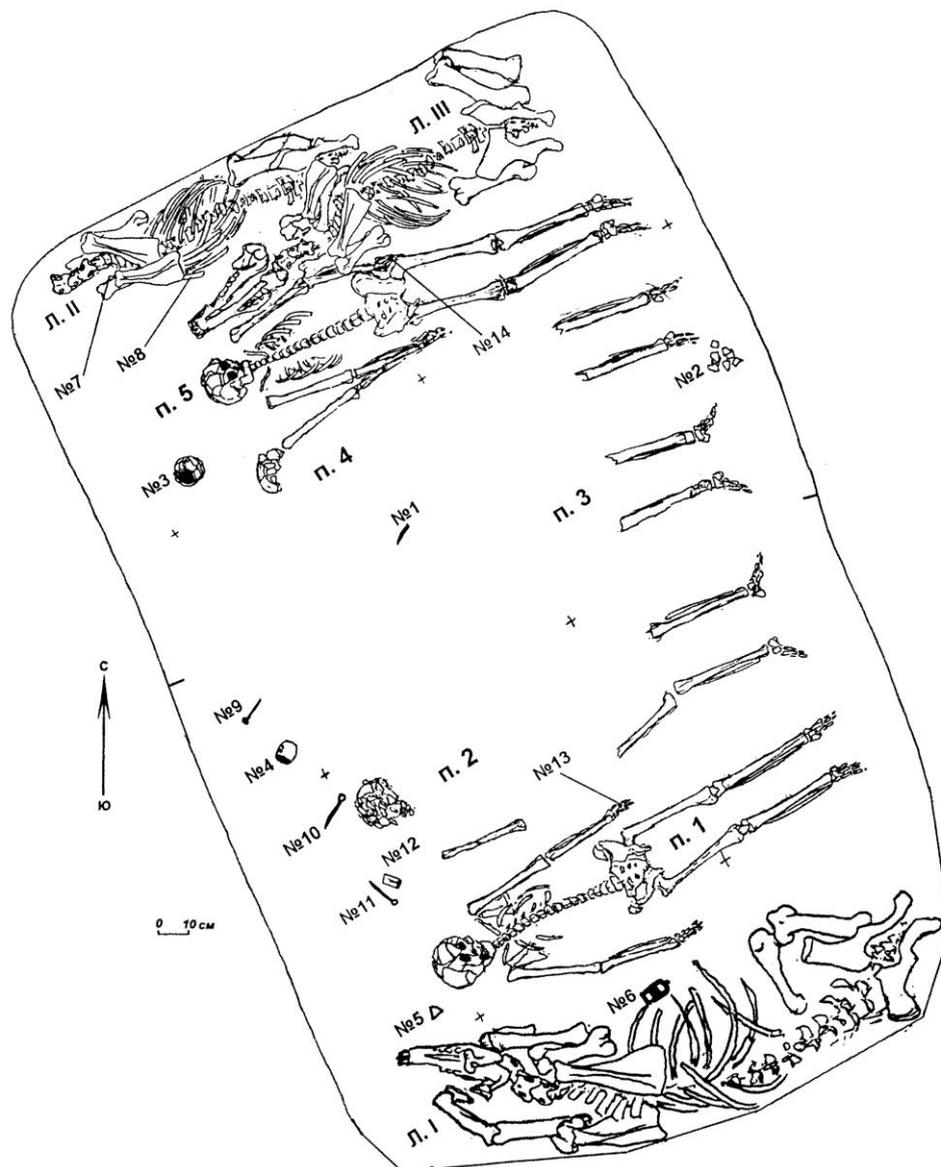

Рис. 11. Могильник Кузнецк-1/4. Планы могил.
 А – могила №1; Б – могила №2; В – могила №4 и ее разрез.

№1 - нож железный	№8 - костьлик роговой
№2 - глиняный сосуд в обломках	№9 - нож железный
№3 - глиняный горшок	№10 - нож железный
№4 - глиняный сосуд с обломаной ручкой	№11 - нож железный
№5 - фрагмент глиняного сосуда	№12 - тесло железное
№6 - подпружная пряжка роговая	№13 - кольцо медное
№7 - застежка из ребра с 2 отверстиями	№14 - кольцо медное

Рис. 12. Могильник Кузнецк-1/4. План могилы №3 с обозначением погребений, сопроводительных захоронений лошадей и инвентаря.

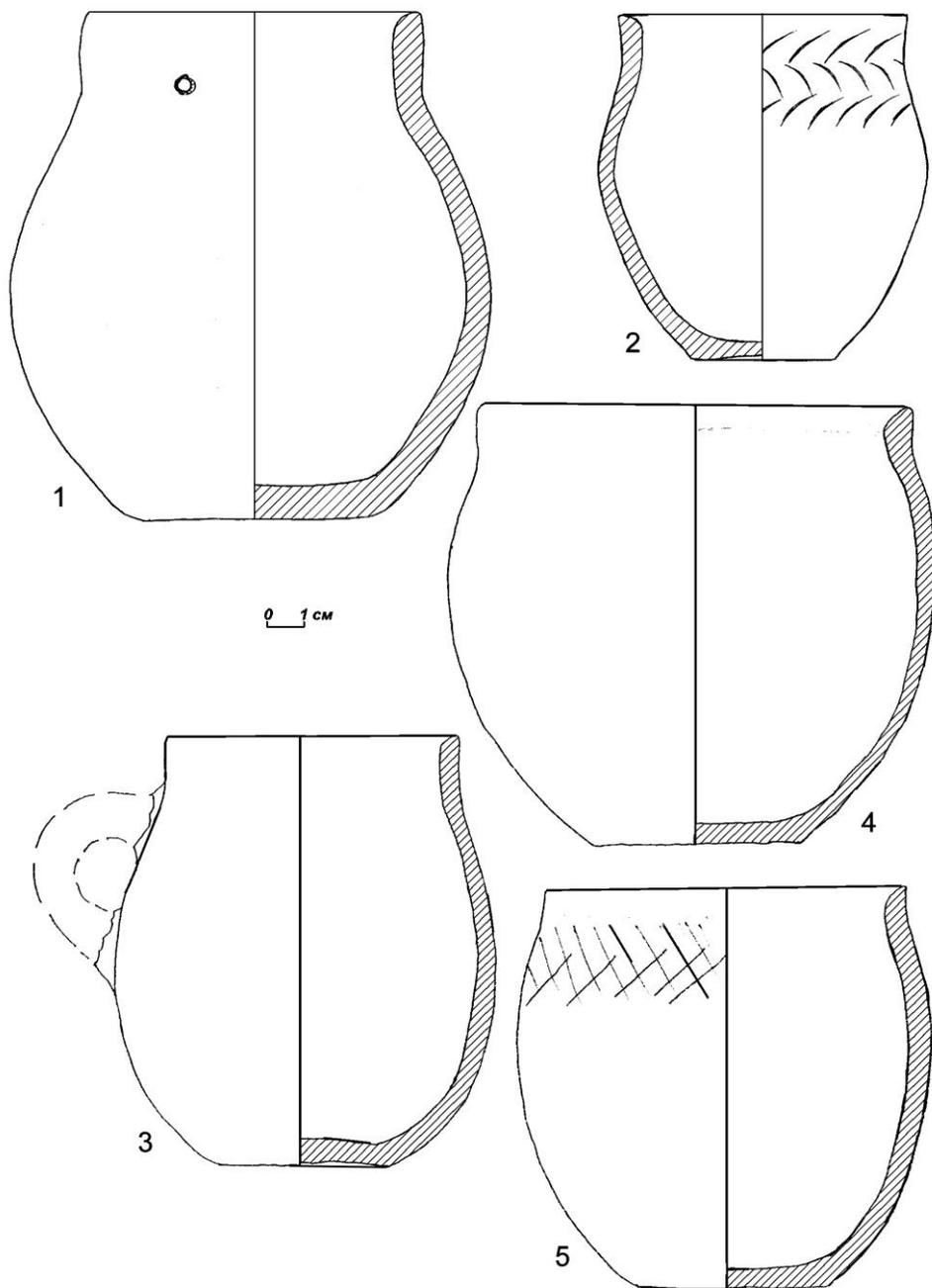

Рис. 13. Могильник Кузнецк-1/4. Глиняные сосуды из погребений.
1 – из могилы №2; 2 – из могилы №4; 3-5 – из могилы №3.

Могила №3. Эта могила выявлена в 2 м к Ю от могилы №2. Могила №3 представляла собой прямоугольную яму размером 2,3х3,6 м. Она была вытянута по линии ЮВ-СЗ (Рис. 10; 12). Глубина могилы №3 от уровня современной поверхности около 80 см. В западном углу могилы №3 была отмечена современная яма. В северном углу могилы №3 рос тополь.

Его корни пронизали всю северную половину могилы и затрудняли расчистку. В юго-западной части могильного пятна, в верхнем уровне заполнения, были обнаружены разбитые кости лошадиного черепа.

Могила №3 содержала 5 погребений (Рис. 12). Все 5 человек были уложены вытянуто на спине головой на юго-запад. Вместе с этим по краям могилы были найдены скелеты трех лошадей. У северной стенки были уложены 2 молодые лошади (одна за другой с небольшим наложением костяков), а у южной — 1 более старая лошадь. Как и люди, лошади были ориентированы головой на ЮЗ. Лошади были уложены на живот с подогнутыми под него ногами, головы приподняты. Черепа всех лошадей — и у северо-восточной стенки, и у юго-западной — были разбиты современными ямами при посадке тополей, сохранились только части нижних челюстей.

При расчистке южного костяка лошади в области ее живота была найдена крупная роговая подпружная пряжка с двумя овальными прорезями для ремня и шпеньком на полукруглом конце. Лицевая поверхность подпружной пряжки покрыта циркульным узором, имитирующим выемчатую инкрустацию (Рис. 14, 2).

При расчистке северной пары лошадей среди костей лошади II были найдены два предмета. Один из них выточен из куска ребра какого-то животного. Он имеет два сквозных отверстия диаметром 4 мм, просверленных через плоскость ребра на расстоянии 2,5 см друг от друга (Рис. 14, 1).

Другой предмет выточен из рога и представляет из себя так называемый костылек. Он имеет вид круглого в сечении стержня длиной 6,5 см с обломанным ушком с насечками на верхних углах (Рис. 14, 3). Вероятно, эти два предмета — части аркана или пут.

В средней части могилы №3 зафиксирована крупная грабительская яма, разрушившая часть погребений. В заполнении грабительской ямы был найден только один железный нож с пластинчатой ручкой (Рис. 15, 4.). Дно могилы неровное. Для захоронения лошади у юго-западной стенки было сделано несколько большее углубление. Уровень дна здесь на 10 см ниже, чем в основной части могилы №3. Деревянных конструкций внутри могилы №3 не выявлено, но плотное расположение костей двух лошадей у северной стенки не исключает того, что лошади были отделены от людей деревянной перегородкой.

Далее дается описание погребений людей из могилы №3 по порядку, начиная от крайнего с ЮЗ. Погребенные были уложены примерно на равном расстоянии друг от друга. Между осями погребений не более 0,6 м.

Погребение 1. Представлено практически полным скелетом очень плохой сохранности. Череп раздавлен. Тело было уложено в вытянутом положении на спине. Руки лежали вдоль туловища и были немного разведены в стороны. Особенно далеко от туловища отведена правая рука. Она приближена к ребрам уложенной рядом лошади. Среди фаланг пальцев левой руки найдены обломки пластинчатого медного кольца (Рис. 15, 5.). В районе головы найден фрагмент неориентированной стенки глиняного сосуда.

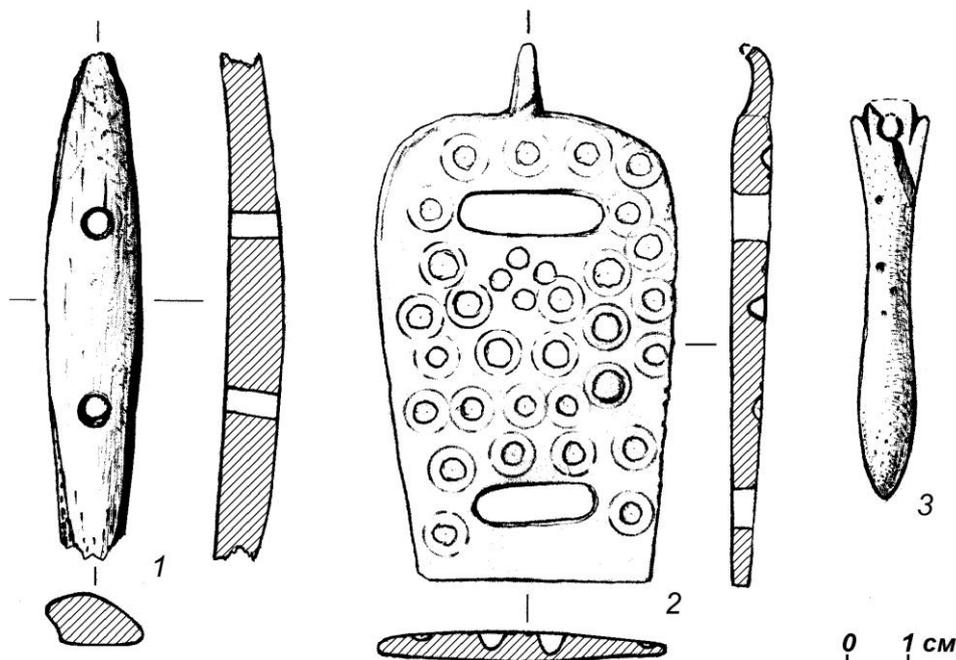

Рис. 14. Могильник Кузнецк-1/4. Костяные предметы из могилы №3.
 1 – костяная застежка (лошадь-II); 2 – роговая подпружная пряжка (лошадь-I); 3 – роговой костылек-подвеска (лошадь-II).

Вероятный пол — женский, по развитию зубов определен приблизительный возраст — 16-18 лет.

Погребение 2. Тело было уложено в вытянутом положении на спине. Руки лежали вдоль туловища. Найдены: мелкие обломки черепа с нижней челюстью, кости правой руки и ноги. От левой половины скелета сохранились только кости ноги ниже колена. Большая часть скелета была уничтожена грабительской ямой.

Вероятный пол — мужской, по стертости зубов возраст погребенного — 45-50 лет.

Погребение 3. Верхняя часть костяка, разрушенная грабительской ямой, отсутствует. Найдены раздробленные кости ног ниже колена плохой сохранности. По формированию костей ног приблизительный возраст — старше 20 лет.

Погребение 4. Череп раздроблен. Нижняя челюсть и средняя часть костяка, разрушенные грабительской ямой, отсутствуют. Найдены раздробленные кости ног ниже колена и левой руки плохой сохранности. По зубам возраст погребенного — 15-20 лет. Пол не установлен.

Погребение 5. Представлено практически полным скелетом очень плохой сохранности. Череп и тазовые кости раздроблены. Располагалось вплотную к погребению 4. Кости предплечья правой руки погребения 5 смыкались с костями предплечья левой руки погребения 4.

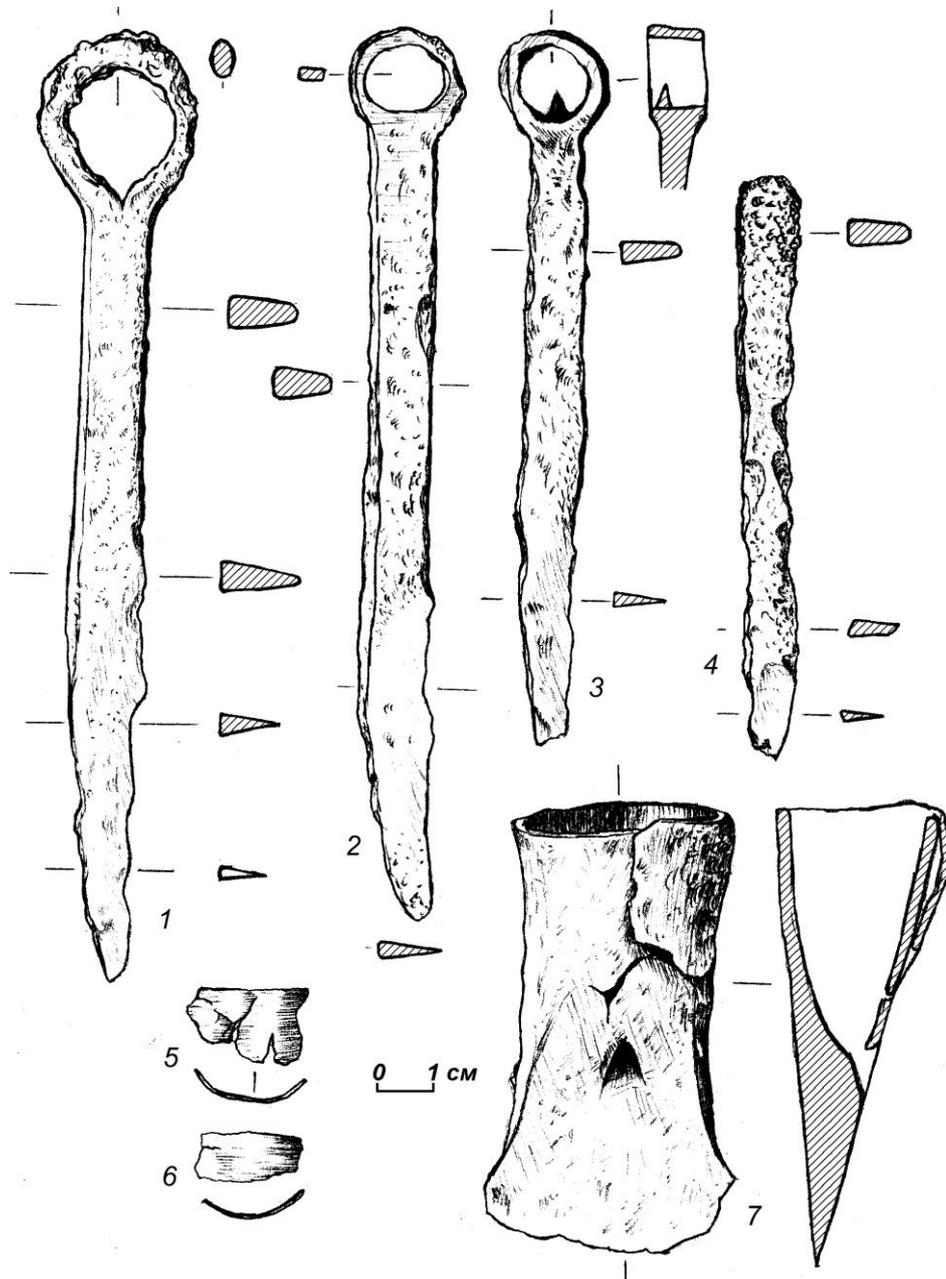

Рис. 15. Могильник Кузнецк-1/4. Предметы из могилы №3.
 1-4 – железные ножи; 5, 6 – медные кольца; 7 – железный кельт.

Среди фаланг левой руки погребения 5 найдены обломки пластинчатого медного кольца (Рис. 15, 6.). Кости ног погребения 5 были смещены от оси тела в сторону ног погребения 4. По имеющимся антропологическим признакам можно судить о том, что погребение 5 — это погребение мужчины в возрасте 45-50 лет или старше.

В могиле №3 тела погребенных были уложены так, что между их головами и юго-западной стенкой могилы оставался промежуток шириной не менее 40 см. На этом пространстве располагался погребальный инвентарь.

Над правым плечом погребения 2 лежали железное тесло с сомкнутой втулкой и с остатками деревянной ручки в ней (Рис. 15, 7.) и железный нож с кольцевым навершием на ручке (Рис. 15, 2.). Над левым плечом погребения 2 лежал железный нож с петлевым навершием на ручке (Рис. 15, 1.). В районе утраченной головы погребения 3 лежал железный нож с кольцевым навершием на ручке (Рис. 15, 3.) и стоял неорнаментированный лепной плоскодонный сосуд с отломанной петлевой ручкой в зоне плечика (Рис. 13, 3). Высота сосуда 12 см, диаметр устья 8 см. За головами между погребениями 4 и 5 стоял неорнаментированный плоскодонный горшок (Рис. 13, 4). Высота сосуда 12 см, диаметр устья 11,5 см. Кроме этого в ногах между погребениями 3 и 4 найдены обломки разбитого при посадке тополя плоскодонного горшка, орнаментированного резным орнаментом в виде небрежно выполненной горизонтальной елочкой, пересеченной вертикальными штрихами (Рис. 13, 5). Высота сосуда 11 см, диаметр устья 10 см.

Могилы №4, погребение 1.

Была найдена в 3 м к югу от могилы №3 при зачистке глинистого слоя на уровне -30 см от современной поверхности (Рис. 10). Через могилу проходила бровка (Рис. 11, В). Могилы №4 имела подпрямоугольную форму размером 1х2,7 м. Она была вытянута по линии З—В. При расчистке могилы №4 выяснилось, что она была сильно разграблена. В анатомически не потревоженном положении остались только кости ног ниже колен. Приблизительно в центре могилы были найдены мелкие обломки черепной крышки и фрагменты небольшого лепного горшочка, орнаментированного резной горизонтальной елочкой (Рис. 13, 2). Высота сосуда 9 см, диаметр устья 7,5 см.

По положению костей ног можно судить о том, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З. Дно могилы неровное. В области головы есть ступенька шириной 45-48 см. Уровень дна ступеньки от современной поверхности -35 см, уровень дна в области ног -56 см. Приблизительный возраст погребенного — старше 20 лет.

Судя по взаиморасположению могил №№2-4, над ними до сооружения валов крепости могла быть курганная насыпь. Тогда могила №3 была центральной в кургане, а могилы №№2 и 4 — периферийными. Диаметр этого кургана, видимо, был не менее 15 м.

В последующие годы в ходе изучения Кузнецкой крепости мы продолжили поиски возможных остатков погребений из выявленного могильника. И не напрасно. Следы еще нескольких разрушенных погребений были встречены на юго-западном участке крепости, возле гауптвахты и Кузнецких ворот (Рис. 9, А (2)). К сожалению, могильные ямы были полностью разрушены. В заложенных здесь разведочных раскопах в перемешанном грунте, в его нижних слоях, встречены скопления человеческих костей, а также отдельные предметы из погребального инвентаря. К последнему, видимо, относились фрагменты глиняной чашечки (Рис. 9, 1), каменный диск с

точечной выбивкой на плоскостях и затертой кромкой (Рис. 9, 2), а также небольшая железная несомкнутая втулка от предмета вроде ложечковидной пряжки (Рис. 9, 3).

Инвентарь из погребений могильника Кузнецк-1/4 однороден и позволяет датировать исследованные могилы концом I тыс. до н. э.

Территория историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» составляет 22 га. Она включает не только периметр самой крепости, но и ряд прилегающих участков. Часть из них в прошлом была «самозахватом» застроена частными грунтовыми погребями. В настоящее время большинство этих погребов покинуто, а их конструкции разрушены сборщиками металлолома. Так как некоторые погребя были выкопаны на весьма перспективных с точки зрения обнаружения археологических памятников местах, мы провели обследование их котлованов. К сожалению, это было возможно сделать не всегда. Некоторые из погребов были обрушены и завалены мусором. Прежде всего нами были осмотрены котлованы погребов на юго-восточном участке мыса Вознесенской горы, вдоль кромки террасы р. Томи, от каньона ручья Водопадного на СВ (Рис. 9, 3). Осмотр котлованов погребов и обнажений на кромке террасы позволил здесь выявить несколько объектов, связанных с поселенческими и погребальными памятниками. Соответственно мы разделяем выявленные на данной площади комплексы на могильник Кузнецк-1/5 и поселение Кузнецк-1/6.

Могильник Кузнецк-1/5.

Данный могильник представлен разнотипными и, видимо, разновременными погребениями. Он располагался на ровной площадке правобережной террасы р. Томи высотой около 25 м над водой. Основание террасы сложено скальными породами. Они перекрыты мощными наносами глины и толстой пачкой темной гумусированной почвы. Вдоль подножия террасы проходит железная дорога. В 140 м к В-ЮВ от могильника расположена ж/д ст. «Топольники». Поверхность террасы разрушена не только многочисленными ямами заброшенных погребов, но и прокладкой вдоль нее (в 30 м к С от кромки) дороги с бетонным покрытием. Кроме этого терраса густо засажена кленами и тополями.

Могила №1 выявлена в северной и восточной стенках погребя, устроенного на самой кромке террасы в 150 м к З-СЗ от ж/д ст. «Топольники». В профиле стенок погребя хорошо был виден разрез могильной ямы с торчащими косточками, кусочками дерева и кончиком железного ножа (Рис. 16). Могильная яма углублена в материковую глину не менее чем на 30 см. В разрезе могилы №1 фиксируется заполнение грабительской воронки, которая в средней части пробивала дно могилы почти на 10 см. В заполнении могилы выделяется прослойка у поверхности дна мощностью 6-20 см, с вкраплениями органики и древесного тлена. Хорошо видно, что в западной части могилы грабители дно могилы не перекапывали. В темном перекопанном грунте заманчиво видеть остатки насыпи кургана, но вероятнее всего это слой пашни картофельных полей, которые были на этом участке террасы еще в середине XX в.

Как позднее выяснилось, погребом было уничтожено не менее трети объема могильной ямы. В 1,2 м к С от этого погребя расположена южная стенка еще одного погребя. Было решено исследовать промежуток между погребями, где сохранилась часть могилы №1.

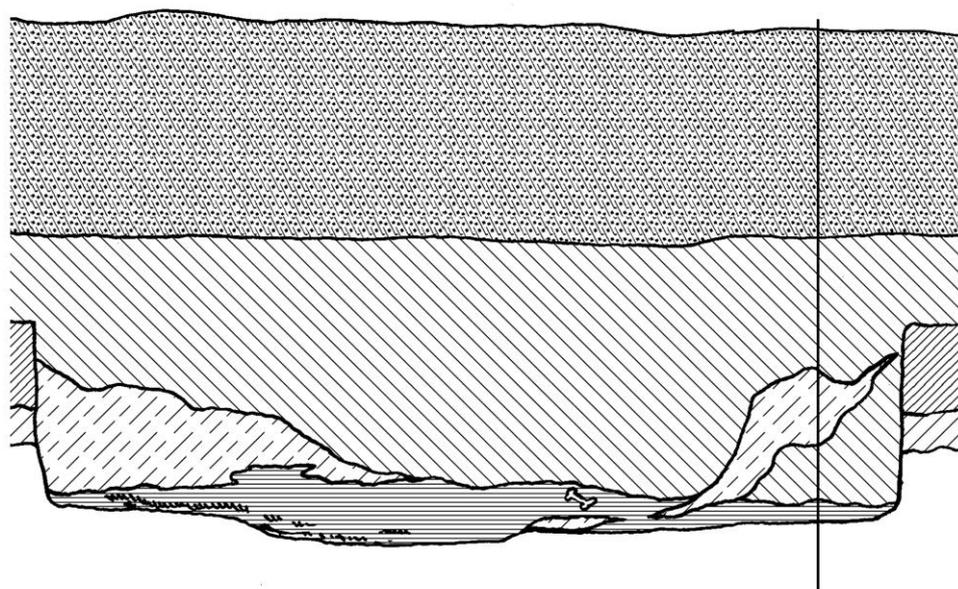
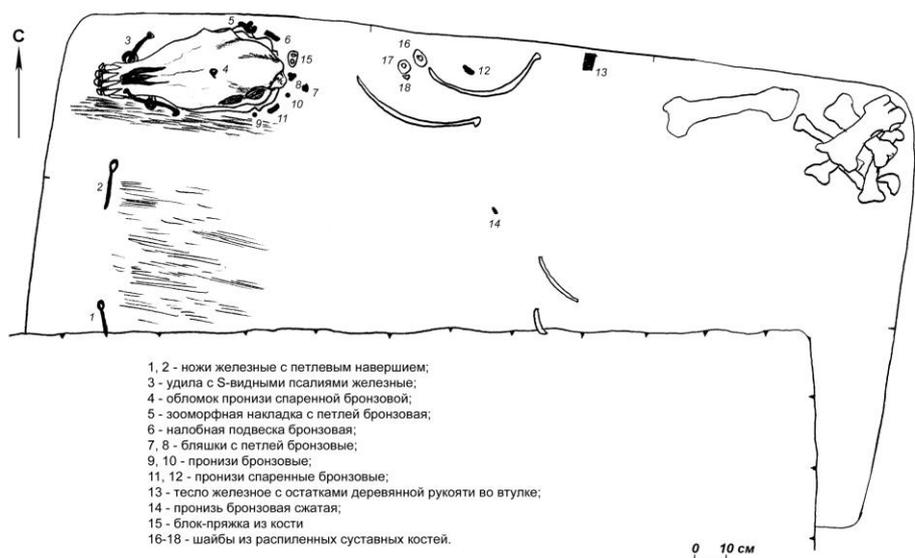

Рис. 16. Могильник Кузнецк-1/5.
 План и профиль могилы-1 с обозначением находок.

Прежде всего был удален слой наносного грунта мощностью до 0,9 м. Затем пластами по 10 см были разобраны нижележащие слои до выявления могильного пятна. В черном слое у северо-западного угла могилы №1, на уровне -35-40 см от погребенной насыпью погребной поверхности, найдено несколько обломков черепных костей со следами огня и медное колечко из свернутой в 1,5 оборота проволоки прямоугольного сечения. Внешний диаметр кольца — 23 мм; сечение проволоки — 1x2 мм (Рис. 17, 7).

К СЗ и С от могилы №1 (в черном слое) и в верхней части заполнения могилы №1 встречаются древесные угли и мелкие крошки прокаленного грунта. На уровне материковой глины (-45 см от поверхности погребенной насыпью погребной почвы) был выявлен контур уцелевшего могильного пятна. Как выяснилось, первоначальные размеры могильной ямы составляли 3,7x1,9 м. Ширина могильной ямы была установлена по ее восточной стенке, которая уцелела вне контуров ямы погребной. Длинной осью могильная яма была ориентирована по линии СЗ-ЮВ (отклонение от линии З-В совсем небольшое). Ширина уцелевшей в промежутке между погребными частями могильной ямы составила от 1,1 м на восточном краю до 1,4 м на западном краю. При зачистке могильного пятна на уровне материковой глины в его северо-западном углу была найдена торчащая под углом вверх передняя часть лошадиной головы.

Могила №1 оказалась ограбленной. Она была прокопана грабителями практически по всему объему. Уцелел только северо-западный угол и участок вдоль западной стенки шириной не более 1 м (Рис. 16).

Костяк лошади, уложенной при погребении у северной стенки могилы №1, полностью разрушен и частично смещен к северо-восточному углу. Кости ног лошади, хотя и были перемещены грабителями, частично сохранили сочленение в суставах. Большая часть костей лошади отсутствует. Некоторые кости лошади и человека были найдены в выбросе из котлована погребной, к ЮЗ от него, на кромке террасы. На первоначальном месте остался только череп с нижней челюстью и первым шейным позвонком. Но из-за того что под него подрылись грабители, он затылочной частью просел. Череп раздавлен при проседании грунта.

В западной части могилы №1 почти на уровне дна (на 3-5 см выше) сохранился тлен от перекрытия из плах, уложенных по линии З-В. Судя по сохранившемуся возле лошадиной головы древесному тлену, лошадь была отгорожена от погребений людей поставленной на ребро плахой. В зубах лошади уцелели в сборе составные железные удила. Удила включали двузвеньевые грызла с петлевым соединением и внешними петлями диаметром 3 см (Рис. 17, 3), в которые были вставлены двудырчатые, S-образно изогнутые стержневые псалии длиной 20 см, с пирамидально гранеными утолщениями на концах (Рис. 17, 1, 2).

При расчистке затылочной части лошади были найдены бронзовые и костяные детали упряжи: пронизи (Рис. 18, 1, 2); пронизи-пуговицы (Рис. 18, 3, 4); наносная пронизь-подвеска (Рис. 18, 5); зооморфная пронизь (Рис. 18, 6); спаренная пронизь-разделитель и обломок от аналогичной пронизи (Рис. 18, 8, 9); костяная пряжка-блок (Рис. 18, 11). Часть деталей упряжи найдено в средней части могилы, в грабительском перекопе: спаренная бронзовая пронизь-разделитель (Рис. 18, 10); сжатая пронизь (Рис. 18, 7).

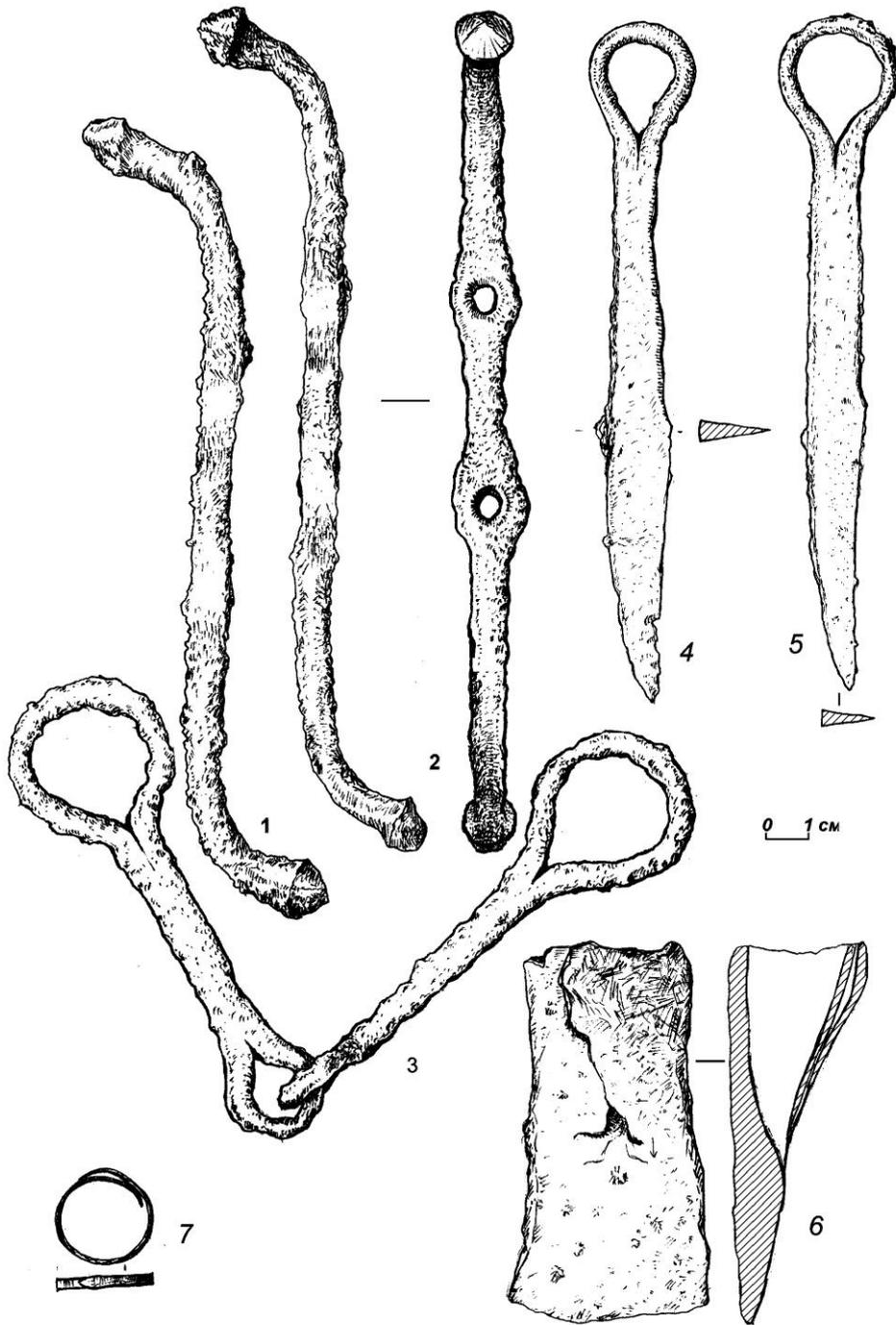

Рис. 17. Могильник Кузнецк-1/5. Предметы из могилы-1.
 1-3 – железные удила и псалии; 4, 5 – железные ножи;
 6 – железный кельт; 7 – медное кольцо.

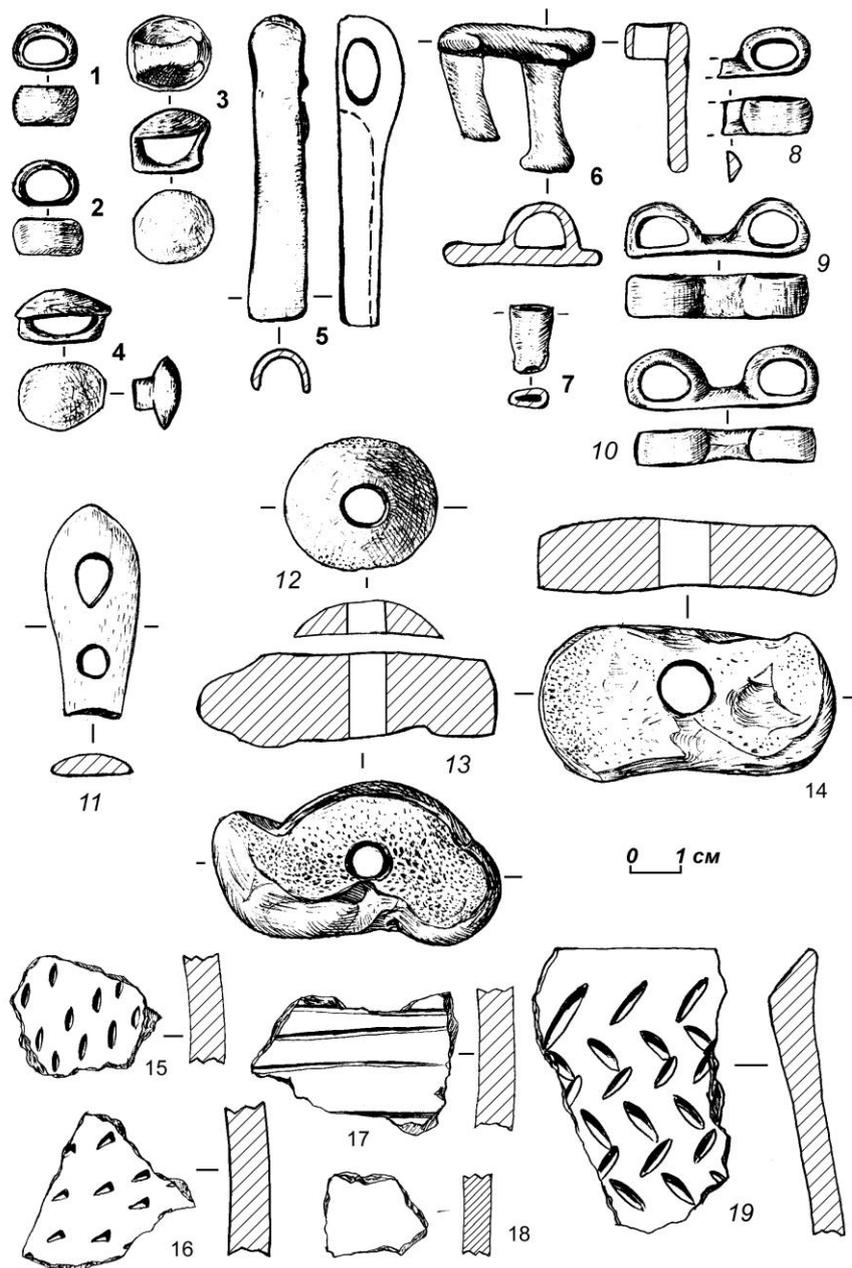

Рис. 18. Могильник Кузнецк-1/5. 1-14, 18 – предметы из могилы-1 (1-10 – бронзовые пронизи и обоймы-распределители от уздечного набора; 11 – костяная блок-пряжка; 12-14 – костяные шайбы от крепления седла(?)); 15-17 – фрагменты керамики из слоя рядом с могилкой-1; 18 – фрагмент шайбы; 19 – фрагмент сосуда из разрушенной могилы.

Кроме этого в районе спины лошади найдены костяные шайбы из разрубленных и просверленных суставных костей, которые могли использоваться в устройстве мягкого седла (Рис. 18, 12-14).

Два из них (Рис. 18, 12, 13) были в сочленении (плоскими сторонами друг к другу), как бы нанизанные на один ремень. У северной стенки могилы, в районе размещения на спине лошади седла (Рис. 16), был найден железный топор-тесло 8,8х4,4х3,3 см, с остатками деревянной ручки в сомкнутой втулке (Рис. 17, 6).

Под перекрытием в 30 см от западной стенки могилы, на уровне дна, найдено два железных ножа с петлевыми навершиями ручек (Рис. 17, 4, 5). Ножи лежали на расстоянии около 40 см друг от друга. Вероятно, они были уложены в изголовье погребенных, подобно тому, как было отмечено в аналогичной могиле могильника Кузнецк 1/4 (могила №3). Это позволяет предположить как количество погребенных (не менее двух), так и ориентацию головы погребенных (на З-СЗ). У восточной стенки могилы №1 было найдено несколько фаланг ног, что тоже может косвенно свидетельствовать о характере ориентировки погребенных.

В заполнении могилы №1 на уровне дна найдено несколько мелких фрагментов тулова лепного сосуда без орнамента (Рис. 18, 8).

После исследования могилы №1 были расчищены, насколько позволили деревья и разбросанные бетонные плиты от перекрытия старых погребов, участки, примыкающие с В, З и Ю к яме погребя, разрушившего могилу №1. К ЮВ от могилы №1 в слое темного грунта на уровне -40 см от погребенной поверхности найдено несколько орнаментированных фрагментов от стенок тулова лепной керамики. На одном из них нанесены прочерченные горизонтальные линии, на двух других — беспорядочные равномерные наколы (Рис. 18, 15-17). Вероятно, эта керамика не связана с погребальным памятником, а является следами более раннего поселения на этом месте.

В 3 м к ЮЗ от могилы №1, на участке, примыкающем к юго-западному углу погребя, на уровне бурого предматерикового слоя расчищены остатки детского погребения, разрушенного при устройстве перекрытия погребя. Найдено несколько черепных костей и длинные кости рук и ног. Возможно, детское погребение было впущено в полу кургана, сооруженного над могилой №1. Предположительно, погребенный в **могиле №1а** был ориентирован головой на СЗ, как и в могиле №1.

В 20 м к СЗ от могилы №1, в выбросе еще одного погребя, найден фрагмент глиняного кувшинчика, орнаментированного горизонтальными елочками, нанесенными гладкими нарезками (Рис. 18, 19). Этот тип керамики характерен для погребений аналогичных исследованных в могиле №1.

Могила №1 имеет много общего с погребениями в соседнем могильнике Кузнецк-1/4, на гребне Вознесенской горы. Сходен не только инвентарь, но и обряд погребения, включая сопутствующее захоронение лошади. Предварительно, погребения в могильнике Кузнецк-1/4 были отнесены к гунно-сарматскому времени. Инвентарь могилы №1 из могильника Кузнецк 1/5, прежде всего бронзовые детали конской упряжи, заставляют удревнить этот комплекс, по крайней мере, до IV-III вв. до н. э.

Именно для IV в. до н. э. характерны не только спаренные бронзовые пронизи¹⁷, но и соответствующие им двудырчатые стержневые псалии, S-образно изогнутые. Правда, последние чаще встречаются в IV в. до н. э. изготовленными из бронзы и

¹⁷ Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура... Табл. XXXVI, 14.

меньшего размера¹⁸. Не исключено, что в дальнейшем появятся основания для омоложения комплекса могильника Кузнецк 1/5.

Судя по отсутствию следов огня на костях из могилы №1, те фрагменты черепных костей, которые были найдены к СЗ от могилы №1, могли быть связаны с более ранним погребением на площади памятника, которое было разрушено при сооружении могилы №1. Медное колечко (Рис. 17, 7), найденное с обугленными и частично кальцинированными костями, имеет аналогии в материалах ирменской культуры (X-VIII вв. до н. э.).

Выявленный комплекс местонахождений требует дальнейшего исследования путем расчистки разрушенных участков и раскопок пространства, уцелевшего между ямами погребов. Это очень трудоемкая задача. Ее реализация может быть отложена до тех пор, пока не найдется заказчик для такой работы.

Исследованные на юге Кузнецкой котловины погребальные комплексы эпохи раннего железа, несмотря на свою относительную редкость, позволяют наметить основные тенденции культурогенеза данного региона.

Курганная группа Казанково-10 может быть связана с ранним проникновением в степные предгорья Северного Алтая и Кузнецкой котловины кочевников сакского круга, которые положили начало формированию культур эпохи раннего железа этого региона¹⁹. Во многом сходный погребальный комплекс — Савинский курганный могильник был исследован в нижнем течении р. Томи²⁰, где его, более по сложившейся у исследователей этого региона традиции, чем исходя из фактического материала, связали с возможным проникновением тагарской культуры. В этой связи настораживают еще менее обоснованные попытки расширения ареала тагарской культуры на Кузнецкую котловину²¹. Весь накопленный к настоящему времени материал свидетельствует в пользу того, что развитие культуры эпохи раннего железа населения Кузнецкой котловины и Томь-Кондомских предгорий связано с включением этого региона в сферу влияния кочевников степей Верхнего Приобья и Прииртышья. На всех поселениях раннего железа этого региона распространяются типы керамики и инвентаря, характерные для культур Верхнего Приобья (староалейская, каменская).

Именно эта керамика в свое время послужила основанием для определения восточного ареала распространения большеберченской (по М.П. Грязнову) культуры²².

Позднее в бассейне р. Кондомы, в низовьях р. Мрассу и на поселениях юга Кузнецкой котловины распространяется керамика, в декоративном оформлении

¹⁸ Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.

¹⁹ Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 106-109; Он же. Экологическая ситуация и особенности формирования культуры населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 64-68.

²⁰ Плетнева Л.М. Савинский курганный могильник — памятник раннего железного века // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 22-34.

²¹ Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 61.

²² Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большеберченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 52-54.

которой используется горизонтальный наклепной валик. Это явление, видимо, следует связывать с включением Томь-Кондомских предгорий в сферу влияния предгорного населения бассейна Верхней Оби (быстринская культура). Начальные этапы быстринской культуры относятся к скифской эпохе, но памятники раннего железного века Томь-Кондомских предгорий с валиковыми керамическими комплексами имеют датирующие предметы только гуно-сарматского времени. Типологически сходная керамика в Верхнем Приобье также встречена на поселениях, относимых к рубежу эр. Именно в результате расширения ареала быстринской культуры появились и исследованные нами могильники Кузнецк-1/4, Кузнецк-1/5, с характерными для быстринской культуры сопроводительными захоронениями коней²³. Таковую активизацию предгорного населения в конце I тыс. до н. э. можно связать с ослаблением обитателей степей Обь-Иртышского междуречья, что отмечается большинством исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37-43.

Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 52-54.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстринского в Алтайском крае // АСГЭ. М; Л., 1966. Вып. 8. С. 61-76.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983. 190 с.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. №2.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 60-64.

Киреев С.М., Вдовина Т.А. Погребальный обряд быстринской культуры // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии / Материалы РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. I. С. 187-189.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.

Мединский П.М. Изображение свернувшегося хищника из могильника Казанково X // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 45-53.

Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 106-109.

Могильников В.А. Экологическая ситуация и особенности формирования культуры населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 64-68.

²³ Киреев С.М., Вдовина Т.А. Погребальный обряд быстринской культуры // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии / Материалы РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. I. С. 187-189.

- Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири / Сборник МАЭ. Л., 1988. Т. XLII. С. 140-158.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н. э. Томск, 1977. 142 с.
- Плетнева Л.М. Савинский курганный могильник — памятник раннего железного века // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 22-34.
- Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА. 1994. №4.
- Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 184-190.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая эпохи металла. Барнаул, 1990. С. 51-59; 186-194.
- Фролов Я.В. Ритуальные «клады-приношения» у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 163-166.
- Ширин Ю.В. Раскопки курганов скифского времени в Кузнецкой котловине // АО 1995 года. М., 1996, С. 379-380.
- Ширин Ю.В. Археологические работы на юге Кемеровской области // АО 1996 года. М., 1997. С. 376-377.
- Ширин Ю.В. Погребения скифского времени в Кузнецкой котловине // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 237-240.
- Ширин Ю.В. К реконструкции Вознесенской часовни XVIII в. на территории Кузнецкой крепости // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 140-155.
- Эрдниев У.Э. Археологические находки в Кузбассе // СА. 1958. №2. С. 244-246

Курганный могильник Шестаки-I

Научные исследования по археологии Кузнецкой котловины имеют не такую длительную историю, как исследования археологов на среднем Енисее, Алтае или даже на северо-востоке Кемеровской области, в бассейне реки Кия. В полном смысле научные изыскания начались здесь только в 1920-е годы и были вплоть до середины XX века эпизодическими и весьма незначительными. В итоге на сегодняшний день здесь изучено гораздо меньше археологических памятников, чем на соседних территориях. Поэтому проведение раскопок здесь весьма актуально, тем более что памятники интенсивно разрушаются в результате строительных, мелиоративных работ, и особенно при разработке угольных месторождений. Археологические изыскания, которые ведутся сотрудниками музея «Кузнецкая крепость» на территории Кемеровской области, не только пополняют коллекции музея, но и имеют большое значение для изучения древней истории нашего региона.

Экспедицией историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» в 1998 и 2003 гг., на правом берегу р. Артышты, в 2 км к востоку от села Старобачаты в Беловском районе Кемеровской области были исследованы три средневековых кургана. Частично материалы раскопок опубликованы¹. Курганный могильник, открытый в 1997 г. Ю.В. Шириним и А.Ю. Огурцовым, получил название Шестаки-I (Рис. 1, 1-2).

В раскопках принимали участие сотрудники музея «Кузнецкая крепость», к.и.н. Ю.В. Ширин, с.н.с. А.О. Кауфман, с.н.с. Г.Г. Ващенко, м.н.с. Е.И. Бурдинская, преподаватель КузГПА к.и.н. А.В. Первушин, студенты КузГПА. Руководил раскопками к.и.н. Н.А. Кузнецов.

Курганы располагались на невысокой надпойменной террасе правого берега р. Артышты, практически вдоль ее края (Рис. 2, 1). Насыпи образовывали цепочку, вытянутую в направлении СЗ — ЮВ, на протяжении 210 метров. К сожалению, рельеф местности здесь сильно изменен в результате хозяйственной деятельности людей. На поле, на котором расположен курганный могильник Шестаки-I, имеется большое количество ям, старых шурфов и отвалов, следов старых построек. На этом месте в XIX-XX веках располагалась деревня. Насыпи всех курганов содержали поздний мусор — колотые кости, гончарную керамику, железные изделия, остатки деревянных построек, навоз.

¹ Кузнецов Н.А. Средневековые погребения с конем в Кемеровской области // Евреиновские чтения: материалы музееведческой научно-практической конференции. Новокузнецк, 2000. С. 25-26; Он же. Курганы с подбоем в Кузнецкой котловине // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 42-44.

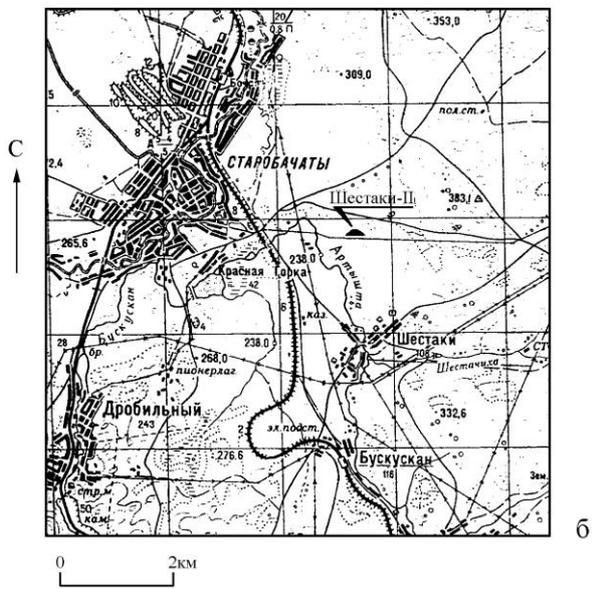
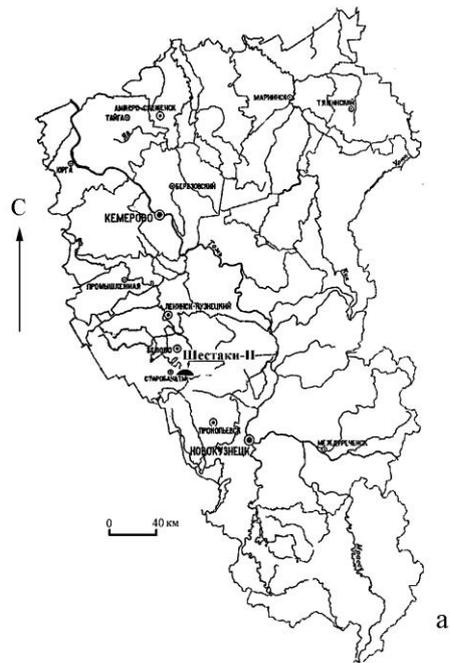

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Шестаки-I: а) на карте Кемеровской области, б) на карте Беловского района.

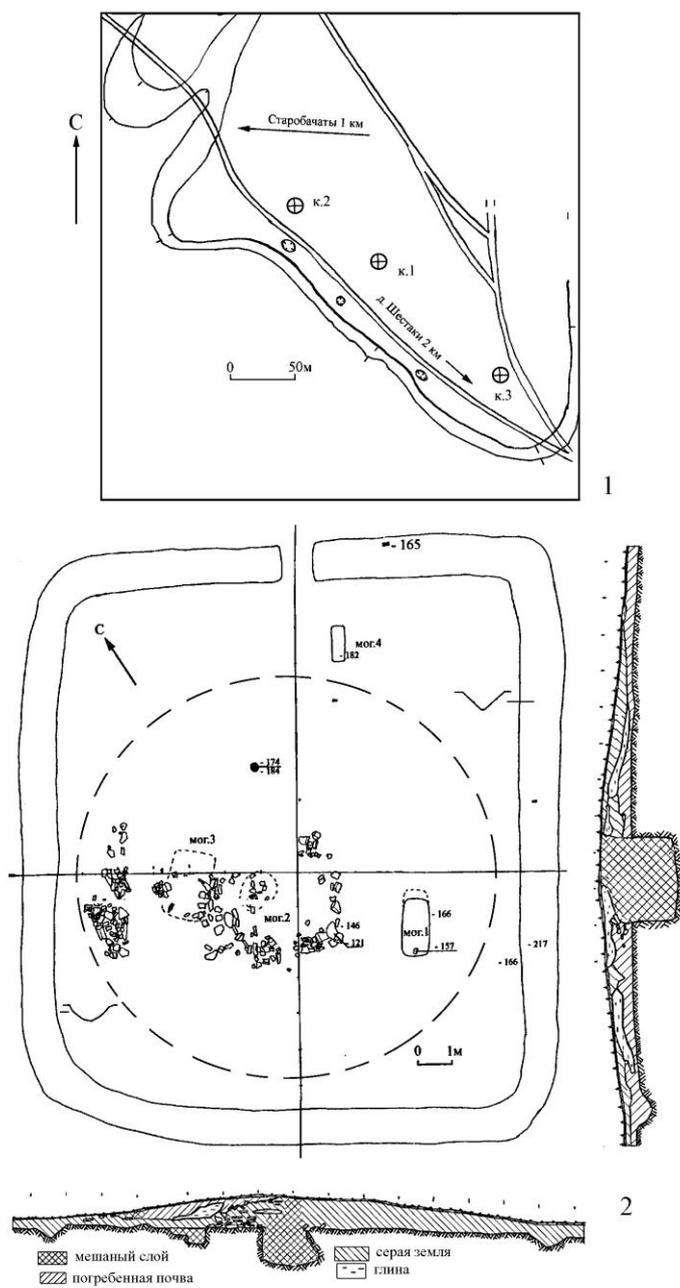

Рис. 2. 1. План курганного могильника Шестаки-I. 2. План и профили кургана №1.

В насыпи одного из курганов оказалось детское погребение по христианскому обряду в деревянной долбленной колоде.

В настоящее время отличить курганы от поздних бугров на памятнике Шестаки-I без раскопок практически невозможно. Все поле буквально перевероршено и перекопано. Возможно позднее, здесь будет найдено еще несколько курганов. Так, взаиморасположение насыпей позволяет предположить наличие еще одного объекта приблизительно посредине между курганами №1 и №3. Нумерация курганов проведена так потому, что курганы №№1 и 2 были исследованы в 1998 году, а №3 обнаружен только в 2003 г. после неоднократных разведок. Приблизительно в 300 метрах к северу от памятника, на другой террасе, отделенной небольшим логом, находится средневековый курганный могильник верхнеобской культуры, с погребениями по обряду кремации на стороне. Он получил название Шестаки-II. Курганы могильника Шестаки-I содержат погребения по обряду ингумации с конем.

Курганы раскапывались нами на снос, с оставлением двух перпендикулярных бровок. Все обнаруженные предметы переданы в фонды музея «Кузнецкая крепость».

Курган №1 до раскопок представлял собой округлую земляную насыпь диаметром 13 метров и высотой 0,7 м. Насыпь была обнесена прямоугольным ровом размером 15 x 18 метров, вытянутым с ЮЗ на СВ. Ров довольно глубокий, он был углублен в материк до 0,5 метра. С северо-восточной стороны в ровике имелся проход шириной около 1 метра. Всего в кургане было исследовано 4 могилы. Три из них представляли собой погребения человека по обряду ингумации, вытянуто, на спине, в катакомбе (могилы с подбоем), с захоронением коня на приступке, и одна впускная могила, упоминавшееся выше захоронение в насыпи кургана, младенца с серебряным крестиком в деревянной колоде.

Ров шириной около метра имел подпрямоугольную форму, углы скруглены. В нем имелся проход на северо-восток — на восход солнца. Ров был заполнен гумусированной почвой, старым, перегнившим навозом и содержал большое количество свиных, коровьих и лошадиных костей. Кости находились в верхней части заполнения, и в большей своей массе они относятся не ко времени сооружения кургана, а к XIX-XX вв. К юго-востоку от насыпи кургана во рву оказалось скопление костей лошади — ребра, позвонки. Однако эти кости находились компактной, но беспорядочной кучей в яме, прорезавшей ров. Они явно более поздние, но когда и зачем была выкопана яма, прорезавшая ров, осталось неизвестным. Возможно, эти кости являются следами тризны.

Под земляной насыпью кургана оказались остатки пробитого грабительской миной каменного купола. Из плоских камней было сложено сооружение в виде юрты либо таким образом была обложена земляная насыпь, а затем дополнительно перекрыта землей. Практически идентичные конструкции известны в курганах средневековых кочевников восточной Европы, которые считаются половецкими². Эти конструкции называют «каменными черепахи». Среди камней обнаружена обрубленная передняя левая лапа собаки³. Под основание «черепахи» была постелена береста.

² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 120-122.

³ Определение палеозоолога С.К. Васильева.

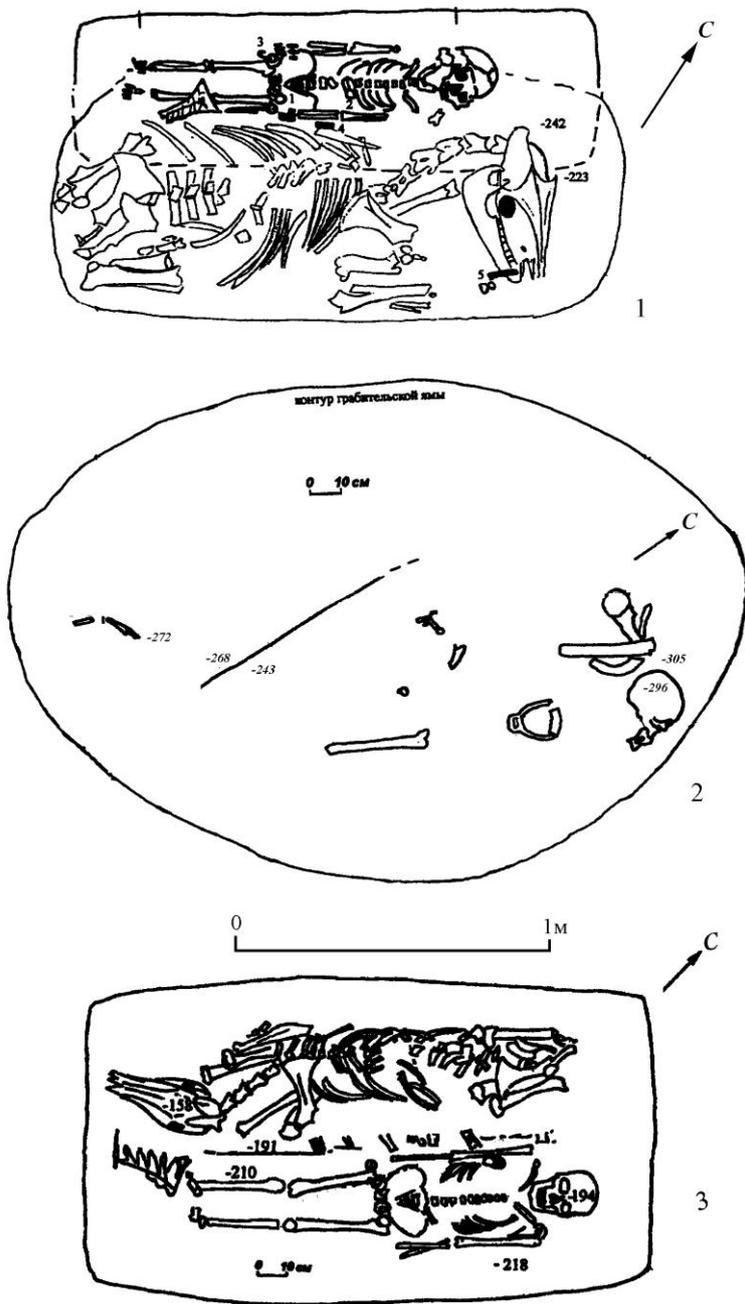

Рис. 3. Шестаки-I. Курган №1.
 1. План мог. 1. 2. План мог. 2. 3. План мог. 3.

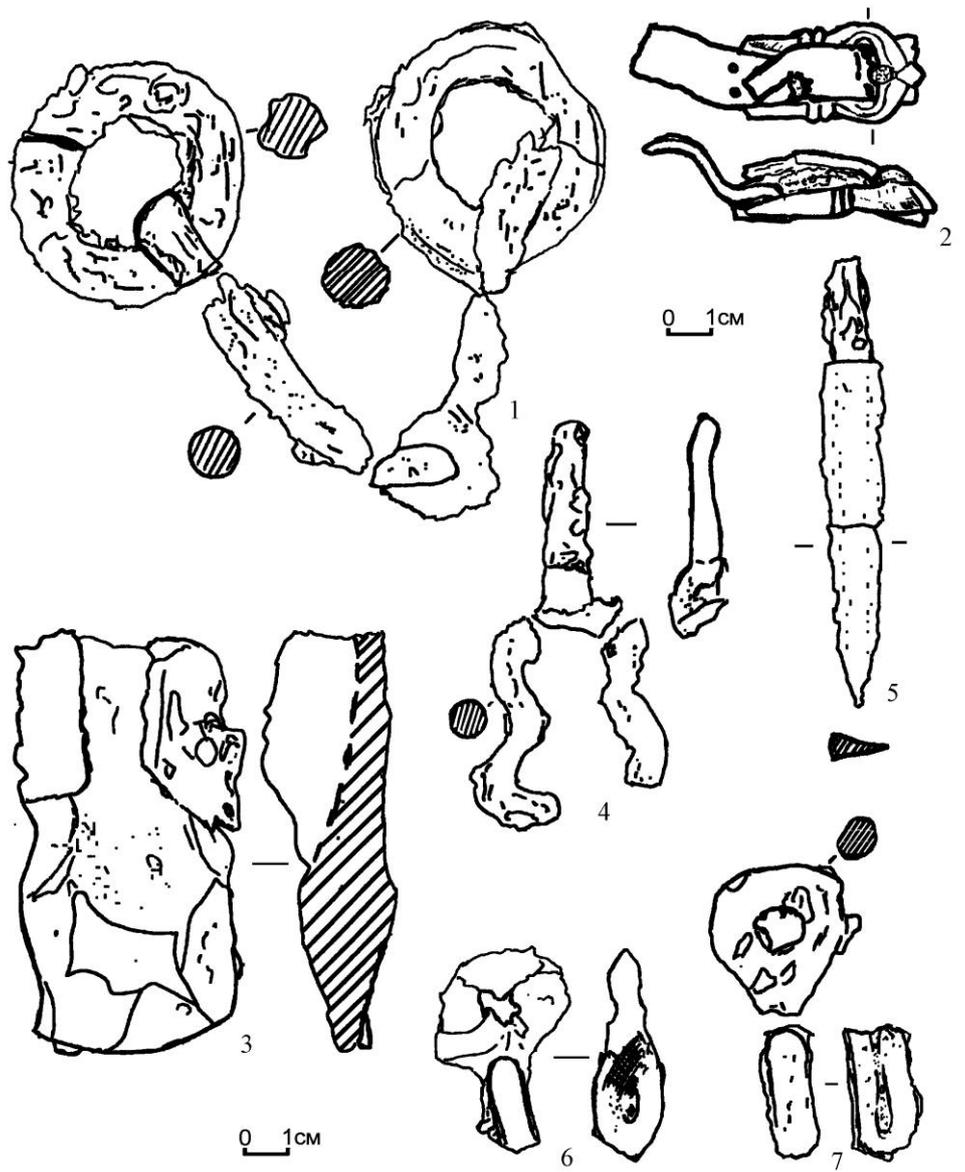

Рис. 4. Шестаки-I. Курган №1. Погребальный инвентарь мог. 2.
 1. Удила. 2. Пряжка. 3. Топор-тесло. 4. Пряжка. 5. Нож.
 6-7. Крючки. 1, 3-7. Железо. 2. Бронза, железо, кожа.

Грабители разбросали камни в разные стороны, но большинство их было переброшено в северо-западную часть насыпи кургана (Рис. 2, 2).

Могила 1 находилась за пределами каменного купола, в 3 метрах к ЮВ от центра насыпи кургана (от пересечения бровок) (Рис. 3, 1). Могила проявилась контурами ямы в материке после снятия земляной насыпи. Над могилой в насыпи находилось несколько камней, но они относятся, вероятнее всего, к разбросу каменной кладки от центрального сооружения. Здесь никакой кладки не прослеживалось. В могиле оказалось погребение коня, втиснутое в довольно узкую яму — 80x180 см. Конь был уложен на животе, с поджатыми ногами, головой на СВ, морда повернута вправо. Кости передней части челюстей сломаны. В пасти сохранились железные двусоставные удила с большими кольцами (Рис. 4, 1). За спиной, у лопатки, находился железный топор-тесло с несомкнутой втулкой (Рис. 4, 3), который, очевидно, был приторочен к седлу. Возле морды лошади, вблизи удила, находилась распавшаяся от коррозии на несколько фрагментов железная пряжка с подвижным язычком и восьмерковидной рамкой (Рис. 4, 4). Вероятно, пряжка от сбруи. После того как кости лошади были извлечены из могилы, выяснилось, что ниже ступеньки, на которой они лежали, находится обвалившийся подбой. Перепад уровня дна ступеньки и могильной ямы небольшой, всего 19 см. Площадь подбоя 50 x 165 см. В подбое зачищено погребение подростка ростом около 110 см. Его череп был раздавлен обвалившейся землей. Человек был погребен вытянуто на спине, головой на СВ. На поясе находилась бронзовая пряжка с острым носиком и железным язычком, с уцелевшим фрагментом кожаного ремешка, шириной 14 мм (Рис. 4, 2). Вдоль левого бедра лежал железный черешковый нож (Рис. 4, 5). На тазовых костях находились железные крюки на подвижных кольцах, для крепления мягких голенищ сапог (Рис. 4, 6-7). Левый крюк был более массивным. На левых берцовых костях находился крестец лошади.

Могила 2 — центральная в кургане. Именно эта могила была перекрыта каменным куполом. Камни от разрушенной грабителями конструкции стали встречаться сразу под дерном. Хотя грабители разбросали значительную часть каменной конструкции, по сохранившимся участкам четко прослеживалось, что насыпь была не сплошная, а представляла нечто вроде купола или каменной юрты. Достаточно полно каменная конструкция сохранилась в восточной половине насыпи кургана. Под нижним слоем камней по всему периметру встречались остатки бересты. В СЗ секторе среди камней оказались кости отрубленной передней левой лапы собаки. В сочленении лучевая кость и кости стопы. Могильная яма была самой глубокой в кургане. От апекса кургана глубина ямы составляла 233 см. Стенки ямы нарушены грабительским раскопом. Также частично срыта ступенька, на которой была уложена лошадь.

В могиле — разрозненные кости от скелетов человека и коня. Ни одного сочленения костей не обнаружено (Рис. 3, 2). Судя по костям, и конь, и человек были немолодыми. Тазовые кости коня срослись. Среди костей найдены железные предметы очень плохой сохранности — два стремени во фрагментах (Рис. 6, 1-2), фрагмент железных удил с псалиями, украшенными серебряной аппликацией в «аскизском стиле» (Рис. 5, 1), бронзовая поясная накладка с неподвижным кольцом (Рис. 5, 7). В заполнении также обнаружены детали пояса или лошадиной сбруи — железные наконечник ремня (Рис. 5, 2) и накладка с подвижным

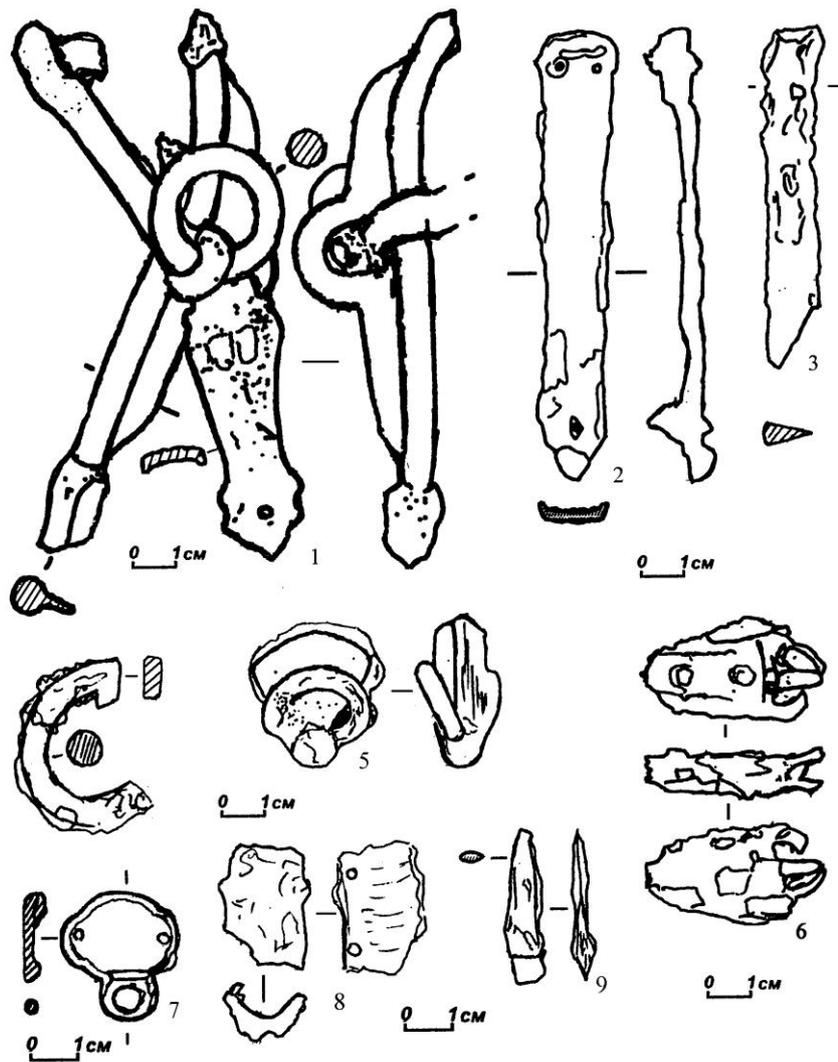

Рис. 5. Шестаки-I. Курган №1. Погребальный инвентарь мог. 2.
 1. Удила. 2. Накладка от сбруи. 3. Нож. 4. Пряжка. 5. Накладка с подвижным
 кольцом. 6. Пряжка. 7. Поясная накладка с кольцом.
 8. Железная обкладка рукояти. 9. Миниатюрный нож.
 1. Железо, серебро. 2-6, 8-9. Железо. 7. Бронза.

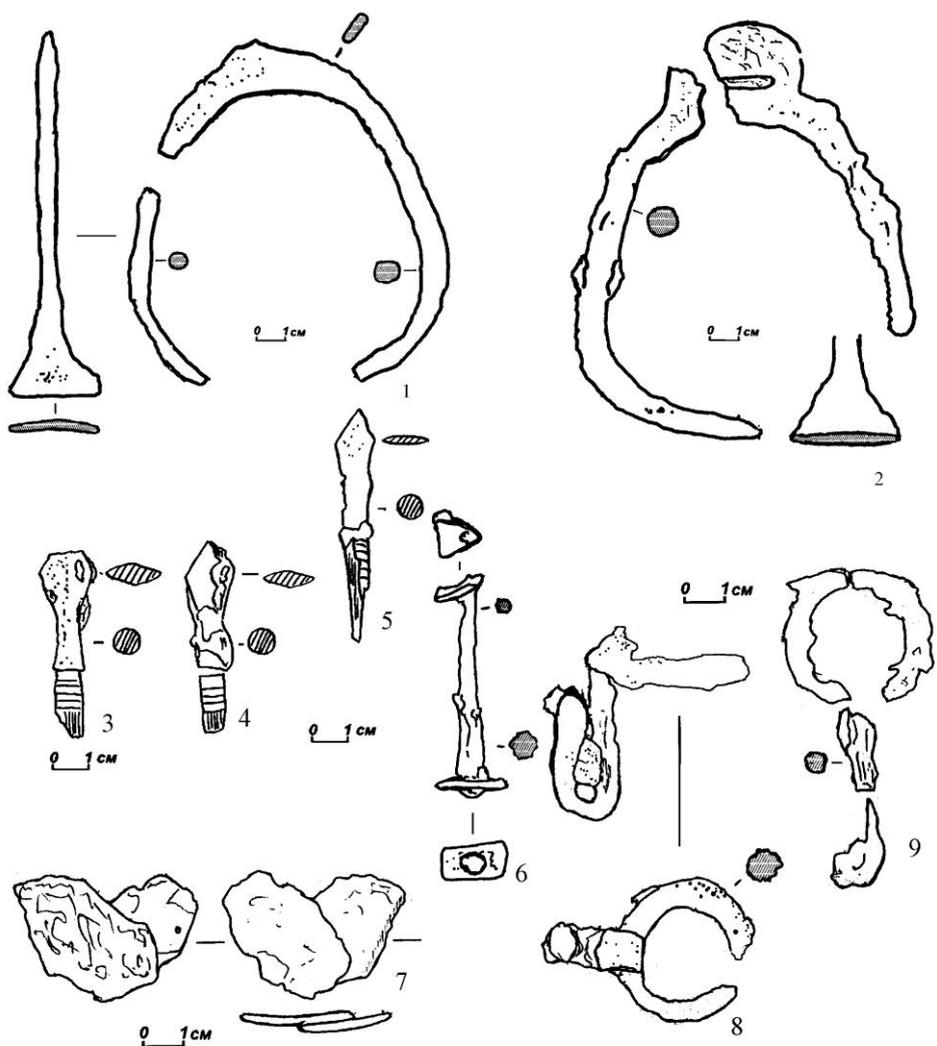

Рис. 6. Шестаки-1. Курган №1. Погребальный инвентарь мог. 2.
 1-2. Стремена. 3-5. Наконечники стрел. 6-7. Детали седла.
 8-9. Железные крюки. Все железо.

кольцом (Рис. 5, 5), фрагменты железных пряжек, круглой рамчатой (Рис. 5, 4) и со щитком (Рис. 5, 6). Здесь же были фрагменты узкого железного ножа (Рис. 5, 3), накладка из двух коррозированных железных пластин (седло?) (Рис. 6, 7), крюки для поддержания голенищ сапог (Рис. 6, 8-9). В заполнении могильной ямы, на уровне дна, обнаружен миниатюрный нож (Рис. 5, 9) и железная обкладка круглой в сечении деревянной рукояти, вероятно, ножа (Рис. 5, 8). В южной части могилы («в ногах») обнаружены два наконечника стрел (Рис. 6, 3-4). По классификации Ю.С. Худякова, эти железные черешковые наконечники относятся к группе плоских, типу боеголовковых. Л.М. Плетнева относит подобные наконечники, которых известно довольно много в памятниках Томского Приобья начала II тысячелетия н.э., к группе железных, типу плоских и варианту асимметрично-ромбических⁴. Место соединения наконечника и древка обмотано тонкой полоской бересты. Шейки наконечников массивные. Аналогичный наконечник найден в насыпи кургана (Рис. 6, 5).

Судя по скоплениям костей, и конь, и человек были уложены головами на СВ. Конь справа от человека, на ступеньке. В насыпи кургана, в 1 м к СВ от могилы 2 найдены железная пряжка с круглой рамкой (Рис. 7, 8) и кальцинированный зуб лошади. Никаких других следов сожжения или жженных костей в кургане не было. В 2 метрах к СВ от могилы 2 обнаружены остатки деревянного столба диаметром 30 см. Сожженный зуб лошади и пряжка находились как раз посередине, между столбом и могилой.

Могила 3 находилась в 2-х метрах к востоку от могилы 2. Представляет собой погребение коня и человека в подбое (Рис. 3, 3). Могила неглубокая, и череп коня возвышался над погребенной дневной поверхностью, почти вплотную к каменной конструкции могилы 2. Лошадь ориентирована головой на ЮЗ, а человек на СВ. Такое положение лошади отличает погребальный ритуал могилы 1 и могилы 3 лишь на первый взгляд. Ю.В. Ширин предложил реконструировать погребальный ритуал согласно традиционной обрядности тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Видимо, жертвенную лошадь заводили в сакральное место погребения через проход во рву и обводили ее по внутреннему периметру против хода солнца. Поместив лошадь в яму, ее убивали. Поэтому, на разных сторонах насыпи лошади развернуты в разные стороны, но в общем плане кургана они вписаны в общий круг. Люди же ориентированы все головами в одном направлении, на северо-восток. В могиле 3 погребенный человек был отделен от лошади вертикально установленными деревянными плашками.

Погребение не ограблено, но нарушено многочисленными норами сусликов. При погребенном «стандартный» набор — пара железных крючков в области таза (Рис. 7, 5-6), бронзовая пряжка (Рис. 7, 4), у правого плеча железный топор-тесло с несомкнутой втулкой (Рис. 7, 1), возле правой ноги крестец коня. Рядом с этим крестцом обнаружен железный черешковый нож. В стороне, но возможно, именно от этого ножа, найден фрагмент железной обкладки деревянного предмета (рукояти) (Рис. 7, 7). Об одежде погребенного дают представление некоторые детали — сохранились фрагменты шелковой ткани.

⁴ Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. С. 83.

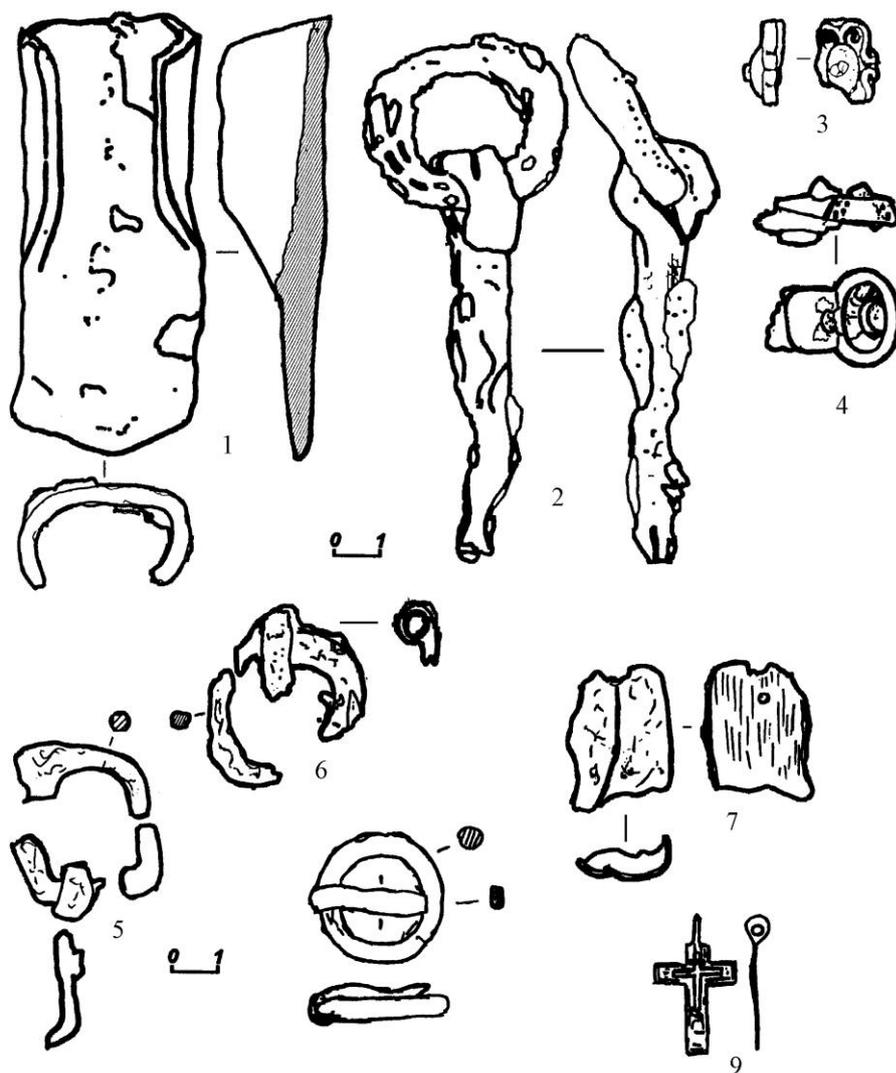

Рис. 7. Шестаки-I. Курган №1. Погребальный инвентарь мог. 3.
 1. Топор-тесло. 2. Удила (фрагмент) 3. Поясная накладка. 4. Пряжка.
 5-6. Железные крюки. 7. Железная накладка. 8. Пряжка.
 9. Крестик из мог.4. 1, 2, 5-8. Железо. 3-4. Бронза. 9. Серебро.

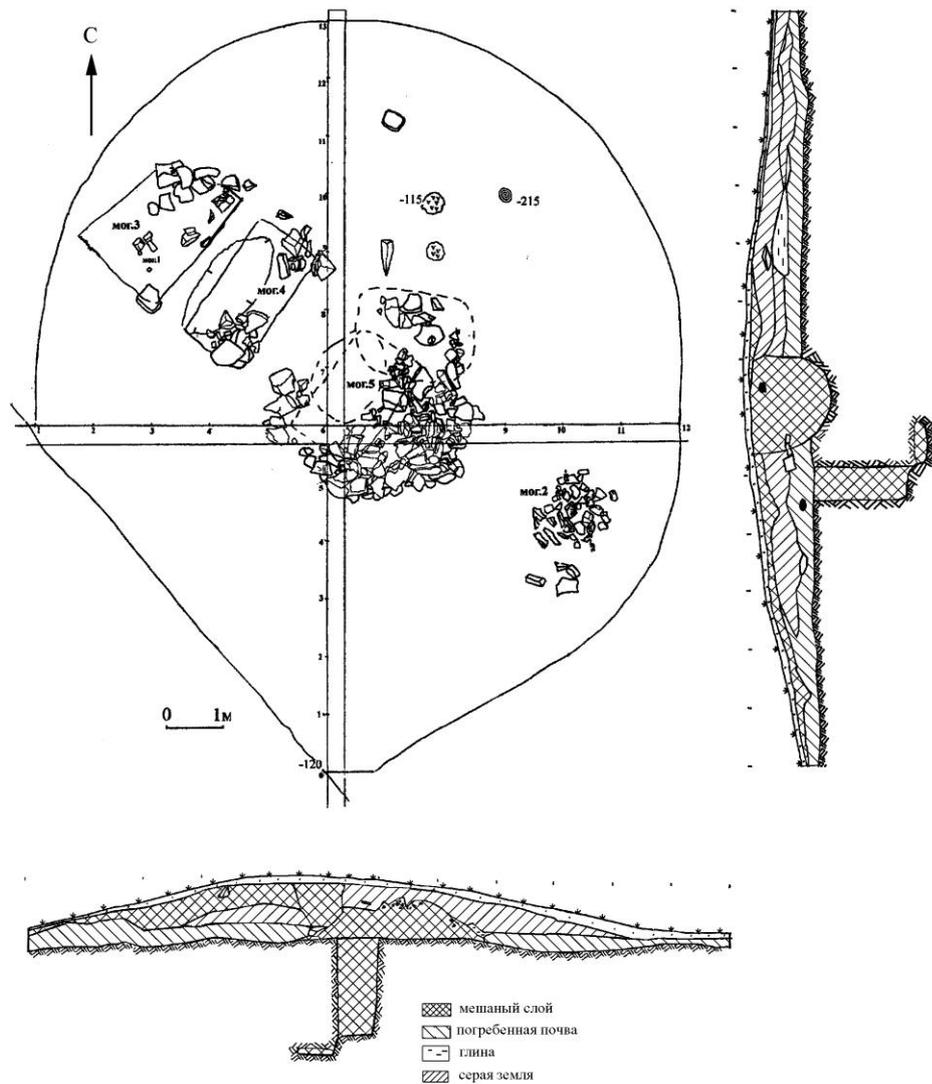

Рис. 8. Шестаки- I. Курган №2. План и профили.

Кроме того, на локтевых костях обеих рук остались яркие зеленые следы, как от медных окислов, хотя металла здесь не было. От пояса сохранилась одна орнаментированная бляшка-накладка (Рис. 7, 3). При лошади оказался обломок удила. Не в пасти, а положенный под нижнюю челюсть — одно грызло с подвижным железным кольцом (Рис. 7, 2). Вторую половину найти не удалось. Вероятно, она просто не была положена в могилу. Рядом с могилой в насыпи кургана найден железный черешковый асимметрично-ромбический наконечник стрелы (Рис. 6, 5) и железный предмет, который является, вероятно, крепежной деталью от седла (Рис. 6, 6). Оба эти предмета не из могилы 3, а выброшены грабителями из центральной могилы.

Могила 4 находилась в восточной поле насыпи кургана. Это христианское погребение грудного младенца в колоде, впущенное в курган в XIX веке. Длина колоды 90 см. В грудной части обнаружен серебряный крестик (Рис. 7, 10). Руки младенца были связаны тонкой веревочкой.

Курган №2 находился в 70 метрах к СЗ от кургана №1. Диаметр кургана около 12 метров, высота — 85 см. Через насыпь кургана прошла грунтовая дорога и часть насыпи была снесена. На поверхности насыпи видны были отдельные камни. Никаких видимых следов ровика на поверхности не наблюдалось. Насыпь неровная, вся изрыта ямами. Ее верхняя часть насыщена предметами XIX века (висячие замки, керамика, кованое железное стремя, колотые кости, навоз, обломки железных предметов, битое стекло, несгнившее дерево). От 20 до 40 сантиметров насыпи — слой позднего мусора. Складывается впечатление, что прямо на насыпи кургана располагалась хозяйственная постройка. Центральная могила кургана так же, как и в кургане №1, имела каменное куполообразное перекрытие. Значительная часть камней выброшена. В каменную конструкцию врыто несколько ям, некоторые из них были заполнены перегнившим навозом. В отличие от кургана №1, где каменное перекрытие было только у центральной могилы, здесь почти все могилы обозначены каменными оградками (Рис. 8).

Курган раскапывался нами на снос, с оставлением двух пересекающихся бровок, ориентированных по оси С-Ю и З-В. В кургане оказалось пять погребений, из них две могилы были детскими, а три — взрослых мужчин в катакомбах, в сопровождении лошадей (Рис. 9).

Могила 1 — детская. Находилась в СЗ секторе кургана, прямо над могилой 3. При этом детская могила пробивала глинистый выброс, т.е. могила явно была впущена в насыпь кургана позднее. Случайно она вписалась в каменную оградку от Могилы 3. Перекрыта берестой. Внизу тоже лежал слой бересты. Сверху над могилой была уложена лошадиная лопатка. В могиле несколько косточек младенца плохой сохранности. Судя по расположению сохранившихся костей, ребенок был ориентирован головой на СВ. Голова провалилась в нору и находилась ниже уровня дна могилы. Вещей нет. Ребенку было более полутора лет, так как среди костей есть коронки молочных зубов (Рис. 9, 5).

Могила 2 — детская. Находилась в ЮВ секторе кургана. Над могилой была каменная выкладка. Каменная кладка прямоугольной формы, вытянута с СВ на ЮЗ, в длину около 90 см. (Рис. 9, 2). Ребенок был погребен завернутым в берестяное полотнище (чехол). Кости растащены сусликами.

Фрагменты черепа оказались в противоположных концах могильной ямы. По сохранившим первоначальное положение бедренным косточкам удалось определить, что ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В северной части мо-

гилы найдены две круглые бусины, одна сердоликовая, вторая стеклянная с серебряной фольгой внутри.

Могила 3 находилась в СЗ секторе кургана, ниже могилы 1. Здесь на глубине 206 см от апекса кургана зачищен скелет лошади. Лошадь лежит на левом боку, головой на ЮЗ, морда повернута на запад, ноги поджаты. В пасти — железные удила (Рис. 10, 10). Выше и ниже костей встречается древесный тлен и сгнившая береста. Местами она светло-желто-зеленого цвета. Лошадь лежала ногами к северо-западной стенке. Южнее и ниже по уровню — погребение человека (Рис. 9, 1). Катакомба никак не прослеживалась. Подбой обвалился в древности, отчего со всех сторон ямы с конем был плотный, ненарушенный материк — тяжелый суглинок с мелкими камнями. Нам пришлось прокопать вниз и в обе стороны, чтобы найти могилу. Высота ступеньки, на которую углублен подбой — 26 см. Человек, мужчина, лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Однако уложен он был не совсем ровно, костяк лежал «вполоборота», словно человек был прислонен правым плечом к стенке могильной ямы. Сверху над погребением удалось проследить берестяной и древесный тлен. Слой сгнившего дерева тоньше 1 мм. Возле головы встречены фрагменты железного коррозированного предмета. Костяк нарушен грызунами. Один шейный позвонок оказался возле пятки. Там же, в норе, обнаружена типичная сrostкинская бронзовая фигурная пряжка с острым носиком и железным язычком (Рис. 10, 12). Вдоль правой ноги лежала слабоизогнутая сабля (Рис. 10, 1). Конец клинка раскован на два лезвия. Ножны были деревянными, но от дерева сохранился только тлен. То же и от деревянной рукояти. Длина клинка до перекрестья 77 см, длина зачищенной деревянной рукояти вместе с перекрестьем 14 см. Рукоять изогнута в сторону лезвия. Длина собственно железного черешка всего 7 см, в нем одно отверстие для приклепывания деревянной обкладки рукояти. Сечение клинка пятиугольное, острие сабли расковано на два лезвия. В 4 см от перекрестья на ножнах крепилась железная петля. Еще одна железная петля была десятью сантиметрами ниже. Перекрестье железное, небольшое, сильно коррозированное. Сверху уложен берестяной колчан со стрелами. Береста сохранилась очень плохо, но можно утверждать, что колчан был уплощенно-цилиндрический, без кармана, так называемый «закрытый». Ширина горловины колчана 13 см. Однако следует учесть, что колчан может быть расплюсчен, и тогда при его первоначальном виде горловина была уже.

Аналогичные колчаны были найдены А.Ф. Александровым и П.Н. Муштем в могильнике Беково⁵. Всего в колчане находилось семь наконечников стрел. Три из них были направлены вверх и четыре вниз. Наконечники стрел, направленных вверх, торчали из колчана. Расстояние между остриями крайних наконечников — 83 см. Видимо, древки достигали такой длины. Среди инвентаря была одна сильно коррозированная железная петля, которую можно интерпретировать как петлю от колчана (Рис. 10, 16). Все семь наконечников стрел однотипны и полностью совпадают с находками из первого кургана.

⁵ Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины р. Бачат. Кемерово, 1993. С. 23.

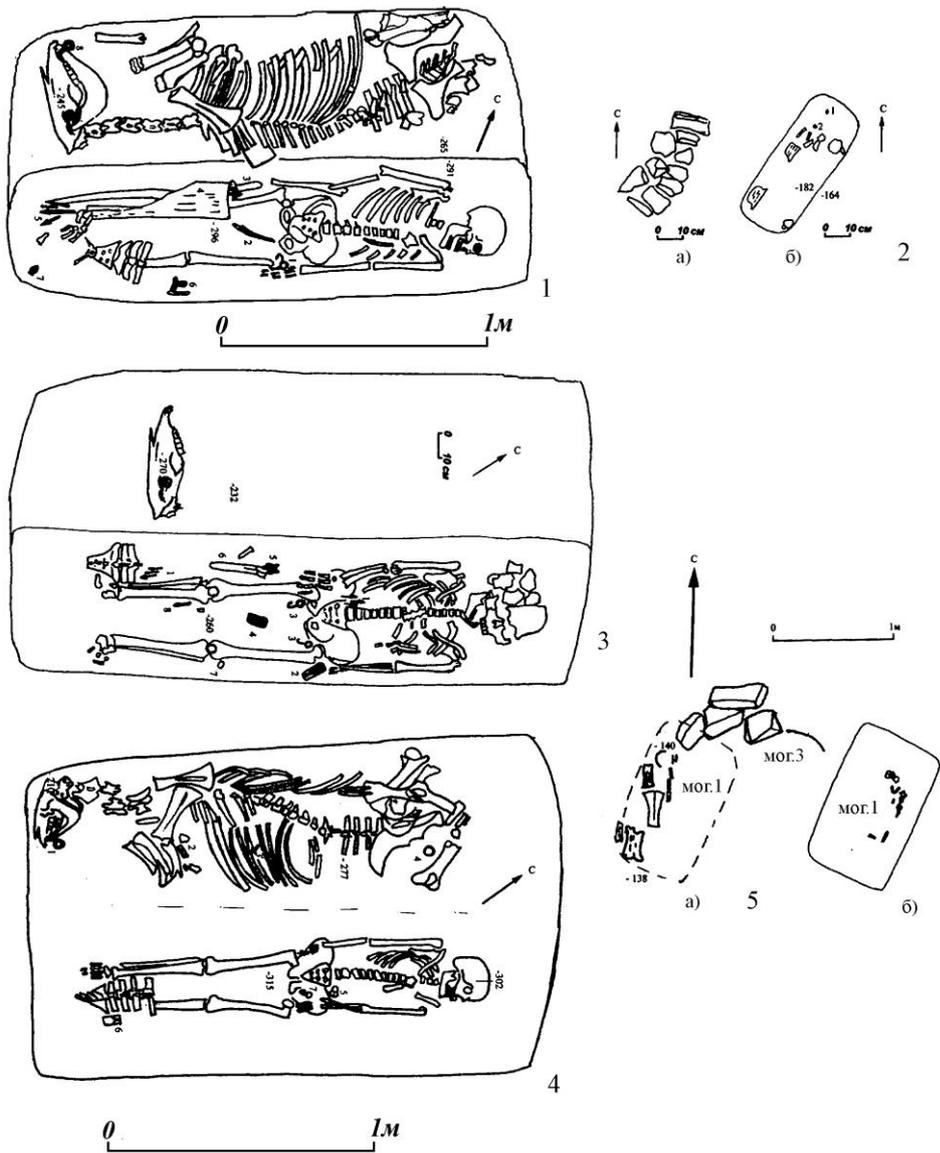

Рис. 9. Шестаки- I. Курган №2. Планы погребений.
 1. Мог. 3. 2. Мог. 2. 3. Мог. 4. 4. Мог. 5. 5. Мог. 1.

Они массивные, с выделенным упором, с круглой в сечении шейкой и уплощенной асимметрично-ромбической боеголовкой. У большинства прослеживается обмотка берестой места соединения древка с наконечником (Рис. 10, 2-8). Под колчаном оказалась железная пряжка с уплощенной круглой рамкой (Рис. 10, 15) и железное кресало (Рис. 10, 11).

У левой ноги человека, у колена, симметрично сабле лежал топор-тесло. В погребениях первого кургана тесла были приторочены к седлам лошадей. Возможно, здесь, как и в следующей могиле, топор положен как предмет вооружения. Тесло с несомкнутой втулкой, у него слабо выделенные плечики и выпуклое лезвие. Лезвие имеет толщину, значительно превышающую толщину втулки. Ширина втулки 4 см. Ширина лезвия 5,2 см. Длина лезвия 5,8 см. Длина втулки равна длине лезвия (Рис. 10, 9).

На левой голени погребенного человека — крестец лошади. В районе таза, между ног, железный черешковый нож (Рис. 10, 18). У тазовых костей крючки для сапог (Рис. 10, 13-14). Все железо плохой сохранности. В заполнении могильной ямы найден фрагмент венчика глиняного сосуда (Рис. 10, 17), возможно, к погребению не относящийся. Скелет человека слегка развернут, вероятно, он упирался правым плечом в ступеньку, поэтому оказался «вполоборота».

Могилы 4 оказалась прорыта грабителями. В верхней части заполнения было много камней от развала пробитой грабителями каменной кладки. Но бугровщики разрушили только захоронение коня, а могилу человека найти им не удалось, потому что здесь, как и в других могилах, ниже костей лошади находился плотный, глинисто-каменистый материк и такой же «материк» был слева и справа от вырытой ямы. Подбой обвалился в древности, и поэтому погребение человека оказалось непотревоженным. От коня остался только череп без нижней челюсти (Рис. 9, 3). Все остальные кости были перемешаны в заполнении могилы. Среди лошадиных костей встречена челюсть овцы. Под головой лошади найдены остатки железных удил с роговыми двудырчатыми псалиями (Рис. 11, 16). Обломок от такого же рогового псалия найден в заполнении ямы (Рис. 11, 15).

Человек был уложен вытянуто на спине, головой на СВ. Скелет раздавлен землей. Череп раздроблен. Перепад высоты между уровнем ступеньки, на которой была уложена лошадь, и дном могилы — 32 см. Над костями скелета человека и под ними прослеживаются следы органического тлена. Вдоль правого бедра человека лежали раздавленные узкие ножны, вырезанные из лосиного рога (Рис. 11, 1-2). Рядом с ними фигурная бронзовая пряжка с подвижным железным язычком (Рис. 11, 14). Ножны вырезаны из лосиного рога и состоят из двух половинок. Они соединены одной железной заклепкой внизу, а сверху они, очевидно, закреплялись обмоткой из какого-то органического материала, который не сохранился. Длина ножен 22 см. С одной стороны на ножнах вырезана выступающая «пуговица» для крепления. Благодаря соседству с бронзовой пряжкой на пуговице сохранился узел кожаного ремня. Внутри ножен сохранился клинок тонкого ножа или стилета. Он железный, черешковый, форма его сечения неясна, так как клинок сильно корродирован, и коррозия заполнила все свободное пространство внутри ножен. То есть предмет принял форму закрытого объема, в котором находился (Рис. 11, 2). Железная коррозия в отдельных местах прорвала роговые ножны. Ширина клинка в самой широкой части не превышает 14 мм, а толщина — 7 мм. Длина клинка 92 мм. Острие имело линзовидное сечение.

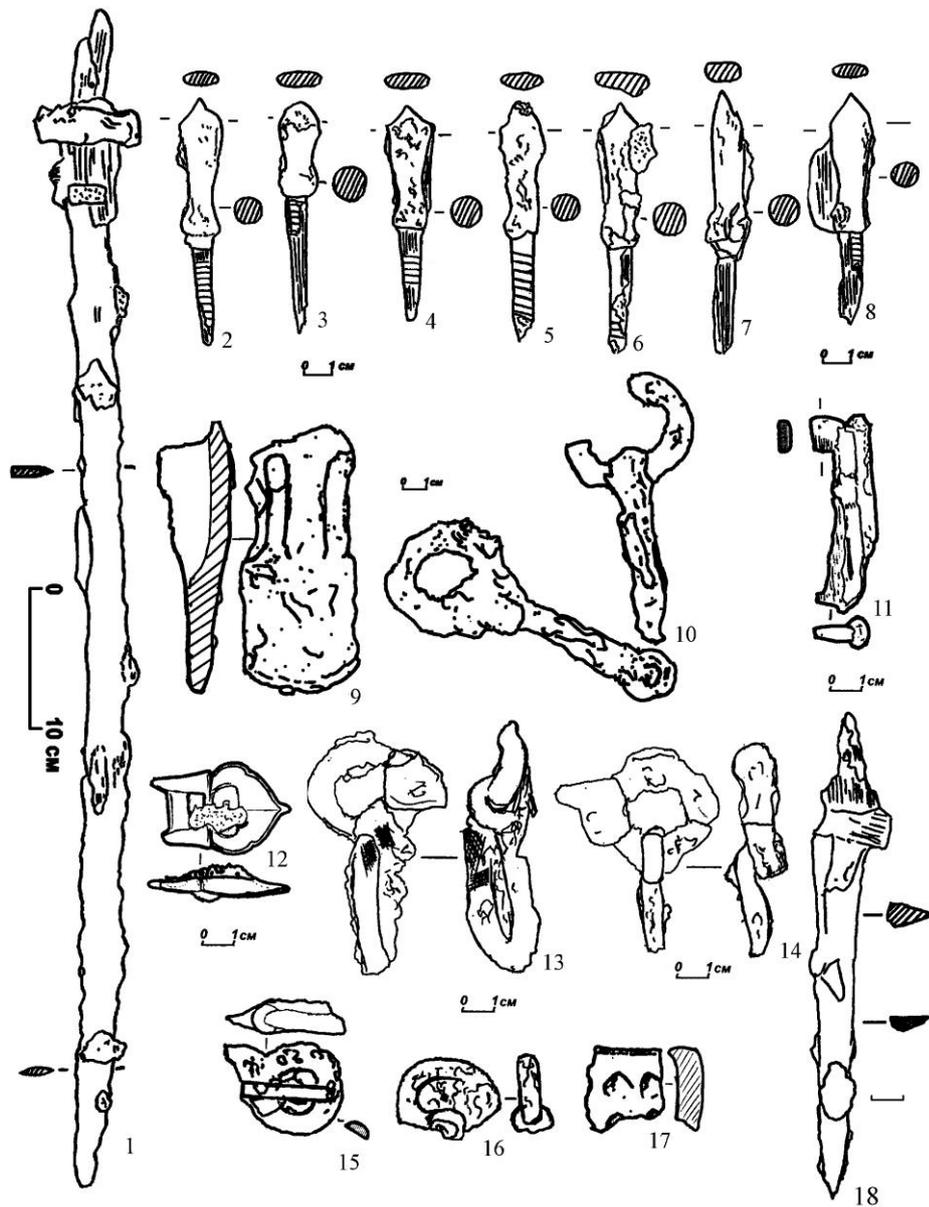

Рис. 10. Шестаки-I. Курган №2. Погребальный инвентарь из мог. 3.
 1. Сабля. 2-8. Наконечники стрел. 9. Топор-тесло. 10. Удила.
 11. Кресало. 12. Пряжка. 13-14. Железные крюки. 15-16. Пряжки.
 17. Керамика. 18. Нож.
 1-11, 13-18. Железо. 12. Бронза, железо. 17. Глина.

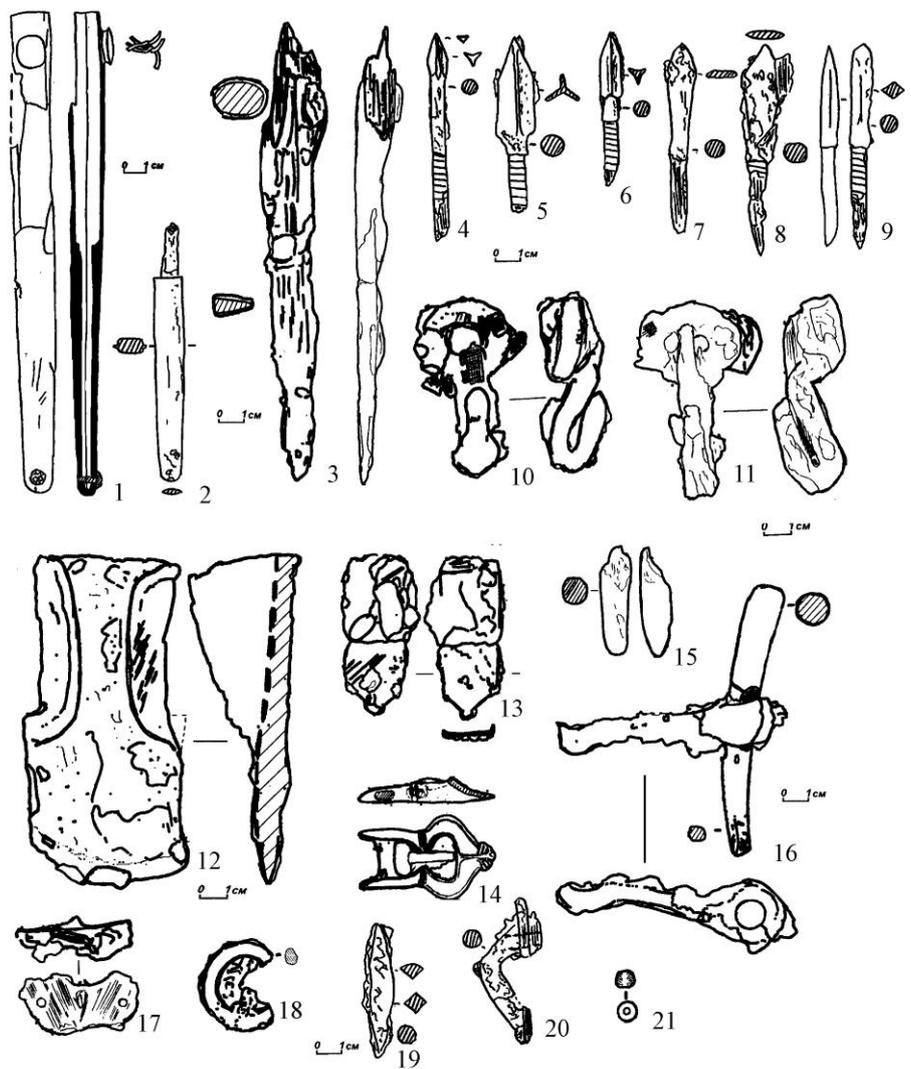

Рис. 11. Шестаки-I. Курган №2. Погребальный инвентарь из мог. 4.
 1. Ножны стилета. 2. Клинок стилета. 3. Нож. 4-9, 19. Наконечники стрел.
 10-11. Железные крюки. 12. Топор-тесло. 13. Поясная накладка.
 14. Пряжка. 15. Фрагмент псаля. 16. Удила (фрагмент).
 17. Накладка от седла. 18. Железное кольцо. 20. Петля от колчана.
 21. Серьга. 1, 15. Рог. 2-13, 17-20. Железо. 14. Бронза, железо.
 16. Рог, железо. 21. Бронза.

То, что найденный предмет не простой нож, а оружие, подтверждается тем, что с погребенным оказался еще один нож в берестяных ножнах. Причем стилет лежал вдоль правого бедра, а нож находился под левым локтем.

У левого бедра лежал топор-тесло с несомкнутой втулкой и выделенными плечиками. Длина втулки 7 см, длина лезвия 5,3 см. Ширина втулки 4,8 см, ширина лезвия 6 см. Лезвие выпуклое (Рис. 11, 12).

Берестяного колчана зачистить не удалось, так как берестяной тлен покрывал всю могилу, но так же как в предыдущей могиле, на правой ноге лежали стрелы. Четыре наконечника находились на тазовых костях острием вверх и три — возле правой голени, остриями вниз. Расстояние между наконечниками около 80 см. В этом колчане стрелы оказались разными. Два из наконечников аналогичны вышеописанным (Рис. 11, 7-8). Один бронебойный томар с выделенным упором, круглой шейкой и ромбическим сечением пера (Рис. 11, 9). Два трехлопастных, удлинненно-пятиугольных с выделенной круглой шейкой и упором (Рис. 11, 5-6). Один с длинной круглой шейкой и трехлопастной боеголовкой (Рис. 11, 4) и у одного наконечника из-за коррозии невозможно определить форму. Очевидно только, что он был массивным, видимо, бронебойным (Рис. 11, 19). Между ног человека найдена железная петля от колчана (Рис. 11, 20).

У правой голени лежал крестец лошади. Немного ниже тазовых костей находились железные крючки для сапог (Рис. 11, 10-11). На них сохранились отпечатки ткани. У левого колена лежала железная соединительная накладка со следами дерева (Рис. 11, 17). Под спиной человека найден железный черешковый нож с остатками деревянной рукояти, в берестяных ножнах (Рис. 11, 3). Под раздавленными черепными костями найдена бронзовая бусина, вероятно, подвеска от простой серьги (Рис. 11, 21).

В 3 метрах к СВ от могильной ямы в насыпи, на глубине 84 см от апекса кургана, на уровне погребенной почвы зачищена плоская каменная плита-стела размером 30 x 38 см и толщиной 12 см. Плита не имеет видимых следов обработки, но форма ее довольно правильная, углы скруглены. Местоположение стелы соответствует полностью расположению деревянного столба, который находился в 3 метрах к СВ от могилы 5. Это позволяет считать, что наличие стелы в насыпи не случайность.

Могилы 5 — центральная в кургане. Сверху имела мощную каменную насыпь, но эта насыпь пробита многочисленными ямами. Верхняя часть насыпи пробита грабительским лазом, но грабители не стали копать глубже 1,5 метров, а могила оказалась глубже (Рис. 9, 4).

Могильная яма ориентирована по оси ЮЗ-СВ. В 3 метрах к СВ от могильной ямы находился деревянный столб диаметром 25 см. Между столбом и могильной ямой находилась линза золы и кальцинированных косточек. Так же было и в первом кургане, только там между деревянным столбом и центральной могилой был обнаружен единственный сожженный зуб лошади. Здесь косточек было много. Все они мелкие, неопределимые.

В могиле на ступеньке вдоль СЗ стенки был уложен на брюхе конь, головой на ЮЗ. Морда повернута вниз. Сверху над скелетом коня прослежено сгнившее и провалившееся деревянное перекрытие. Задние и передние ноги коня взаиморазвернуты в разные стороны, передние на ЮВ, а задние на СЗ, к стенке. В пасти коня железные кольчатые удила (Рис. 12, 11).

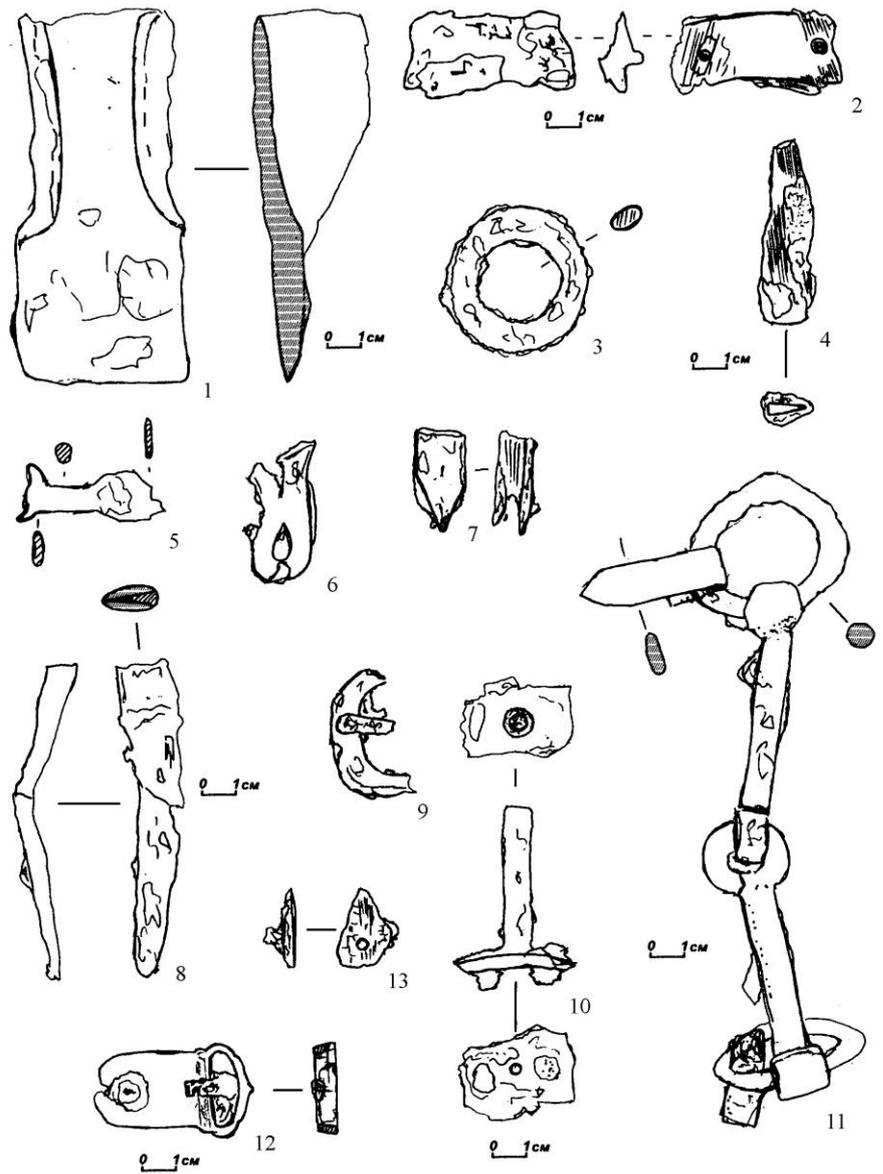

Рис. 12. Шестаки-I. Курган №2. Погребальный инвентарь мог. 5. 1. Топор-тесло 2. Накладка от седла. 3. Железное кольцо. 4. Нож. 5, 7. Детали сбруи. 6. Железный крючок. 8. Нож. 9. Пряжка. 10. Наносник от сбруи. 11. Удила. 12. Пряжка. 13. Фрагмент железного изделия.
1-11, 13. Железо. 12. Бронза, железо.

Возле головы коня найден железный наносник — железная трубка на основании, крепившемся к ремню (Рис. 12, 10). Внутри трубки, в железной коррозии сохранились остатки конских волос. Внутренний диаметр трубки 4 мм. Среди костей лошади найдены и другие детали сбруи — железное плоское кольцо (Рис. 12, 3), фрагмент железной пряжки (Рис. 12, 9), кусочки железной коррозии и фрагменты железных деталей сбруи (Рис. 12, 2, 5, 7, 13). Ступенька, на которую уложен конь, имеет скат в сторону могилы. Человек лежит в подбое вытянуто на спине, головой на СВ. Несмотря на то, что могила центральная и самая глубокая в кургане, погребальный инвентарь значительно беднее, чем в других могилах. При человеке только железный топор-тесло с несомкнутой втулкой (Рис. 12, 1), железные крючки на тазовых костях (Рис. 12, 6), фрагмент железного ножа (Рис. 12, 8) и бронзовая пряжка (Рис. 12, 12). На бронзовой пряжке сохранились фрагменты дерева и войлока. Возможно, человек был завернут в войлок.

Курган №3 находился в 130 метрах к ЮВ от кургана №1 могильника Шестаки-1 и в 210 метрах от кургана №2, в том же направлении. Курган представлял собой округлую насыпь диаметром 9 метров и высотой до 30 см. Насыпь в среднем на 20 сантиметров состояла из задернованной кучи навоза. Так как эта куча сформировалась на ограбленном кургане, насыпь которого была смещена, наш раскоп оказался немного сдвинут, перекрестье бровок, ориентированное на апекс кургана, оказалось более чем в метре от могильной ямы, что для такой маленькой насыпи довольно много (Рис. 13, 2). Диаметр настоящей насыпи оказался значительно меньше. Внешний диаметр кольцевого рва оказался всего 8 м, а внутренний немногим больше 6 м. Ров имеет удивительно правильную форму. Вероятно, его контуры были намечены прочерчиванием по веревке по кругу от вбитого кольшкка. В центре была выкопана могила. Ширина рва около 80 см. По крайней мере, на такую ширину он отбивается в материке. В черной земле ров практически не прослеживается. На СВ стороне проход, шириной 80 см. Глубина рва к проходу уменьшается. В заполнении ровика оказалась только одна колющая кость небольшого животного, вероятнее всего овцы. Она находилась к западу от погребения.

Около центра кургана, в СЗ секторе, ниже слоя навоза, стали встречаться отдельные кости скелета лошади и человека.

Могила 1 в кургане №3 была одна и полностью разграблена (Рис. 13, 2). Отдельные разрозненные кости коня (2 позвонка, ребро) и человека (бедренная, 2 тазовых, 2 позвонка, 2 ребра, кость левого предплечья, ключица, фаланги пальцев) встречались на разных уровнях в заполнении могильной ямы. Могильная яма прямоугольной формы, 200 см на 100 см, ориентирована С — Ю. На уровне дна ямы ширина ее 120 см. На дне могилы, *in situ*, были обнаружены только берцовые кости обеих ног человека в сочленении с костями стопы. Пальцев на месте не оказалось, видимо, они были растащены сусликами. Кости верхней части скелета (череп, ребра, плечевая кость, лопатка) были перемешаны в кучу в южной половине ямы. Среди этих костей обнаружен железный черешковый нож (два обломка) (Рис. 13, 3). Череп раздавлен по швам. У восточной стенки ямы обнаружена кость правого предплечья.

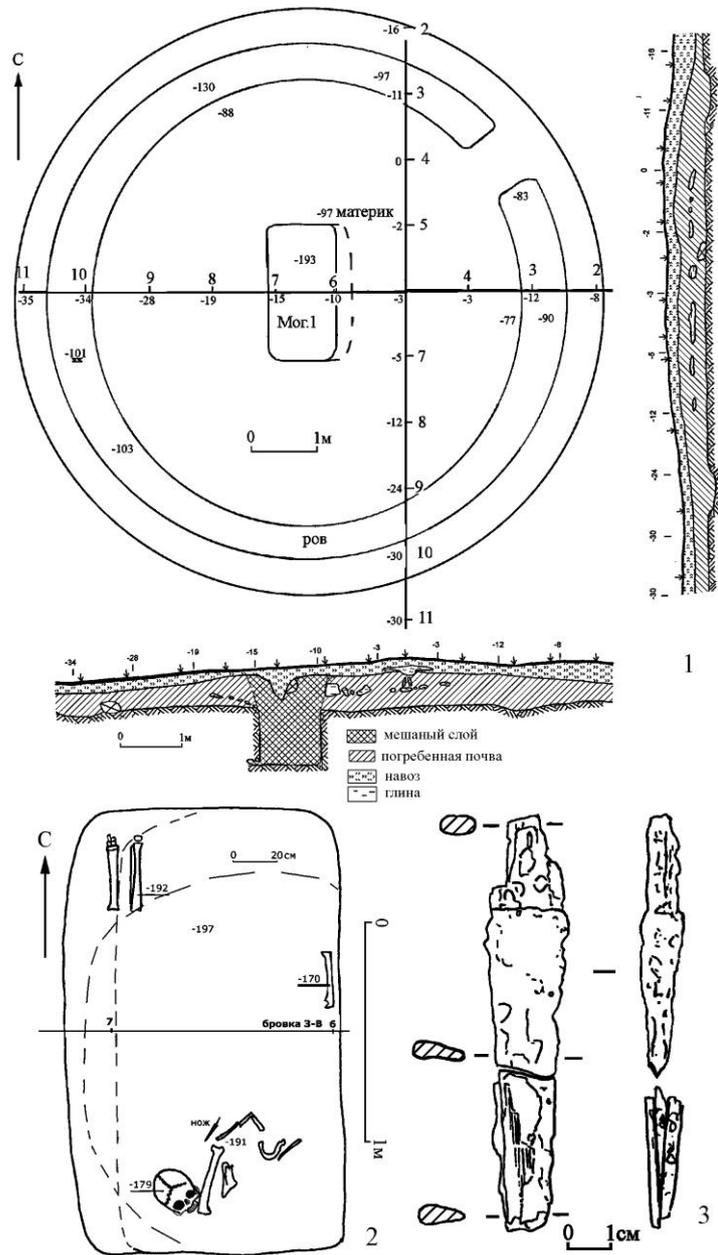

Рис. 13. Шестаки-I. Курган №3.
1. План и профили. 2. План мог. 1. 3. Нож. Железо.

На самом дне ямы — тонкая прослойка черной земли и мелкие отдельные фрагменты бересты, видимо, могила была выстлана берестой. Глубина ямы от верхней точки насыпи кургана — 197 см. Больше никакого инвентаря обнаружить не удалось. Контур могильной ямы по ее верхней и нижней части позволяет предположить, что здесь было погребение в подбое, так же, как в других курганах на этом могильнике. Однако в данном случае совершенно по-другому ориентирована могильная яма (головой на юг, а не на СВ, как в курганах 1 и 2). Очевидно, здесь было погребение с конем, но никакой ступеньки для коня выделено не было.

Иначе выглядит и ров. Здесь он не прямоугольный, а представляет собой почти правильное кольцо, хотя выход также на СВ. Несмотря на такие отличия и отсутствие характерного инвентаря, мы не сомневаемся в единичности этих комплексов.

Значимыми культурными признаками, видимо, следует считать то, что подобные курганы на территории Кузнецкой котловины могут располагаться цепочкой или бессистемной группой, но между курганами всегда значительное расстояние, в то время как курганы предшествующего времени, с погребениями по обряду сожжения (Кемеровский вариант Верхнеобской культуры), располагаются почти вплотную, «жмутся» друг к другу. Погребения совершены по обряду ингумации, вытянуто на спине, в сопровождении коня. Ориентация преимущественно на СВ.

Благодаря тому, что могилы были в подбоях, только две из них пострадали от грабителей, и в одной было разрушено захоронение коня. Аналогично в могильнике Шанда в 1960-е годы Ф.И. Александров при раскопках курганов «исследовал» по крайней мере 12 «могил» с останками лошади, некоторые из них были разрушены грабителями, но ни Ф.И. Александров, ни грабители не дорыли до подбоев, очевидно, находившихся полуметром ниже и слева от скелета лошади⁶.

Шесть погребений представляли собой захоронения взрослых мужчин по обряду ингумации, в подбое, вытянуто на спине, головой на СВ, и взызданных коней на ступеньке, выше подбоя. Центральные могилы были перекрыты выложенными из камня куполами-«черепахами». К СВ от центральных могил находились остатки столбов (2 метра от края могилы) и кострищ (1 метр от края могилы). В одном из трех случаев, вместо деревянного столба была обнаружена небольшая каменная стела. Это весьма живо напоминает традицию устанавливать на половецких курганах каменные статуи, перед которыми совершались жертвоприношения⁷. При этом «каменные бабы» ставились не на всех погребениях, а только у более знатных людей, что усиливает сходство.

Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения, орудиями труда, деталями одежды и остатками лошадиной сбруи.

Характерными деталями одежды являются бронзовые пряжки с острым носиком и железные крюки на кольцах для крепления мягких голенищ сапог. На бронзовых пряжках сохранились фрагменты шелка и войлока. В одном случае обнаружен длинный железный наконечник ремня (возможно, от сбруи).

Украшения представлены сердоликовой, стеклянной и бронзовой бусинами. Сердоликовая и стеклянная круглые бусины находились в детском погребении,

⁶ Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников... С. 6-16.

⁷ Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 220-221

а бронзовая бусина, найденная в мужском погребении, являлась серьгой, видимо, висевшей в ухе на простой нитке.

Детали сбруи разнообразны. Удила все были железными, двусоставными, но псалии в одном случае были украшены серебряной аппликацией «в аскизском стиле», в другом случае псалии были роговыми, двудырчатыми, в одном случае удила были с большими подвижными кольцами, в остальных погребениях от удил сохранились только грызла.

Топоры-тесла, как правило, были приторочены к седлам, так как находятся обычно возле лопатки погребенной лошади и рядом встречаются железные соединительные оковки от седла. У каждого взрослого был железный нож. В тех случаях, когда сохранилась береста, прослежено, что нож вкладывался в берестяные ножны до середины рукоятки.

Конь во всех случаях повернут к человеку левым боком. Если люди уложены преимущественно головой на СВ, то кони могут быть развернуты в противоположном направлении. Возможно, это связано с тем, что лошадь заводили в курган по кругу, против хода солнца. Заведя лошадь в яму, ее убивали. Это подтверждается двумя наблюдениями. В 1 кургане, могиле 1, у лошади были сломаны кости морды. Во втором кургане, могила 4 агонизирующая лошадь разбила копытом голову человека (Рис. 9, 3).

С каждым погребенным человеком уложен крестец лошади или овцы, видимо, остатки от положенного в могилу куска мяса.

Все взрослые лежат головой на СВ, дети развернуты перпендикулярно.

Предметы вооружения присутствовали не во всех могилах, что может свидетельствовать о социальной дифференциации погребенных.

В первом кургане предметы вооружения были найдены в центральной могиле. Эта могила была самой глубокой и именно ее перекрывала каменная «черепаха». Только в этой могиле присутствовали стремена, а на удилах была серебряная аппликация в «аскизском» стиле.

Другие два погребения в этом кургане были без оружия. Видимо, в связи с более низким социальным статусом людей. Один из них был подросток 13-15 лет, имевший только «стандартный» набор вещей (пряжка, крюки для сапог, нож, топор, удила у лошади), а второй — взрослый мужчина — резко выделялся внешним обликом (широкие скулы, низкий лоб). Возможно, это человек иноплеменного происхождения. Антрополог Д.В. Поздняков, характеризуя население, оставившее могильник Торопово-1, в котором обряд погребения и инвентарь совпадает с шестаковскими курганами, утверждает, что краниологическая серия явно свидетельствует о миксации двух антропологических типов, причем начало смешения произошло всего несколько поколений назад и единый метисный тип еще не сформировался⁸.

Во втором кургане, наоборот, центральная, самая глубокая могила, перекрытая каменной насыпью, содержала погребение старика без оружия. В двух других могилах оказался наиболее значительный набор вооружения.

Набор вооружения достаточно яркий, интересный. Плоские наконечники стрел находят многочисленные аналогии в памятниках начала II тысячелетия нашей эры в

⁸ Поздняков Д.В. Антропологические характеристики населения Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам курганного могильника Торопово-1) // Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. С. 196-197.

Западной и Южной Сибири. Значительно реже встречаются трехлопастные с выделенной шейкой, но аналогии есть и им на тех же территориях⁹. Сабля имеет весьма характерный для Южной Сибири клинок. Стилеты, хотя и встречаются в памятниках Кузнецкой котловины, являются достаточно редкой находкой. То, что найденный предмет является именно оружием, подтверждается наличием бытового ножа в погребении. Маленькие размеры клинка не должны смущать — согласно словарю оружия Б.Г. Трубникова длина боевого клинка может быть небольшой. Так, штык-нож 7,62 мм автомата Калашникова имеет длину всего 150 мм¹⁰, индонезийский кинжал ренгджонг имеет длину клинка 7,5—25 см¹¹. Финский нож имеет длину до 150 мм¹². «Нож нижних чинов иновечерских казачьих полков, размещенных на китайской границе, образца 1840 года», являвшийся армейским оружием с 1840 г. до конца XIX в., имел общую длину 255 мм, длину клинка 140 мм, ширину лезвия 17 мм¹³. Этот нож также вставлялся в ножны более чем до середины рукояти, как и в нашем случае.

Сами по себе предметы вооружения из Шестаковских курганов существенно дополняют информацию об уровне развития военного дела племен, населявших Северный Алтай в начале II тысячелетия н.э. Кроме того, они маркируют социальный статус погребенных людей и проливают свет на сложный социальный состав населения Кузнецкой котловины в то время.

Погребальный инвентарь достаточно характерен для времени от начала II тысячелетия нашей эры до монгольской эпохи. Поэтому датировка комплекса X-XII веками нашей эры сомнений не вызывает. Более узкую дату предложить на сегодняшний день сложно.

Курганы имеют прямые аналогии на территории Кемеровской области¹⁴, в Казахском Прииртышье¹⁵ и среди половецких древностей¹⁶. Очень близки, безусловно, единичным рассмотренным комплексам — сроткинские курганы в Новосибирском Приобье¹⁷.

Подобные курганы называют «курганами со рвами»¹⁸ или «курганами с квадратными рвами»¹⁹. Такое название представляется не очень удачным, во-первых,

⁹ Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. С. 179; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 80.

¹⁰ Трубников Б.Г. Большой словарь оружия. СПб., М., 1997. С. 136.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Там же. С. 79.

¹³ Там же. С. 75.

¹⁴ Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (Хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 103-111

¹⁵ Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X-XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 192

¹⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... С. 120-122

¹⁷ Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.

¹⁸ Илюшин А.М. Средневековые курганы... С. 103-111

¹⁹ Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Средневековые курганы с квадратными рвами из Новосибирского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. С. 73-81

курганы с идентичным погребальным обрядом и набором инвентаря могут иметь овальный или округлый ров или не иметь его вовсе, а во-вторых, по наличию разомкнутого рва А.М. Илюшин объединяет подобные памятники с курганами в Барабе, которые явно инокультурны²⁰. Вместе с тем приходится признать, что название «курганы с подбоями» тоже не универсально. Возможно, подбой, как и ров, важная, но не обязательная часть погребального ритуала.

На сегодняшний день определение «Кемеровский вариант сrostкинской культуры» представляется наиболее верным определением для рассматриваемых памятников.

В начале второго тысячелетия нашей эры степную часть Кузнецкой котловины населяли кочевники, оставившие памятники так называемой «сrostкинской» археологической культуры.

Большинство захоронений кемеровского варианта сrostкинской культуры — одиночные труположения с северо-восточной ориентировкой в грунтовых ямах, в некоторых случаях с сопроводительным захоронением коня или предметами конской упряжи. Среди предметов сопроводительного инвентаря характерны ажурные украшения, костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, удила с большими внешними кольцами и др.

Этническая принадлежность сrostкинской культуры определялась в научной литературе по-разному. Так, выделивший эту археологическую культуру М.П. Грязнов считал, что сrostкинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития²¹. А.А. Гаврилова считала, что здесь большая роль принадлежала уйгурам²². М.Г. Елькин, раскопавший большое количество средневековых курганов на р. Ур, не пытаясь делать каких-либо конкретных выводов, называл средневековое население Кузнецкой котловины «тюрками», очевидно, имея в виду только тюркоязычность этих людей²³. А.М. Илюшин определял население, оставившее курганы в долине р. Бачат (следует отметить, что Артышта — приток Бачата), как теленгутов, которых он считал одним из кыпчакских племен²⁴. В работе, посвященной могильнику Торопово-1, А.М. Илюшин предлагает считать средневековое население Кузнецкой котловины в начале II тысячелетия нашей эры состоящим из трех групп — теленгуты, бома и смешанное население (Бома и теленгуты)²⁵. Д.Г. Савинов считает сrostкинское население кимаками, но кимаками в политическом значении термина, и склонен к тому, что искать памятники кыпчаков весьма перспективно, среди сrostкинских памятников²⁶. А.А. Адамов категорически утверждает, что сrostкинскую культуру следует связывать именно с кыпчакским этносом²⁷.

²⁰ Илюшин А.М. Средневековые курганы... С. 110.

²¹ Грязнов М.П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. №48.

²² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 72.

²³ Елькин М.Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур // ИЛАИ. Кемерово, 1970. Вып. 2. С. 81-92.

²⁴ Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины р. Бачат. Кемерово, 1993. С. 41.

²⁵ Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. С. 73-76.

²⁶ Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. С. 107.

²⁷ Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. С. 107.

Аргументация А.А. Адамова представляется нам убедительной. Обряд погребения в курганах сросткинской культуры и артефакты, сопровождающие погребенных людей, свидетельствуют о большой культурной близости средневекового населения Кузнецкой котловины кыпчакам, которые к XI веку нашей эры заняли все Северо-Казахстанские степи, от Иртыша до Поволжья. Поэтому древняя история Кузнецкой котловины не может рассматриваться изолированно от большого региона, включающего в себя Казахское Прииртышье, Северный Алтай, часть нынешней Новосибирской области. Безусловно, носители «сросткинской культуры» входили в этнополитический союз восточных кыпчаков с центром на Иртыше. Следует отметить, что материальная культура средневекового этноса, населявшего Кузнецкую котловину, не прямо тождественна культуре населения Прииртышья. Различия в формах и орнаментации керамики, а также некоторые отличия погребальных ритуалов достаточно заметны. Поэтому многие археологи отмечают, что в сложении сросткинской археологической культуры приняло участие не только тюркское, но и самодийское население Западной Сибири.

Даже если население Кузнецкой котловины было смешанным, нет ни малейших оснований обособлять его от кыпчаков. Политический центр данной группировки располагался на Иртыше, а такая далекая периферия, как Кузнецкая котловина, могла как окраинная, маргинальная зона иметь смешанный тип населения при безусловном господстве тюркоязычных кочевников на этой территории в X-XII веках.

Когда степи были покорены монголами, именно на Иртыше располагалась ставка Джучи, старшего сына Чингизхана, получившего в удел «все северные страны». Нет сомнений, что ставка правителя находилась в самом лучшем месте региона. Там же, где до него располагались ставки ханов кыпчакского племени, имевшего кочевья от Иртыша до Кузнецкого Алатау.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Средневековые курганы с квадратными рвами из Новосибирского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. С. 73-81.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 143 с.

Грязнов М.П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. №48. 230 с.

Елькин М.Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур // ИЛАИ. Кемерово, 1970. Вып. 2. С. 81-92.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины р. Бачат. Кемерово, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (Хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 103-111.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.

Кузнецов Н.А. Средневековые погребения с конем в Кемеровской области // Евреиновские чтения: материалы музееведческой научно-практической конференции. Новокузнецк, 2000. С. 25-26.

Кузнецов Н.А. Курганы с подбоем в Кузнецкой котловине // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 42-44.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X-XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 190-193.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213-222.

Поздняков Д.В. Антропологические характеристики населения Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам курганного могильника Торопово-1) // Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 186-207.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 215 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. 193 с.

Трубников Б.Г. Большой словарь оружия. СПб.; М., 1997. 672 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 275 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Городище Городок и его окрестности в древности

Внимательное отношение дореволюционных крестьян Кемеровского При- томья к древностям родного края весьма поучительно. Весной 1906 г. у с. Елькаево был выпахан «клад», состоящий из железных мечей, кинжалов, копий, наконечников стрел, бронзовых зеркал и культовых изображений. Из земли было извлечено более 140 предметов. Все это было передано в Губернское управление (в то время центром губернии был г. Томск), а оттуда коллекция древностей поступила в Археологический музей Томского университета, где и хранится поныне. И это был не единичный факт. Одна из деревень современного Старочервовского сельсовета Кемеровского района даже была названа в честь археологического памятника — это д. Городок (Рис. 1). Она была основана в 1924 г. выходцами из с. Старочервова.

Вот что рассказал У.Э. Эрдниеву в 1954 году один из первопоселенцев деревни Городок Н.Ф. Бурдин (1872 г. р.)¹.

В 1910 г. в с. Старочервова для перепланировки участков на кабинетских землях приехал из Барнаула землеустроитель Рингс. Он поселился у Н.Ф. Бурдина и нанял его в качестве кучера и помощника. Объезжая район проведения землеустройства, они натолкнулись на древнее городище. Рингс, живо интересовавшийся древностями, не удержался и организовал небольшие раскопки. В них принял участие и Н.Ф. Бурдин. Рингс выкопал 3-4 шурфа на внутренней площадке городища и вскрыл часть земляного вала. В шурфах встречались заполненные золой очаги, фрагменты керамики, кости различных животных. В ходе раскопок вала была найдена груда круглых камней величиной с кулак. Некоторые находки Рингс забрал с собой в Барнаул. Несмотря на то, что ничего особенного в ходе раскопок на городище найдено не было, сам факт приобщения к древностям так сильно повлиял на Н.Ф. Бурдина, что он позднее и переселился в это место и назвал новую деревню Городком в честь необычного соседства.

В 1940 г. городище Городок было обследовано томским археологом Н.А. Чернышевым. Он отметил, что на западной части городища особенно ясно видны ров и вал с бастионами. На внутренней площадке укрепления Н.А. Чернышев зафиксировал ямы, которые связал с остатками жилищ, а в овраге, ограничивающем городище с СВ, обнаружил полусгнившие бревна, укреплявшие когда-то обрыв. В нескольких местах береговой осьпи были отмечены углы от сгоревших сооружений, а также собраны шлаки от железоплавильных печей.

¹ Эрдниев У.Э. Отчет об археологической разведке на реке Томи в 1954 г. // Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 23. Л. 26-30.

Н.А. Чернышев предположил, что имеет дело с остатками земляной крепости XVIII в.²

В 1954 г. городище Городок обследовал У.Э. Эрдниев. У.Э. Эрдниев составил развернутое описание памятника, подробно характеризуя элементы фортификации с использованием метрических данных. Составляя глазомерную схему (в масштабе 1:400), он отметил на внутренней площадке городища 24 западины овальной и подпрямоугольной формы 4х4,5 м от жилищ. Исходя из характера укреплений городища, У.Э. Эрдниев «весьма ориентировочно» датировал памятник в пределах XIV-XVI вв.³

В 1958 г. городище Городок посетили сотрудники Кемеровского областного краеведческого музея Г.П. Сафронюк и В.Н. Алексеев. Они отметили хорошую сохранность памятника, составили две глазомерных схемы (в масштабах 1:2500 и 1:500), а также заложили несколько шурфов⁴. В очередной раз городище было обследовано в 1962 г. А.И. Мартыновым. Пробных раскопок не производилось⁵.

С 1960 г. в 120 м к ЮЗ от городища Городок начинает строиться турбаза. К середине 1990-х гг. участок земли, на котором располагается городище Городок, был передан под дополнительные постройки турбазы АО «Северные сети» (Кузбассэнерго). Возникла реальная угроза уничтожения памятника. На его территории были вкопаны столбы разметки земельного участка, началось обрушение склонов при прокладке новых троп и спусков к реке. Такую ситуацию мы застали в мае 1997 г., когда в ходе изучения позднесредневековых и русских памятников Притомья решили уточнить культурно-хронологический характер городища Городок.

Поставив в известность администрацию Кемеровского района и АО «Северные сети» о неправомерности включения городища Городок и его охранных зон в территорию турбазы, мы предприняли необходимые действия для вывода данного земельного участка. Руководство АО «Северные сети», препятствуя выводу земель, опиралось на утверждение местных жителей⁶, что наблюдаемые рвы — это остатки партизанских траншей периода гражданской войны и, следовательно, археологического интереса не представляют.

Подтвердить статус памятника простой ссылкой на официальный «Список памятников Кемеровской области» оказалось затруднительно. Несмотря на то, что городище Городок неоднократно посещалось археологами, кроме его краткого описания и нескольких глазомерных схем ничего для документальной фиксации не было сделано.

² Ширин Ю.В. Археологические работы на реке Томи и Чулыме в 1940 г. // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1995. С. 60.

³ Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 23. Л. 26-30; Эрдниев, У.Э. Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 13.

⁴ Архив Музея археологии, этнографии и экологии КемГУ. Д. 22.

⁵ Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 39. Л. 19.

⁶ Старожилов в д. Городок уже практически не осталось, теперь там больше дачников.

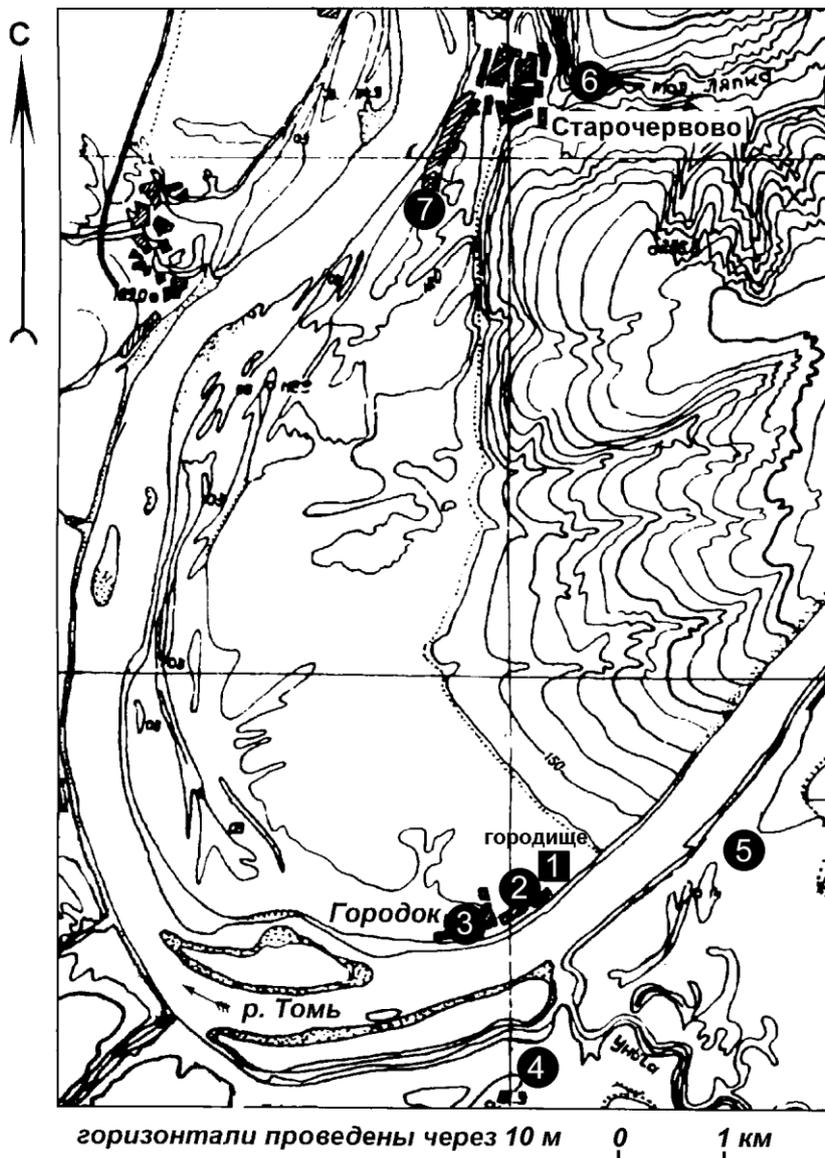

Рис. 1. Место расположения археологических памятников в районе д. Городок: 1 – городище Городок; 2 – поселения Городок-3, Городок-4; 3 – курганная группа Городок-2; 4 – поселения Шевели-1, Эcran-1; 5 – поселение Длинное Озеро; 6 – поселение Старочервово-4; 7 – поселение Старочервово-2.

По необъяснимой причине уникальный по своей типологии для Среднего Притомья памятник в первоначальном списке археологических памятников Кемеровского района Кемеровской области был отмечен как два совершенно разных памятника неопределенной культурной принадлежности и датировки (под №21 как городище Городок и под №31 как городище Старочервово-III)⁷. Затем, в обновленном списке, фигурирует только городище Старочервово-III, причем с откуда-то взявшейся датировкой ранним железом⁸. Не удалось обнаружить в фондах Кемеровского областного краеведческого музея и материалы шурфовки на городище Городок, произведенной Г.П. Сафронюком и В.Н. Алексеевым в 1958 году.

Таким образом, для подготовки официального требования о выводе земель нам было необходимо не только провести инструментальную съемку плана памятника, его фотофиксации, но и осуществить раскопки разведочного характера. Последнее было нужно для определения культурной принадлежности памятника и его датировки. В сжатые сроки летом 1997 г. нами были выполнены все необходимые работы и подготовлены требующиеся документы. Информация об этих предварительных исследованиях была опубликована⁹.

Опираясь на результаты проделанной нами работы, администрация Кемеровского района подготовила распоряжение об отмене предыдущего решения о расширении земельного участка турбазы АО «Северные сети» и о выводе из него археологического памятника городища Городок с охранными зонами. Учитывая уникальный характер этого памятника и сохраняющуюся угрозу его разрушения, нами было подготовлено предложение о музеефикации городища. Эта инициатива была поддержана администрацией Кемеровского района во главе с А.К. Глебовым. Началась работа по созданию музея.

Уже 1 июня 1998 г. на основе инфраструктуры турбазы был создан учебно-научный центр этноэкологических исследований КемГУ — «Тюльберский городок». Здесь ежегодно стала проводиться археолого-этнографическая и биологическая практика для студентов КемГУ и школьников гимназий. Кроме раскопок и реставрации городища исследуются окрестные памятники живой и неживой природы с целью создания здесь биозаповедника. Одновременно архитекторами разрабатывался проект зон охраны и генплан будущего этноэкологического музея под открытым небом, была сделана детальная инструментальная съемка окрестностей памятника в масштабе 1:500.

По разработанной концепции музеефикации городища Городок предполагается частичная реконструкция укреплений после полного археологического исследования восстанавливаемых участков.

⁷ Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово, 1989. Вып. 1. С. 60, 62.

⁸ Каталог памятников истории и культуры Кемеровской области. Кемерово, 1996. С. 16.

⁹ Кимеев В.М., Ширин Ю.В. Палеоэтнографические исследования в Притомье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1997 г.). Новосибирск, 1997. С. 365-366.

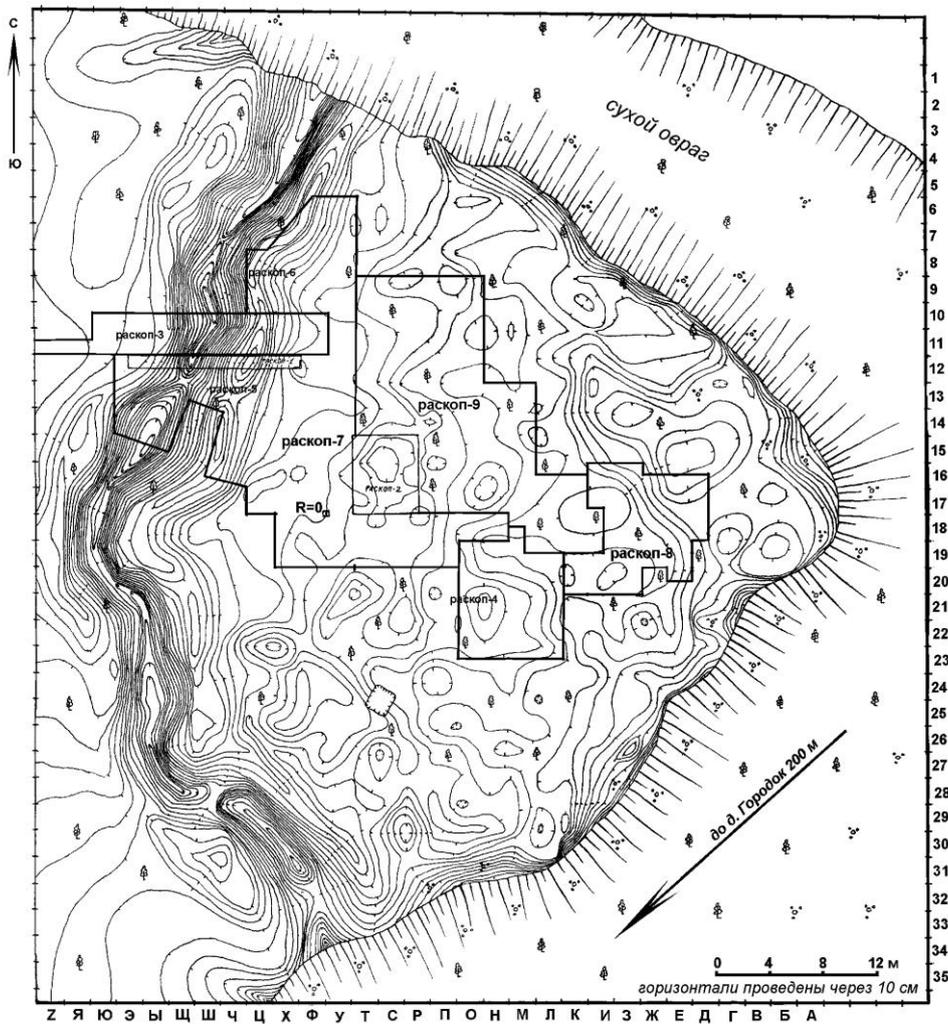

Рис. 2. План городища Городок с обозначением исследованных площадей.

Планируется воссоздать только северо-западный участок фортификационной линии от северного оврага до редана-2. Реконструированный участок будет включать редан-1 и западный проход. Воссозданию подлежат и 2-3 постройки на внутренней площадке городища. Большая часть городища будет сохраняться в виде археологического объекта. На протяжении 1997-2000, 2002 гг. автором были проведены археологические раскопки намеченных к реконструкции объектов городища Городок и участка его фортификационных сооружений.

Предварительные итоги этих исследований обсуждались на нескольких конференциях¹⁰. В 2000-2001 гг. осуществлена реконструкция участка дерево-земляных укреплений городища Городок, включающего стену, редан-1, ров и западный проход (Рис. 14, А). Исследования и реконструкция городища продолжаются.

Городище Городок расположено на северо-восточной окраине д. Городок (ныне дачный поселок), в 120-200 м выше по течению, на краю правобережной коренной террасы р. Томи, которая на данном участке течет с СВ на ЮЗ. Терраса, на которой расположено городище, имеет высоту 18-20 м от уреза воды (в межень). Окружающий городище район — лесостепь с распаханными полями. Только в 15-18 км к СВ от городища начинается тайга. Противоположный, левый берег р. Томи — широкая пойма с небольшими болотистыми участками и старицами, примыкающая к устью р. Уньги. На пойме вдоль стариц произрастают невысокие кустарники, на гривах — осины и березы. Весь окружающий городище район удобен для выпаса скота, многоводная река богата различными видами рыбы. С коренной террасы в районе городища прекрасный стратегический обзор.

Вся площадь городища и примыкающий к нему участок берега поросли деревьями, преимущественно березами, мелким кустарником и папоротником. Согласно рассказу местного населения, зарастать данный участок начал с конца 1940-х гг. В настоящее время ведется планомерное сведение древесной и кустарниковой растительности с площади памятника. Крутой и обрывистый склон террасы закреплен кустарником и молодой порослью деревьев, частично задернован. На северо-востоке естественной границей городища является большой овраг. Его ширина — 16-19 м, глубина — до 10-15 м. Борты оврага размываются, что представляет существенную угрозу для памятника. В дальнейшем необходимо будет провести мероприятия по приостановке роста оврага. К З и СЗ от городища Городок на расстоянии 20-25 м от края рва напольная площадка разрушена хозяйственными ямами периода начала коллективизации. Тогда здесь были устроены специальные ямы для замеса глины. Эти разрушения в настоящее время являются объективной границей охранной зоны городища на данном направлении.

Ров и вал городища хорошо заметны в рельефе местности (Рис. 2). Они дугой ограничивают с СЗ-З-ЮЗ внутреннюю площадку городища. Северо-восточный край линии укреплений обрывается в овраг, а юго-восточный выходит на кромку террасы. Вдоль кромки террасы вал не прослеживается. Максимальные размеры внутренней площадки городища с ЮЗ на СВ — 46-48 м, а с СЗ на ЮВ — 42-44 м. Площадь городища Городок составляет около 2000 кв. м. Максимальная высота вала над внутренней площадкой городища 0,6-0,7 м. С напольной стороны перед рвом фиксируются участки повышения рельефа, иногда выходящие на уровень гребня вала. Вероятнее всего, это выброс грунта при подновлении рва.

Вал городища, повторяя конфигурацию рва, имеет в напольную сторону несколько тупоугольных выступов со срезанной вершиной — реданов (иногда ошибочно называемых бастионами). Для удобства дальнейшего описания мы присвоили реданам порядковые номера. Редан-1 устроен на северо-восточном краю вала. Его вершина находится в 14-15 м от края оврага. Редан-1 в плане имеет форму близкую к равнобедренной трапеции, широким основанием внутрь городища. Он выступает за линию вала (условно намечаемую по его гребню) на 2-3 м. Высота гребня вала на

¹⁰ Ширин Ю.В. Опыт музеефикации средневекового городища Притомья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 34-37.

редане-1 относительно внутренней площадки городища не превышала 0,7 м. Редан-1 со стороны внутренней площадки имеет ширину 8 м. На его северной кромке растут березы. Редан-2 с внутренней стороны имеет ширину 9 м. Это самый крупный из реданов городища Городок. Центральное и угловое положение редана-2 в системе укреплений городища отразилось на более сложной его конфигурации, чем у остальных реданов, что особенно хорошо фиксируется по очертаниям рва. Контур рва перед реданом-2 показывает, что последний, видимо, имел не три, а четыре грани. То есть, редан-2 по своим фортификационным особенностям более напоминает полубастион. После редана-2 линия вала меняет свое направление с СВ-ЮЗ на С-Ю. Редан-3 с внутренней стороны имеет ширину 5 м. После редана-3 линия вала меняет направление с С-Ю на СЗ-ЮВ.

Редан-4 выделен условно, так как фиксируется только первая после прямой линии вала грань выступа.

Во рву есть две перемычки (с З и Ю) для прохода с напольной стороны на городище. Одна из них (западная) расположена посередине между первым и вторым реданами. Ее ширина около 0,7 м. Данной перемычке во рву соответствует разрыв-понижение вала. В дни работ на городище (9 июля) было отмечено, что солнце садится за линию горизонта в створе с этим разрывом вала (азимут 300°). Вторая перемычка (южная), шириной 0,6 м, примыкает к южной грани третьего редана. Ее необычное расположение и отсутствие соответствующего прохода в валу позволяют предположить, что данная перемычка возникла позже разрушения городища. Но не исключено, что эта перемычка была оставлена намеренно, закрывая устье открытого в сторону склона террасы участка рва, для предотвращения его размывания дождевыми потоками.

Рельеф внутренней площадки городища неровный. Много ям и бугров неясной конфигурации. Вопреки наблюдениям У.Э. Эрдниева, нам не удалось зафиксировать выраженные жилищные западины (24 ямы — по У.Э. Эрдниеву). Более того, мы пришли к выводу, что с жилыми объектами следует связывать холмообразные возвышения на площади городища. Но и они не имеют правильных очертаний. Подсчет их весьма субъективен. Видимо, их не более 13. Часть мелких слабовыраженных западин небольшой площади, примыкающих к жилищам, оказалась следами хозяйственных полуземлянок. На внутренней площадке городища отмечены относительно свежие ямы. Некоторые из них очень крупные и глубокие (3х3х1 м). Возможно, это шурфы Рингса. Много мелких шурфов (0,5х0,5 м), сделанных в 1950-60 гг., выявлено после расчистки территории памятника от зарослей кустарника и после того как примялась лесная подстилка.

Перед началом раскопок была произведена инструментальная съемка плана городища Городок в масштабе 1:500. Для более подробной фиксации особенностей рельефа памятника сечение горизонталей сделано через 10 см. Площадь памятника была разбита на квадраты 2х2 м (сетка квадратов несколько шире искусственных и естественных границ городища). С востока на запад линии квадратов были обозначены буквами русского алфавита (при их нехватке последующие линии будут обозначаться буквами латинского алфавита, начиная с конца), с севера на юг — арабскими цифрами. Замеры уровней рельефа делались по углам квадратов относительно постоянного условного репера (R=0), установленного в центральной части городища в юго-восточном углу кв. Ф-17. На участках, подвергающихся раскопкам, проводилась микроподъемка по сетке квадратов 1х1 м и 0,5х0,5 м, с сечением через 5-10 см.

Намечая частичное или полное исследование того или иного объекта городища, мы ориентировались на известный опыт исследования аналогичных археологических памятников Западной Сибири. Позднее, нарабатывая опыт и анализируя результаты, полученные на каждом из вновь отработанных участков, мы корректировали методику раскопок. Кроме особо тщательного исследования культурного слоя нам приходилось учитывать потребности реконструкции исследуемых объектов и их музеефикации.

Исследования производились последовательными раскопами, включающими отдельные объекты и основные конструктивные участки фортификационной линии. В настоящее время 9 раскопов слились в единый раскоп общей площадью около 500 кв. м. После удаления дерна грунт снимался пластами по 15 см с последующей зачисткой поверхности раскопа. Грунт снимался до уровня глинистой супеси, чтобы выявить все возможные ямы и столбовые конструкции. Наблюдение и фиксация стратиграфии памятника проводились по профилям стенок и бровок, которые оставлялись в среднем через 4 м с С на Ю и с З на В. На планах фиксировались все выявляемые объекты (отдельные находки, фрагменты керамики, шлаки, кости, кусочки обугленных деревянных конструкций, прокаленная почва), замерялся их уровень залегания от единого $R=0$. Особое внимание уделялось выявлению и фиксации *in situ* древесных углей. Отмечалась не только их глубина, но и углы залегания.

Для уточнения характеристик фортификационных сооружений еще в 1997 г. был сделан разрез через вал и ров. Тогда мы разбили раскоп-1 1x13 м (Рис. 3, А), в 1 м к С от западного прохода. Полученный разрез позволил определить первоначальную глубину рва, но ограниченная ширина раскопа-1 не позволила, опираясь на планиграфию обугленных остатков деревянных частей укрепления, предложить его убедительную реконструкцию. Для получения дополнительных планиграфических наблюдений и выявления конструктивных элементов «вала», были проведены его раскопки широкими площадями.

Был исследован западный разрыв в валу городища. Обстоятельства работы были таковы, что решать задачу выявления конструктивных элементов входного узла было необходимо при минимальном объеме земляных работ. Уже определив, что основные конструктивные элементы вала залегают на его внутренней половине, мы соответственно и разбили площадь раскопа-5. Он был сориентирован вдоль линии вала, то есть с ЮЗ на СВ. Северо-западная стенка раскопа-5 проходила по гребню вала, пересекая разрыв прохода поперек (здесь была оставлена бровка). Вдоль прохода, на СЗ была сделана прирезка с оставлением бровки поперек перемычки во рву, то есть под некоторым углом к сетке раскопа.

На северо-восточном участке укреплений был исследован редан-1. На его площади был разбит раскоп-6. Редан-1 не удалось вписать в рамки прямоугольного раскопа, так как на его северной кромке росли березы. Их мощная корневая система не позволила вскрыть внешнюю часть вала. Северную часть раскопа-6 пришлось, как и в раскопе-5, разметить по линии вала с ЮЗ на СВ.

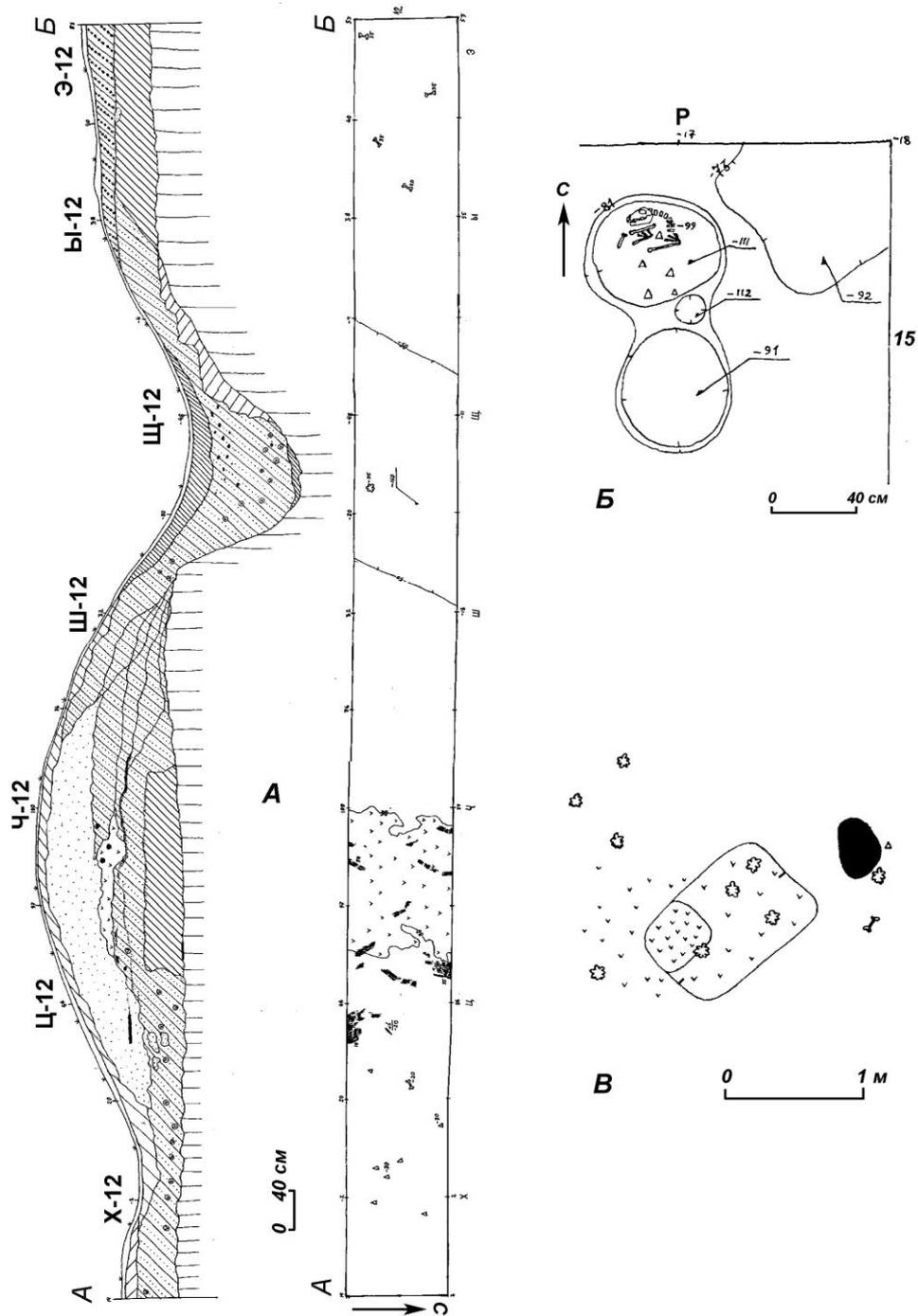

Рис. 3. Городище Городок.

А — раскоп-1 и профиль его южной стенки (разрез через вал и ров);

Б — жертвенный комплекс в кв. Р-15;

В — металлургический комплекс в кв. Ф-14, У-14.

При исследовании редана-1, так же как и в прочих случаях при раскопках остатков деревоземляных укреплений, основное внимание уделялось выявлению и точной фиксации обугленных конструктивных элементов и стратиграфических особенностей, выявляемых в толще культурного слоя объектов.

Кроме элементов фортификации было решено исследовать несколько жилищ на внутренней площадке городища. Для раскопок было выбрано два возвышения — одно на центральном участке городища (раскоп-4, жилище-1), другое на периферийном (раскоп-8, жилище-2). Микропопсыевка площади раскопов и мест предполагаемого временного размещения отвалов отработанного грунта позволила выявить некоторые конструктивные особенности остатков жилищ, которые не фиксируются иначе. Через центр жилищ для фиксации стратиграфических особенностей были оставлены бровки шириной 20 см.

Раскопы 2, 7 и 9 были заложены на межжилищном пространстве в центральной части городища. В этих раскопах бровки размечались через каждые 4-6 м, крест-накрест. Основными задачами, которые решались в ходе работ на данных участках, были: полное исследование внутренней площади городища напротив западного входа для включения в реконструируемую часть; выявление возможных опорных конструкций деревянного заплота или хозяйственных построек, примыкающих к стене, а также хозяйственных ям и объектов на межжилищном пространстве.

После окончания исследований на площади раскопов они рекультивировались, с сохранением выявленной исходной глубины рва и фиксацией опорных точек в планиграфии выявляемых построек, для удобства дальнейшей их реконструкции.

Линия фортификации

Ров к СВ от прохода был исследован до редана-1 двумя поперечными раскопами (раскоп-1 и 3), а к ЮЗ расчищен от заполнения до редана-2. До раскопок ширина рва была 2,5-3 м, а глубина от уровня напольной площадки — 0,6-1,2 м. Поверхность равномерно, но не плотно задернована. В ходе сооружения и подновления рва выброс грунта производился в напольную сторону, отчего с напольной стороны образовался пологий гребень высотой до 0,6 м. Стратиграфия заполнения рва прослежена по нескольким разрезам (Рис. 3, А). В заполнении рва на дне прослежена темная илистая прослойка, свидетельствующая о затоплении рва тальми водами, выше отмечены кусочки углей и прокаленной почвы. Здесь же найдены единичные куски железного шлака, керамики (Рис. 4, 9) и кости животных. Но особенно много костей было в выбросе с напольной стороны. Стратиграфия этого выброса позволяет предполагать, что ров подновлялся всего один раз.

С напольной стороны, от уровня погребенной выбросом из рва почвы, его глубина достигала на расчищенных участках 1,4-2,5 м, а ширина 3-3,5 м. Более крутым был контрэскарп — стенка рва противоположная напольной стороне. Между рвом и валом была берма шириной до 1 м — площадка, препятствующая заполнению рва оплывающим грунтом вала.

Вал. Его ширина достигала 5 м, а высота от уровня внутренней площадки — 0,9 м. В ходе разборки вала в его толще ближе к осевой линии, встречались прослойки древесных углей и обугленные остатки от плах (полубревен), преимущественно лежащих параллельно валу. Плахи имели ширину не менее 30 см. Ядро вала прокалено. Причем прогрев вала происходил с внутренней части городища, в результате горения некой конструкции, которая подпирала земляную часть вала. Прокаленная

насыпь вала сохранила слепки сгоревшего мусора, который был погребен землей. Это были сосновые ветки, хвоя и шишки.

Верхняя часть вала состояла из песчаного материкового грунта, который при разрушении вала оплыл преимущественно в сторону внутренней площадки городища. На оси вала через 1-2 м выявлены основания вертикальных столбов. Под валом на полосе шириной 3,2 м прослежена погребенная почва, без каких-либо культурных остатков.

На предвходовых участках вала лучше, чем в других исследованных частях фортификационной линии городища, сохранились и были зафиксированы деревянные элементы в конструкции стены. Особенно хорошо они сохранились к ЮЗ от прохода. Здесь была выявлена линия из 4 последовательно вкопанных столбов. Верхние торцы сгоревших столбов и части горизонтальных плах заплота расчищены на древнем уровне обитания. Прослежены и отпечатки плах заплота в прокаленном грунте вала. Судя по этим отпечаткам, полубревна были уложены расколотой частью к внешней земляной обваловке. Столбы были сосновыми. Их толщина не превышала 20 см. Уровень заглубления оснований столбов от уровня погребенной почвы был различный: одни из них закопаны на глубину -47-48 см, другие на глубину -21-22 см, а один из столбов был закопан на глубину -68 см. Все столбы зафиксированы склоненными во внутрь городища под сходными углами так, будто данный участок стены рухнул одновременно. Нижние части столбов не обуглены. К СВ от прохода также выявлены опорные столбы заплота на расстоянии около 2 м друг от друга.

Между юго-западным столбом внутренних ворот и следующим столбом в юго-западном направлении кроме горизонтальных плах, идущих вдоль линии столбов, прослежены две плахи перпендикулярные стене. Одна из этих плах являлась продолжением плахи из обшивки прохода. Сходные обугленные элементы деревянной конструкции были расчищены и к СВ от прохода. Судя по расположению кусков обугленной древесины, это были остатки обшивки заплота и уложенного перпендикулярно к ней на древней поверхности обитания полубревна от опоры настила, которое, в свою очередь, лежало на коротких поперечных бревнышках. Никаких столбовых конструкций для подпорки заплота с его внутренней стороны не выявлено.

Рядом с опорной плахой настила, у юго-западного столба прохода, на древней поверхности обитания расчищен слой обугленной бересты на площади 25х40 см. Под берестой лежали фрагменты челюсти лошади. Немного южнее выкопана яма неправильных очертаний, вытянутая с В на З. К востоку от этой ямы найдено скопление костей и обломки керамики. Кости были и в заполнении ямы. Среди них отмечены кости лошади, овцы и резец бобра. Дно ямы неровное. Оно углубляется в западном направлении, его максимальная глубина от уровня погребенной почвы составляет -75 см. Вдоль ямы, от края по ее стенке и дну стелятся угли от сгоревших длинных узких плашек. Яма возникла ранее строительства фортификационной линии. Об этом говорит тот факт, что один из столбов заплота прорезает заполнение и углублен ниже уровня ее дна. Доисследовать яму под линией внешней насыпи вала мешали пни двух крупных берез. Керамика, найденная возле ямы, сходна с керамикой из других частей городища.

Проход западный. После снятия дерна в проходе с внутренней стороны вала расчищено скопление галечника средних размеров. Еще несколько камней найдено с внешней стороны вала у самой перемычки через ров. На участке прохода не наблюдалась прокаленность грунта, характерная для внутренней части вала. Эта особен-

ность стратиграфии зафиксирована на бровке, оставленной поперек прохода. Вероятно, данный факт связан с отсутствием в момент пожара деревянных конструкций, преграждающих проход.

От столбов внутренней части прохода сохранился юго-западный столб, от северо-западного воротного столба удалось выявить только яму. Нижний торец юго-западного столба и дно северо-восточной ямы находились на одном уровне. Расстояние между воротными столбами не превышало 1,5 м. Юго-западный воротный столб со стороны, обращенной к северо-западному воротному столбу, был наполовину стесан, видимо, чтобы увеличить ширину прохода. От внутренних воротных столбов вдоль прохода фиксировались сгоревшие горизонтальные плахи, которые препятствовали осыпанию земляной стены. С внешней стороны вала на расстоянии 1-1,3 м от столбов внутренних ворот отмечены сгоревшие столбики меньшего диаметра (10-15 см), которые закрепляли горизонтальные плахи обшивки прохода.

Судя по стратиграфии бровки, размеченной поперек перемычки прохода через ров, она была оставлена при выкапывании рва, а не насыпана позднее. Тем не менее эта материковая перемычка, видимо, была немного расширена подсыпкой. Для закрепления насыпного грунта мог быть устроен крепеж из полубревен, уложенных вдоль прохода. Впрочем, следов такого крепления не прослежено.

Редан-1. Сразу после снятия дерна на северном фланге редана-1 было выявлено скопление галечника аналогичное тому, которое было исследовано на входном узле городища. Еще два скопления камней различных размеров было расчищено в центральной части редана-1. Часть из них оползла внутрь него. Эти камни могли располагаться на гребне стены для использования против нападающих.

Обугленные конструктивные элементы в ходе разборки вала редана-1 располагались на разных уровнях, но все они залегали горизонтально и образовывали контур прямоугольного сооружения 3,5х3,5 м, вероятно, сруба, открытого во внутрь городища. Не встречено ни одного вертикально заглубленного столбового элемента, кроме столбов от заплота, который подходил с севера к северному углу редана-1. Характер сочленения северного участка стены и редана-1 не совсем ясен, так как из-за березовых пней не удалось полностью вскрыть этот участок.

Стратиграфия вала редана-1 аналогична прочим участкам. Четко выделяется песчаное ядро, оплывающее вовнутрь или наружу, в местах интенсивного подземного горения деревянных конструкций грунт прокален до оранжевого цвета и кирпичной твердости. Под гребнем вала выявлена полоса неперекопанного грунта с погребенной прослойкой мусора, который обуглился в ходе горения стены. При зачистке материка на площади, занятой реданом-1, не выявлено ни одной столбовой или иной ямы.

Внутри редана-1 не было найдено ни одного фрагмента керамики. Только в северном углу на уровне обитания найдены фрагменты нижней челюсти лошади и еще несколько костей. Возможно, внутри редана-1 был легкий настил.

Напольная часть. Для разработки в проекте музеефикации городища Городок зон охраны необходимо было определить площадь распространения культурного слоя на напольной части этого памятника. Следовало проверить, нет ли в непосредственном соседстве с городищем поселенческой площадки, а также невыраженных в рельефе местности остатков дополнительных линий фортификации. Напольная часть исследовалась на нескольких участках.

В 60 м к ЮЗ от городища в 6 м от края террасы была заложена разведочная траншея-А 1,5х8 м. Она была размечена с Э на В. На восточном участке траншеи-А

на уровне 35-40 см от современной поверхности найден неорнаментированный фрагмент керамики и кусочек железного шлака.

Еще одна траншея-В 1,5х12 м была заложена в 20 м к СЗ от городища. Она была размечена на ровной площадке в 15 м от оврага с СЗ на ЮВ, поперек предполагаемому направлению возможного дополнительного рва. На уровне -25 см от современной поверхности в крайнем западном квадрате траншеи-В был найден первый шейный позвонок лошади. Культурный слой на вскрытом траншеей-В участке не насыщен и практически не прослежен. Предполагаемый дополнительный ров не выявлен.

Более подробная характеристика получена для напольной площадки перед входом на городище, куда были продолжены раскопы-1, 3 и 5, размеченные поперек рва. Сразу после снятия дерна здесь стали встречаться обломки костей животных. Они залежали скоплениями. Среди костей встречались мелкие обломки керамики аналогичной той, что найдена на внутренней площадке городища. Глубина залегания культурного слоя в напольной части не превышала 30 см от современной поверхности. Видимо, на напольную сторону выносился бытовой мусор (преимущественно кости, зола, шлак). Скопление мусора прослеживается в виде заметного возвышения перед входом на городище.

Проведенные рекогносцировочные раскопки позволяют расширить зону охраны городища Городок вдоль оврага к СЗ от видимых фортификационных сооружений на 30 м, а вдоль террасы к ЮЗ на 70 м.

Жилищно-производственные объекты

Жилища наземные. Судя по микрофотоъемке, проведенной в раскопе-4 (Рис. 14, Б), жилище-1 в плане имело подквадратную форму, стены были ориентированы по сторонам света, а вход располагался с восточной стороны. В центре жилища-1 фиксируется яма от шурфа 80х80 см. В этой яме отдыхающие из соседней турбазы неоднократно разводили костер. Очаг в центре жилища-1 оказался разрушен этим шурфом. От очага сохранилась лишь северная кромка. Очаг мог иметь овальную форму с длинной осью, ориентированной с ЮЗ на СВ. Дно наземного очага было покрыто зольно-глинистой обмазкой толщиной 3-4 см. Прокал грунта под этой обмазкой имел мощность до 5-7 см. Вероятно, дно очага было немного углублено относительно уровня пола.

Следы деревянных конструкций жилища-1 прослежены в виде небольших фрагментов обугленных плашек. Все они расчищены в северной половине по контуру стен жилища-1 и, видимо, представляют собой обугленные торцы плах и полубревен, установленных наклонно с опорой на жесткий каркас жилища. Наклон прослежен на двух фрагментах обугленных плах. Каркас, судя по отсутствию столбовых ям, был установлен на ровной площадке, без заглубления. Отсутствие углей на большей площади жилища-1 можно объяснить тем, что в результате пожара, возникшего в северной части жилища-1, несущая рама потеряла жесткость и рухнула под тяжестью земляной обваловки. Огонь не распространился далее, и конструкция сгнила, не оставив следа.

Уровень пола в жилище-1 фиксировался по прослойкам углей у стен, по уровню очага и максимальной глубине отдельных находок. Более темная прослойка утоптанного грунта на уровне пола не прослеживалась. На полу вокруг очага мог быть какой-то легкий съемный настил. В юго-западном углу жилища-1 на уровне пола прослежена углистая прослойка. В юго-восточном углу жилища-1 выявлена хозяйствен-

ная яма. Она имела подпрямоугольную форму и размер 70x58 см, дно отмечено на уровне -110 см. Собственно, первоначально были вскрыты два крупных камня, которые находились в этой яме. Верхняя плоскость самого крупного из них вскрыта на уровне -67 см. Это был кубообразный обломок прочной породы 21x19x18 см с несколькими плоскостями со следами использования под наковальню (Рис. 9, 3). В ходе расчистки этого камня был найден второй — плоская абразивная плитка 19x13x3 см со следами заточки на противоположных плоскостях (Рис. 9, 1). Кроме этого на дне ямы-2 была найдена тазовая кость (овцы?), которая, вероятно, использовалась как землеройный инструмент. Развалов глиняных сосудов внутри жилища-1 не обнаружено. Мелкие фрагменты керамики, встреченные на площади жилища-1, залегали значительно выше уровня пола и могли быть связаны с разрушенной обваловкой стен.

Вне предполагаемых контуров жилища-1 вдоль его южной стенки и у северо-западного угла в культурном слое были выявлены площадки наибольшего скопления расколотых костей, обломков керамики и золы. Как оказалось, этот бытовой мусор скапливался в понижениях грунта (ямах и ровиках), образовавшегося при сооружении земляной обваловки жилища-1. Яма у южной стенки 100x70 см имела относительно ровное дно на уровне -120 см. Кости и зольное заполнение ямы залегало значительно выше уровня дна. То есть первоначально яма частично заплыла чистым грунтом. Значительно позднее в это углубление стали сваливать бытовой мусор и золу из очага. Фрагменты керамики в яме практически отсутствуют. Среди костей преобладают мелкие осколки. Из определимых костей отмечены только кости лошади. В яме у северо-западного угла (100x56 см) дно отмечено на уровне -111 см. В заполнении этой ямы встречены древесные угли и колотые кости животных.

Еще одно жилище на внутренней площадке городища было исследовано на периферийном участке, ближе к краю террасы (раскоп-8, жилище-2). Как подтвердилось в ходе раскопок жилища-1, в рельефе внутренней площадки городища выделяется земляная обваловка наземных деревянных конструкций жилищ. Такая же обваловка отмечена и на жилище-2. У его восточного угла в современном рельефе отмечена обширная яма. Жилище-2 в плане могло иметь подпрямоугольную форму. Углы его были ориентированы по сторонам света. С какой стороны располагался вход, точно сказать нельзя. Вероятно, он был обращен в сторону реки — на восток, юго-восток. Следы деревянных конструкций жилища-2 прослежены в виде небольших фрагментов обугленных плашек. Они расчищены в северной половине по контуру стен жилища-2 и, видимо, представляют собой обугленные торцы плах и полубревен, установленных вертикально с опорой на жесткий каркас жилища. Наклон стен прослежен на фрагментах обугленных плах.

Очаг в центре жилища-2 был открытым, земляной, неправильно-округлой формы, диаметром около 60 см. Вероятно, дно очага было немного углублено, как и в жилище-1. В очаге, в скоплении золы найдено несколько фрагментов керамики. Мощность прокала линзы очага достигала 15 см. Уровень пола в жилище-2 фиксировался по прослойкам углей у стен, по уровню очага и максимальной глубине отдельных находок. Более темная прослойка утоптанного грунта на уровне пола отмечена в профиле бровки. На полу вокруг очага мог быть какой-то легкий съемный настил. Внутри контура жилища-2 находок на уровне пола практически не было. Фрагменты керамики залегали несколько выше пола, и попали внутрь контура жилища-2, видимо, с поверхности ее обрушившейся обваловки. На полу жилища-2

вдоль стен были обнаружены отдельные предметы, которые, вероятно, были утеряны: железная ложка (Рис. 13, 1), сердоликовая бусина (Рис. 13, 5) и неудавшаяся отливка бронзовой серьги с неотломленной литниковой шишкой (от формы изделия сохранилось тонкое полукольцо с мелким шариком-утолщением) (Рис. 13, 2). Железная ложка имеет короткую ручку с круглым в сечении черешком и плоско раскопанным кончиком. Черпак плоский, овальной формы. Ручка по отношению к плоскости черпака загнута под тупым углом. Сердоликовая бусина имеет бипирамидальную 14-гранную форму. Сквозной канал бусины просверлен с двух сторон.

Возможно, с СЗ к жилищу-2 была сделана пристройка, от которой прослежен открытый наземный очаг и обугленные фрагменты стены. Вокруг жилища-2 располагались ямы и ровики, образованные в результате устройства земляной обваловки. В них, как и в прочих ямах на территории городища, скапливался бытовой мусор. В ровике к ЮЗ от жилища-2 найден кованый железный стержень (16,8x1,9x0,4 см) с петлей на одном конце. Противоположный конец пластины был расклепан и имел отверстие (Рис. 13, 14), по которому и обломился. Видимо, это рукоять кузнечных клещей или подобного шарнирного инструмента. У восточной стенки жилища-2, снаружи, найдена наковальня из гранитного валуна размером 35x33x15 см.

Полуземлянки. В раскопе-7, к востоку от редана-2, исследована полуземлянка-А. Визуально на ее месте в кв. X-18, Ф-18 фиксировалась западина диаметром до 3,5 м и глубиной до 0,4 м. В ходе дальнейших работ выяснилось, что данная западина соотносится с полуземлянкой хозяйственного назначения. Контур пятна заполнения полуземлянки был выявлен на уровне материка. При этом более четким был западный участок периметра, а северо-восточный его край был размыт. Последнее могло быть связано с тем, что в эту сторону наблюдалось постепенное повышение уровня пола, видимо, в сторону выхода. Примерный размер котлована полуземлянки-А с учетом того, что он немного оплыл, может быть определен в пределах 3x2,5 м. В верхней части заполнения котлована полуземлянки-А расчищена крупная наковальня из гранитного валуна 36x32x14 см. Наковальня лежала на 14 см выше уровня пола. Вероятно, она скатилась в котлован полуземлянки после разрушения постройки. Уровень пола полуземлянки-А был неровный. В западном углу полуземлянки зафиксировано углубление подпрямоугольных очертаний 1,4-1,2 м, ниже среднего уровня пола на 5-6 см (-87 см от современной поверхности). В ходе расчистки полуземлянки-А в ее северо-восточной части на уровне пола найден развал крупного глиняного сосуда, орнаментированного по обрезу венчика пальцевыми вдавлениями, в зоне шейки ямками, а по плечу — редкими вертикальными насечками (Рис. 4, 21).

Здесь же лежали обломки точил, терочников и отрубленный зубилом пруток железа 5,7x0,9x0,7 см (Рис. 13, 7). В центральной части полуземлянки-А расчищены остатки от железоплавильной печи в виде пятна прокаленного грунта сложных очертаний. Пятно прокала на уровне пола имело округлые контуры диаметром до 42 см. Вокруг пятна были собраны многочисленные железные шлаки (Рис. 10, 3) и обломки ошлакованных глиняных конструкций от верхней части железоплавильной печи. На некоторых из них отмечены отверстия для дутья диаметром 1,5-2 см, на 2 см выше уплощенного обреза основания (Рис. 10, 2, 4, 5). Дно ямы железоплавильной печи заглублено от уровня пола на -40 см. С южной и северо-восточной сторон к яме печи были прокопаны канавки, которые могли использоваться для выпуска жидкого шлака.

Еще одна подобная полуземлянка-Б выявлена к западу от жилища-1. Но она пока не исследована. Раскоп-7 только срезал ее северную стенку. В рельефе здесь видна западина (3х2х0,3 м). Дно полуземлянки-Б зафиксировано в профиле стенки раскопа по углистой прослойке с вкраплениями железного шлака, на уровне -72 см от современной поверхности. Скорее всего, внутри этой полуземлянки также проводилась варка железа. Видимо, из этой полуземлянки происходят и обломки глиняных конструктивных элементов железоплавильной печи, а также блюдцеобразные железные шлаки, которые найдены вдоль западной стенки жилища-1, как бы оконтуривая его с внешней стороны.

Кроме таких глубоких полуземлянок, приуроченных к грунтовым выемкам возле жилищ, в центральной части городища выявлен комплекс производственных полуземлянок с более высоким уровнем пола. Они слабо фиксировались в темном культурном слое. Предположительно, над ними были устроены каркасные постройки типа чума, легкие навесы. В одной из глубоких полуземлянок, где уровень пола залегал ниже суглинка и врезался в подстилающую материковую супесь, отмечено специальное предохранение железоплавильной печи от увлажнения грунтовыми водами. Гидроизоляция была устроена из кусков бересты. Судя по отверстиям, проколотым по кромке этих кусков, эта береста могла ранее служить для покрышек чума.

Железные шлаки на внутренней площадке городища встречаются повсеместно. Особенно много шлаков собрано в непосредственной близости от мест устройства железоплавильных печей, от которых найдены обломки верхней глиняной конструкции (Рис. 10) и ямки с прокаленной почвой (не менее 15 мест). Наиболее полный комплекс расчищен в кв. Ф-14, У-14. Здесь кусочки прокаленного грунта концентрировались на площади прямоугольника 115х75 см, вытянутого по линии ЮЗ-СВ. В его западном углу фиксировался максимальный проквал грунта в виде пятна 45х40 см (Рис. 3, В). Мощность прокала составляла 10 см. К Э и С от прокала встречено большое количество кусков железного шлака и обломки глиняных конструктивных элементов печи. В 40 см к СВ от прокала на том же уровне расчищена наковальня из гранитного валуна 37х25х18 см. На ее поверхности заметны следы, которые образовались от проковывания железных криц. Культурный слой вокруг этой наковальни был насыщен кусочками железной окалины. Еще один гранитный валун 37х25х14 см найден в 2,4 м к С от прокала в кв. Ф-13. Явных следовковки на этой наковальне не видно, но следы ржавчины заметны. Всего на исследованной площадке городища Городок найдено 7 каменных наковален. В нескольких местах на внутренней площадке городища встречались скопления обломков железной руды¹¹.

Вне контуров жилищ были найдены линзы прокалов не только на месте железоплавильных печей и кузнечных горнов. В некоторых очагах проводилась плавка бронзы и серебра. Такие открытые земляные очаги имели диаметр до 60 см, зольное заполнение и линзу прокала мощностью 10-15 см. Внутри заполнения очага в кв. М-19, к СВ от жилища-1, найден обломок ошлакованной стенки тигля. Другие обломки этого же тигля найдены рядом с очагом. Тигель имел форму слабопрофилированного стаканчика диаметром 4 см и высотой 6,5 см с толстым уплощенным дном (Рис. 7, 5). Еще несколько тиглей в обломках были найдены в кв. М-22 (Рис. 7, 4, 7), в кв.

¹¹ По определению канд. геолого-минералогич. наук Ю.С. Надлера, собранные на городище Городок образцы представляют собой части ствола окаменелого дерева, органическая часть которого полностью замещена сидеритом (FeCO_3), который, выветриваясь, окисляется до Fe_2O_3 , а это типичная руда для плавок железа.

М-21 (Рис. 7, 8), в кв. О-22 (Рис. 7, 1-3, 11). Мелкие кусочки тиглей встречались в разных частях городища. Большинство тиглей тонкостенные, в виде круглодонных стаканчиков, их диаметр меньше высоты (средний размер тигля — 3х4 см), только у одного толстостенного тигля диаметр немного превышал высоту (4х3,5 см) (Рис. 7, 7). Также только у одного тигля отмечен сливной носик (Рис. 7, 6). Часть тиглей имеет остекленевшие от высокого жара стенки или дно (Рис. 7, 1, 9, 11). Внутри тиглей отмечены следы расплавлявшегося металла. В трех тиглях отмечены капли серебра (Рис. 7, 7, 10, 11) в остальных есть зеленый налет окислов меди.

Участки межжилищного пространства исследованы в центральной части городища. По профилям стенок и бровок раскопов 2, 7 и 9 может быть дано описание обобщенной стратиграфии: дерн — 12-15 см; культурный слой — темная почва, с вкраплениями прокаленной почвы и древесных угольков — 25-30 см; материк — бурая почва — 25-40 см, переходящая в глинистую супесь. Уже при снятии дерна в его основании встречались колотые кости животных плохой сохранности. Первый пласт после снятия дерна соответствовал на всю толщину культурному слою. Он включал кости животных, древесный уголь, прокаленные кусочки почвы, железные шлаки, обломки керамики и отдельные предметы. При снятии второго пласта отмечена неравномерная толщина культурного слоя на площади раскопов. Относительная неровность межжилищного пространства может быть связана со снятием грунта на отдельных площадях для обваловки жилищ. В наиболее глубоких ямах скапливался бытовой мусор, фрагменты керамики, зола и шлаки.

«Жертвенные» комплексы

Группа пятен от нескольких ям проявилась на уровне материка в северо-восточном углу раскопа-2 (Рис. 3, Б). Одна из них — круглая с вертикальными стенками и ровным дном (68х56 см), уровень дна -111 см. При разборке бурого заполнения, на уровне -99 см, был расчищен череп, шейные позвонки и передние лапы крупной взрослой собаки. Среди костей и под ними, до уровня дна, встречались крупные и мелкие обломки не менее чем от двух лепных сосудов. Один из них — горшок с вывернутым наружу уплощенным срезом венчика, орнаментированным гладкими косыми насечками. Реконструируемый диаметр его устья — не менее 21 см. Под обрезом венчика, в зоне шейки, нанесены в ряд вертикальные гладкие насечки с нажимом на вершину (Рис. 5, 2). Другой сосуд — миска с диаметром устья не менее 30 см. Ее вывернутый наружу уплощенный срез венчика украшен гладкими косыми насечками, а в зоне шейки небрежно наколоты в ряд редкие оттиски несомкнутой трубочки (Рис. 4, 13). Обломки от этих же сосудов были найдены в 2-4 м к ЮЗ от ямы. Южнее ямы с собакой расчищена еще одна круглая яма с покатыми стенками и ровным дном (64х56 см), уровень дна -91 см. При выборке ее серо-бурого заполнения находок не было. Между этими крупными ямами выявлена яма диаметром 14 см от вертикально установленного столба. Уровень его заглубления -112 см. Исследованный комплекс, вероятнее всего, имел жертвенный характер.

В центральной части городища в квадратах на пересечении линий Р, П / 18, 19 на уровне материка выявлены полуобгоревшие корни сосны. Судя по отсутствию находок на этой площади, можно предположить, что данное дерево росло в период функционирования городища и сгорело во время его гибели. К северу от сгоревшего дерева располагалась яма, заполненная обломками керамики и костей. Возможно, сосна не случайно была оставлена строителями городища в центре его площадки. Она могла иметь некое культовое значение.

В кв. Н, М / 13, 14 расчищен комплекс, который также мог быть остатками неких ритуальных действий. Это была каменная выкладка диаметром более 1 м, которая, судя по прокаленности камней, могла использоваться для воскурений. Рядом с ней в небольшой ямке был найден глиняный сосуд (Рис. 4, 1), нижняя челюсть марала и его же затылочная кость.

Керамика городища Городок выглядит достаточно однородной по технологии изготовления и орнаментации. Основная масса ее представлена слабопрофилированными горшками и мисками (Рис. 4, 13, 15-18). Найден всего один сосуд баночной формы — уменьшенных размеров (объемом до 100 г). Всего собраны фрагменты не менее чем от 200 сосудов. Вся посуда лепная, толстостенная. Средняя толщина стенок 8-9 мм. Преобладают горшки объемом от 2-3 до 5 л, но найдено и несколько крупных горшков объемом от 11 до 22 л. За исключением мисок с широким уплощенным дном, практически все сосуды круглодонные. Фрагментов плоских дниц не найдено. Часть сосудов использовалась для приготовления пищи. На ней фиксируется нагар. Отмечены следы починки тарных сосудов скреплением трещин через просверленные отверстия. В нескольких случаях сосуды подвергли ремонту до обжига, залепив образовавшиеся в ходе просушки трещины куском глины. В результате был замазан орнамент по срезу венчика и образовалось утолщение в виде ушка (Рис. 4, 15).

Срез венчика большинства сосудов вывернут наружу и уплощен. Часто встречается и приглаженный наружу воротничок с округлым срезом венчика (Рис. 4, 17, 19, 20; 5, 11, 15, 16). По обрезу венчиков или их внешней кромке нанесены пальцевые вдавления, оттиски ногтя, гладкие насечки, реже оттиски гребенчатого штампа. Тулово у большинства сосудов без орнамента, лишь в зоне шейки обычны ямки или небрежные наколы разных форм: кольцевые, треугольные, двузубые или длинные вертикальные с нажимом на вершину. Встречено несколько сосудов с наколами, сгруппированными парами (Рис. 4, 6, 17; 5, 4) и по три в вершинах условного треугольника (Рис. 4, 14; 5, 11). Отмечен случай с орнаментом в зоне шейки в виде наколов, сгруппированных в подквадратную фигуру (Рис. 5, 14).

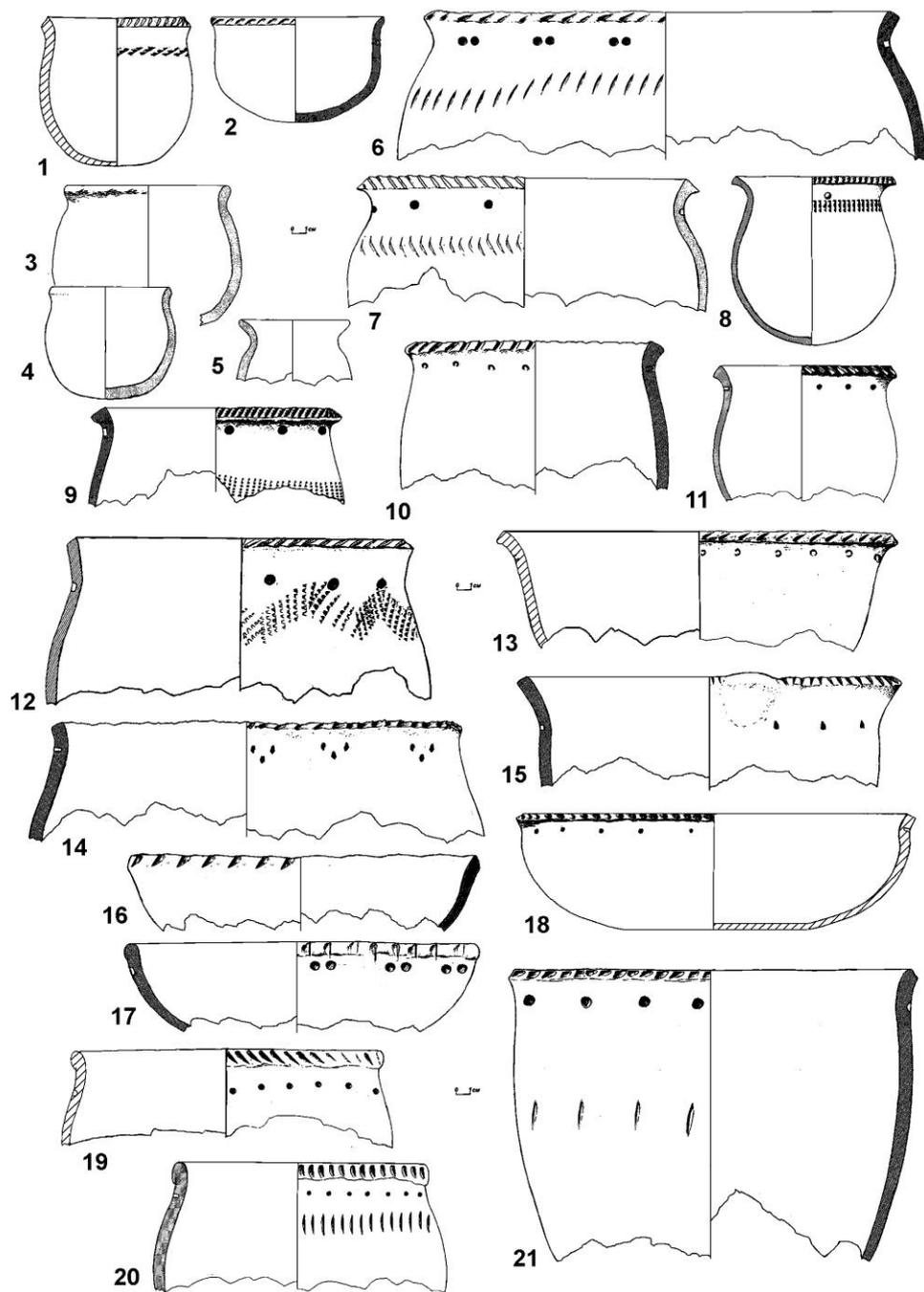

Рис. 4. Городище Городок. Керамика.

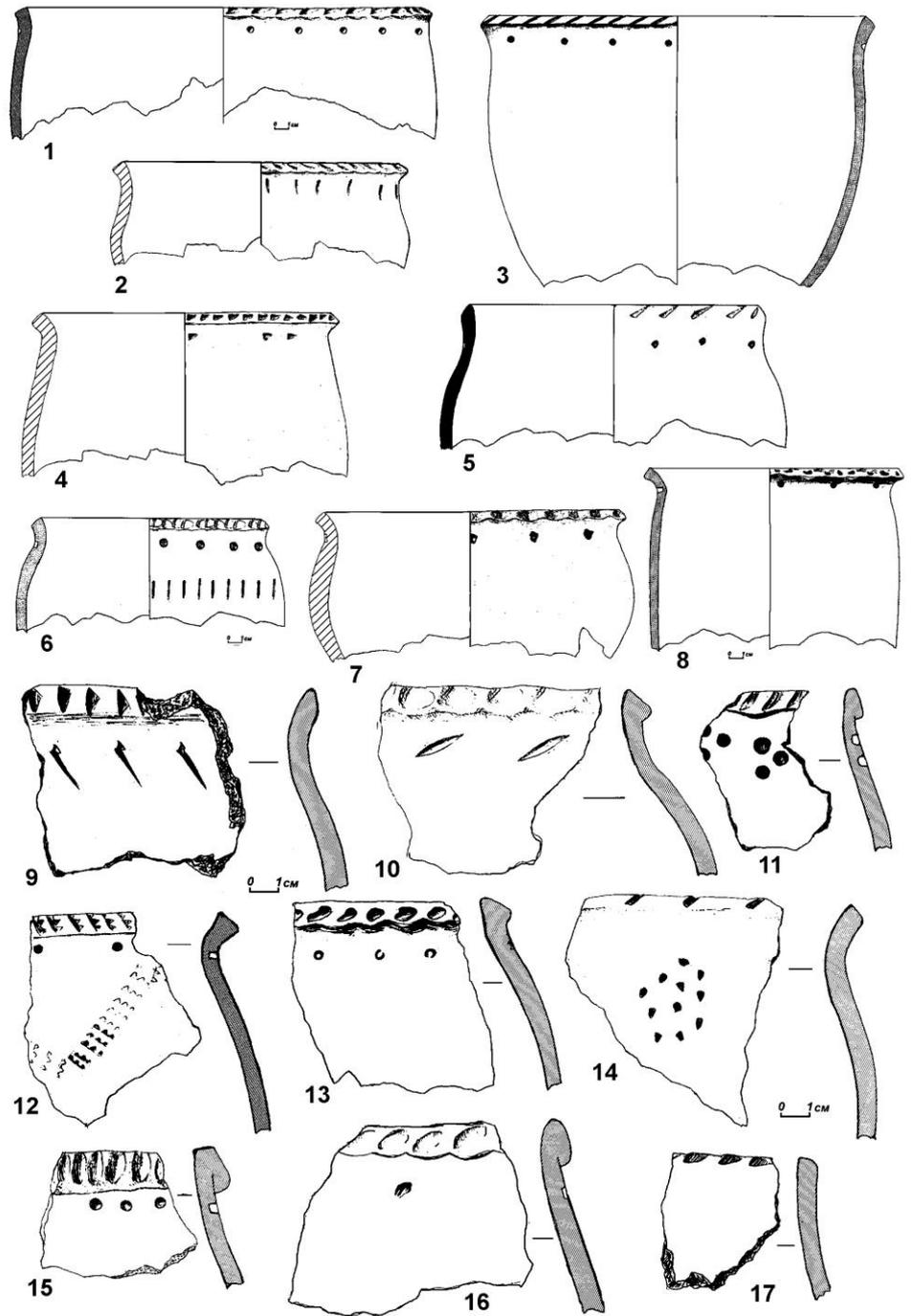

Рис. 5. Городище Городок. Керамика.

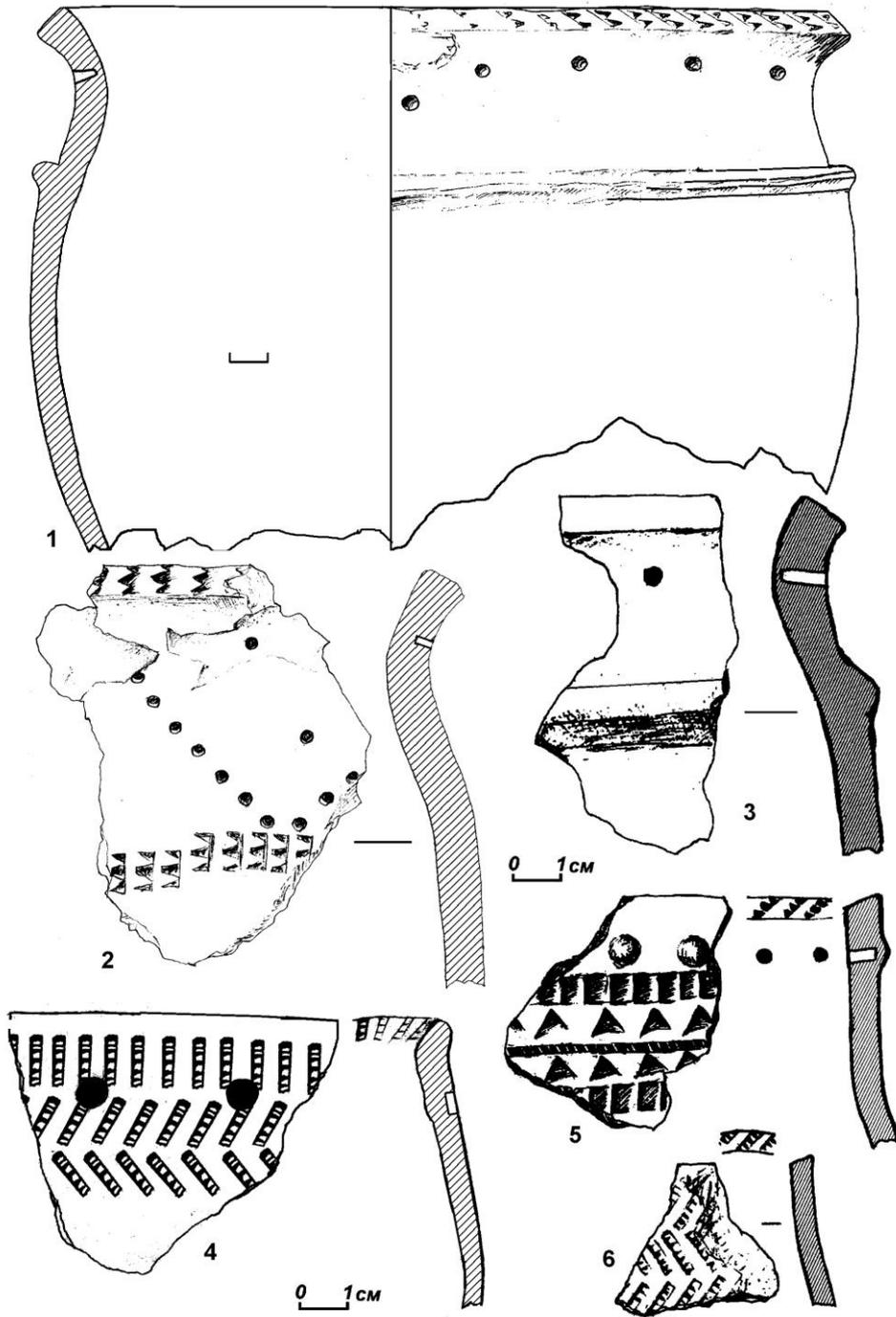

Рис. 6. Городище Городок. Керамика.

Керамическое тесто этого сосуда отличалось от основной массы керамики городища. Черепок был более плотный, отошитель имел более мелкие фракции. Встречено несколько неорнаментированных сосудов. Все они небольших размеров (от 0,1 до 0,8 л). У некоторых горшков в зоне плечика есть орнамент в виде вертикальных оттисков гладкого штампа (Рис. 5, 6), косых насечек (Рис. 4, 6, 7, 21) или ногтя. Редко встречаются сосуды (найлены фрагменты не более 25), орнаментированные оттисками гребенки (печатной или пильчатой). Вертикальными оттисками гребенки наносился узор в зоне плечика в виде горизонтальной или зигзагообразной ленты (Рис. 4, 1, 8, 9, 12; 5, 12; 9, 2). Даже визуально можно отметить корреляцию определенного стиля орнаментации с профилировкой сосуда, а также с тем или иным способом оформления венчика.

В керамическом материале городища Городок выделено несколько необычных по украшению и форме сосудов. В яме, расположенной к С от сгоревшей в центре городища сосны, найдены обломки горшка со сформованным по плечу толстым горизонтальным валиком (Рис. 6, 3). Фрагменты еще одного сосуда с таким же сформованным валиком найдены в соседних квадратах, к СВ от ямы. В отличие от первого сосуда, на котором не было орнамента, второй сосуд с валиком был украшен по обрезу венчика оттисками пильчатой трехзубой гребенки (Рис. 6, 1).

В кв. И-17, З-16 найдены фрагменты керамики, которая резко отличается от всего керамического материала городища Городок. Это был слабопрофилированный сосуд с короткой прямой шейкой, со скошенным вовнутрь обрезом венчика, украшенным оттисками гребенки. На шейке нанесен жемчужник и орнамент из горизонтальных оттисков узкой лопаточки и ее уголка, разделенных горизонтальным желобком гребенчатых оттисков (Рис. 6, 5). Еще один фрагмент от типологически сходного тонкостенного сосуда, со скошенным вовнутрь обрезом венчика, украшенным оттисками гребенки, имел орнамент из оттисков печатной гребенки в виде горизонтальной елочки (Рис. 6, 6). К этой же группе керамики следует отнести и небольшой сосуд баночной формы с оттисками ямок в зоне шейки и трех рядов гребенки (Рис. 6, 4).

Инвентарь, полученный в ходе раскопок на городище Городок, не отличался большим разнообразием. Кроме изделий, отмеченных при описании исследованных объектов, отдельные находки были сделаны на межжилищном пространстве.

Самую многочисленную категорию находок на городище Городок, после керамики, составляют изделия из камня. Все они обычно представлены обломками. Это были части точил из песчаника и сланца (Рис. 8, 1) скребки и обломки зернотерок из плит мелкозернистого песчаника (Рис. 8, 3, 4, 6). Найдены куранты из длинных массивных галек (Рис. 8, 2, 5; 9, 2). Достаточно часто встречались маленькие обломки агата, которые, судя по сбитым граням, использовались для высекания огня (Рис. 8, 7-9). Отмечено использование плиток каменного угля, которые, видимо, использовались как материал для разметки дерева или кожи. На этих плитках видны стертые узкие грани. Найдены и кусочки охры с затертыми плоскостями. Из плиток угля, песчаника и сланца изготавливались круглые плоские пряслища диаметром 3,5-6 см (Рис. 7, 12-17). Пряслища вытачивали здесь же, судя по находке каменной заготовки (Рис. 7, 19). Встречены пряслища, сделанные и из обломков керамики (Рис. 7, 18).

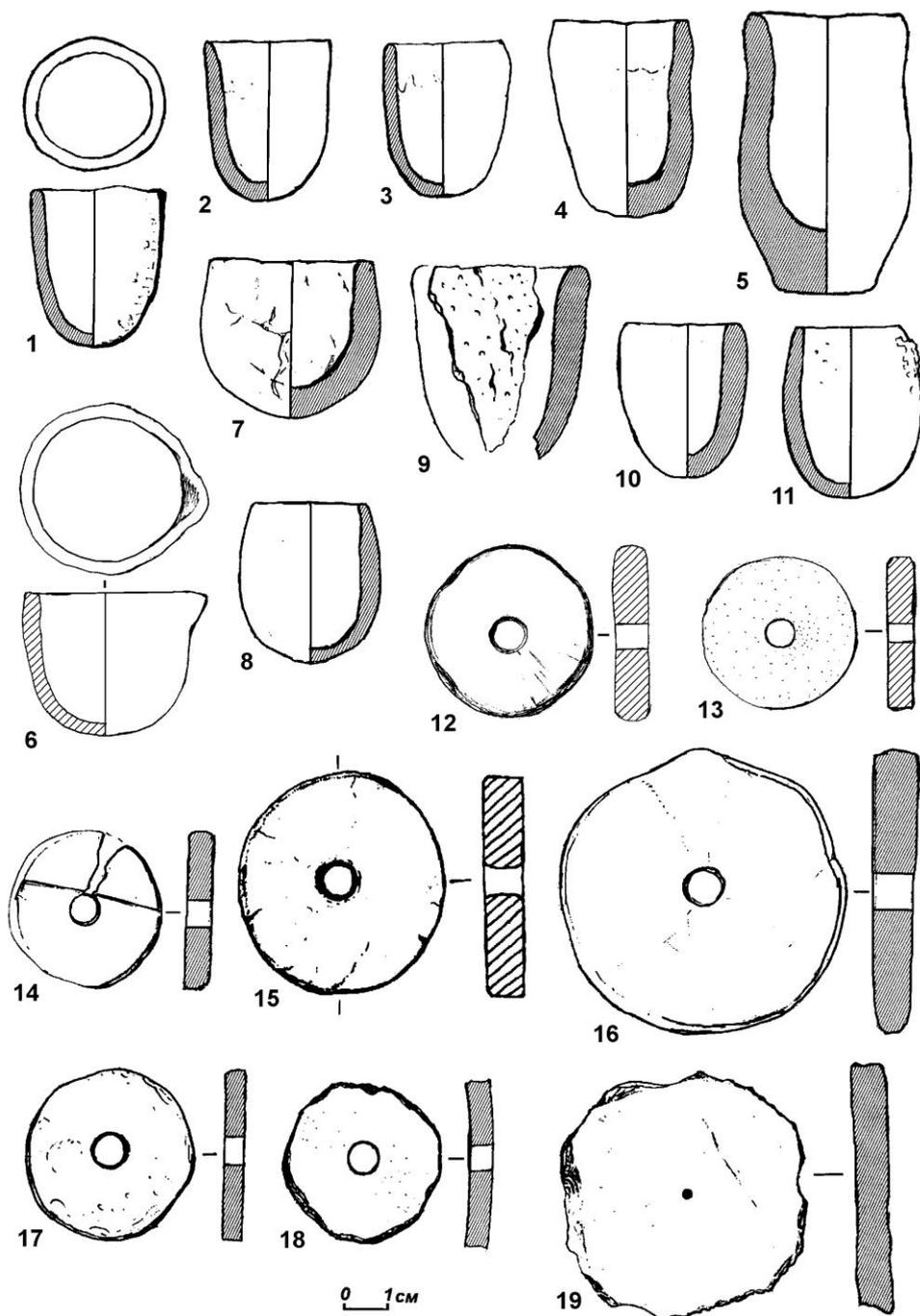

Рис. 7. Городище Городок. 1-11 — тигли; 12-18 — пряслица;
 19 — заготовка для изготовления пряслица.
 1-11, 18 — глина; остальное камень.

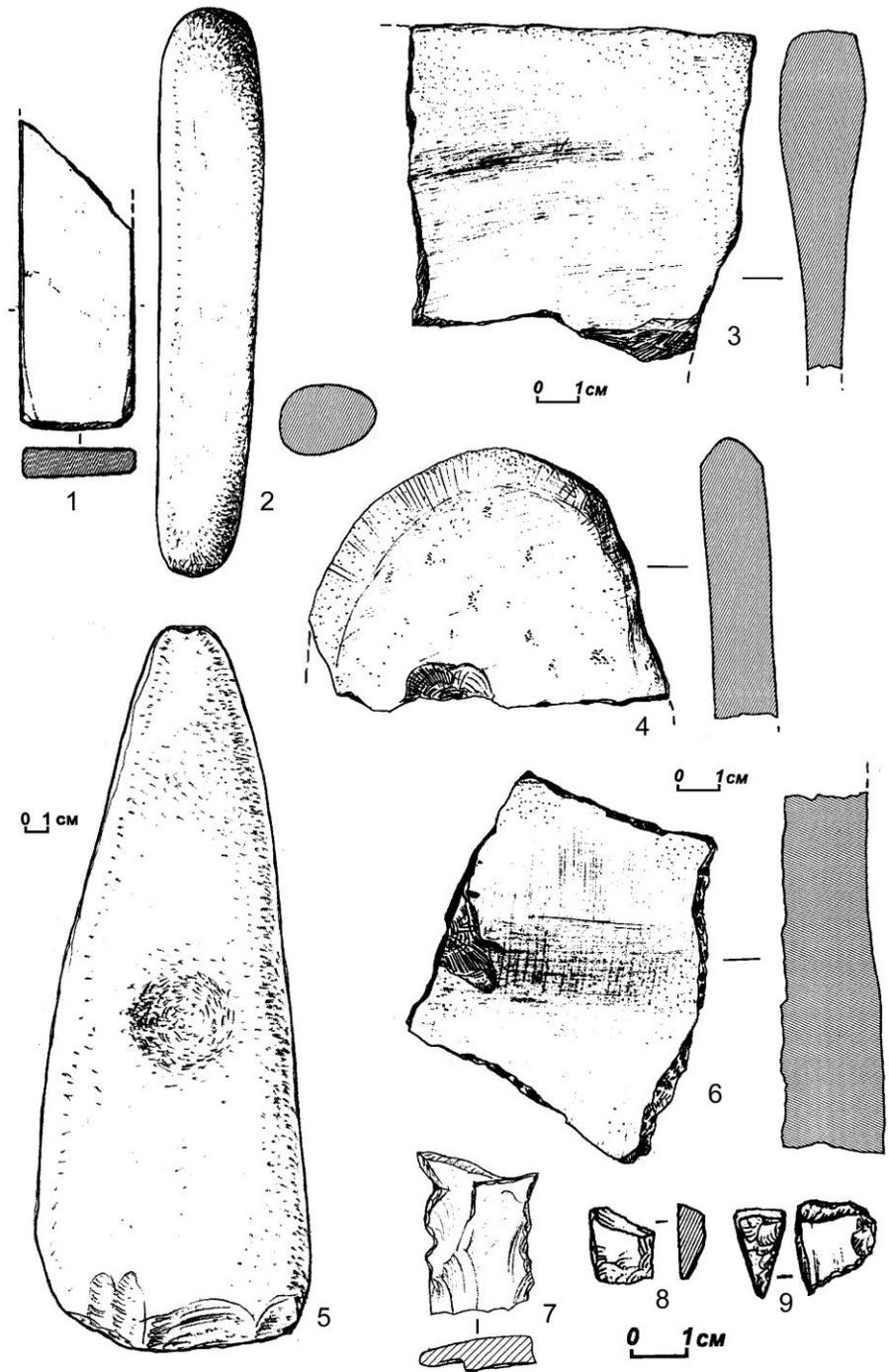

Рис. 8. Городище Городок. 1 — точило из сланца; 2, 5 — курант; 3, 4, 6 — обломки абразивных камней и зернотерок; 7-9 — агаты.

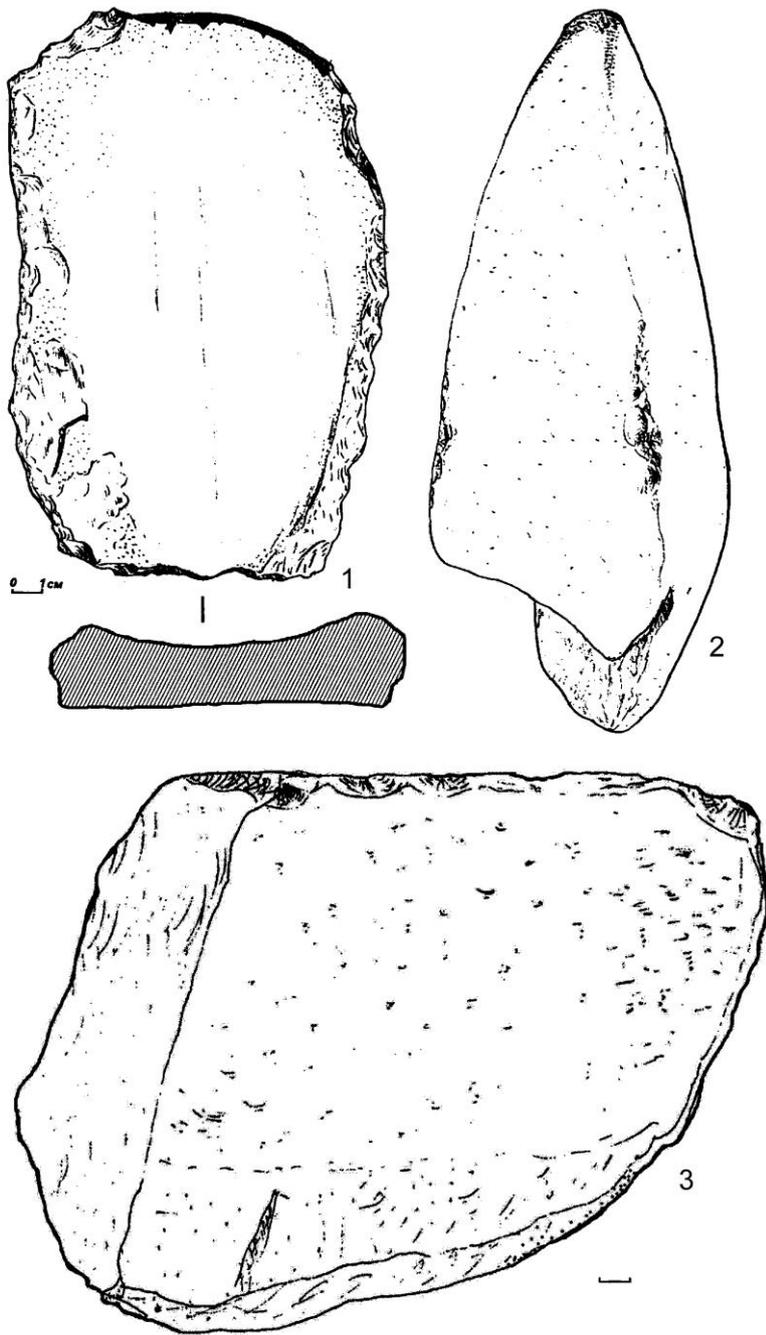

Рис. 9. Городище Городок. 1 — абразивный камень; 2 — курант; 3 — гранитная наковальня для проковки железных криц.

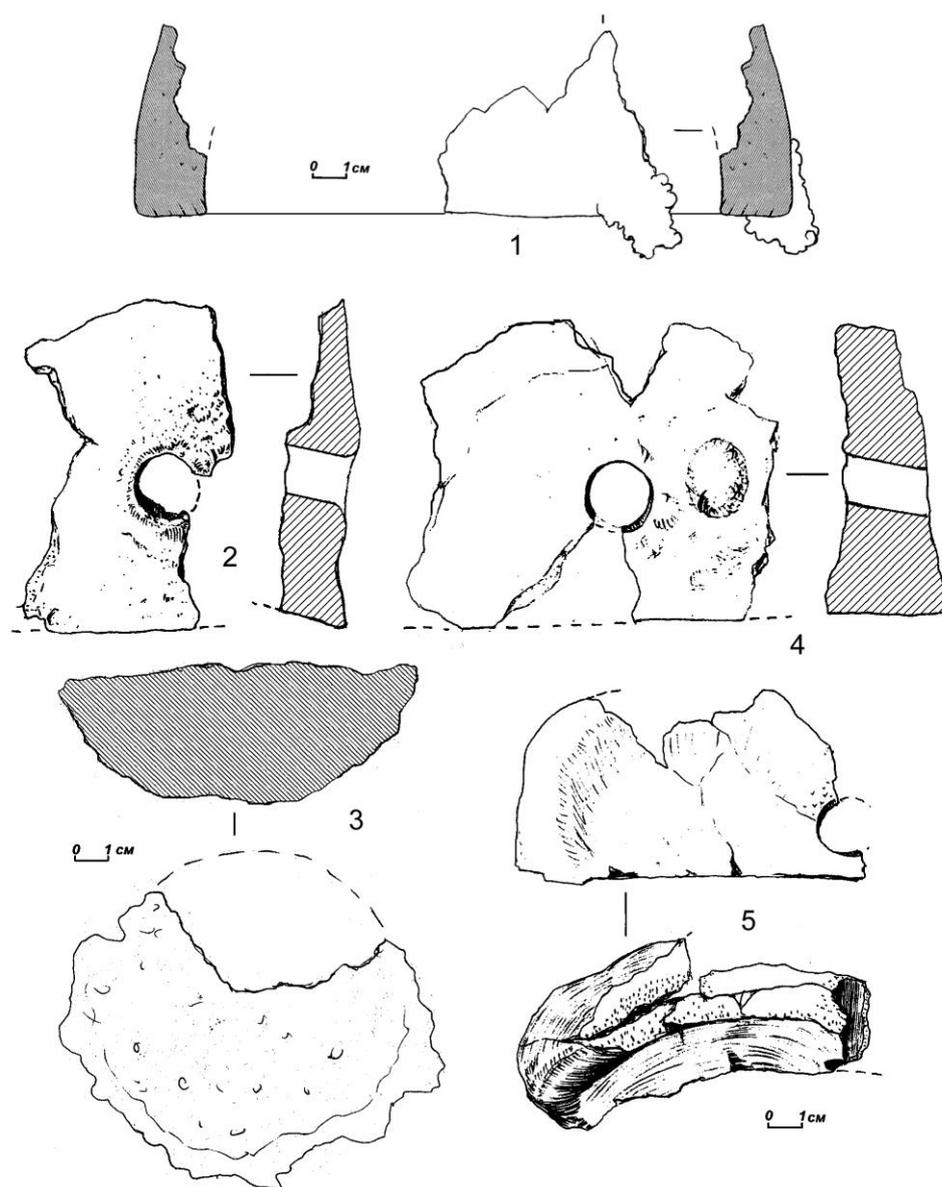

Рис. 10. Городище Городок. 1, 2, 4, 5 — фрагменты глиняных стенок железоплавильных печей; 3 — железный шлак.

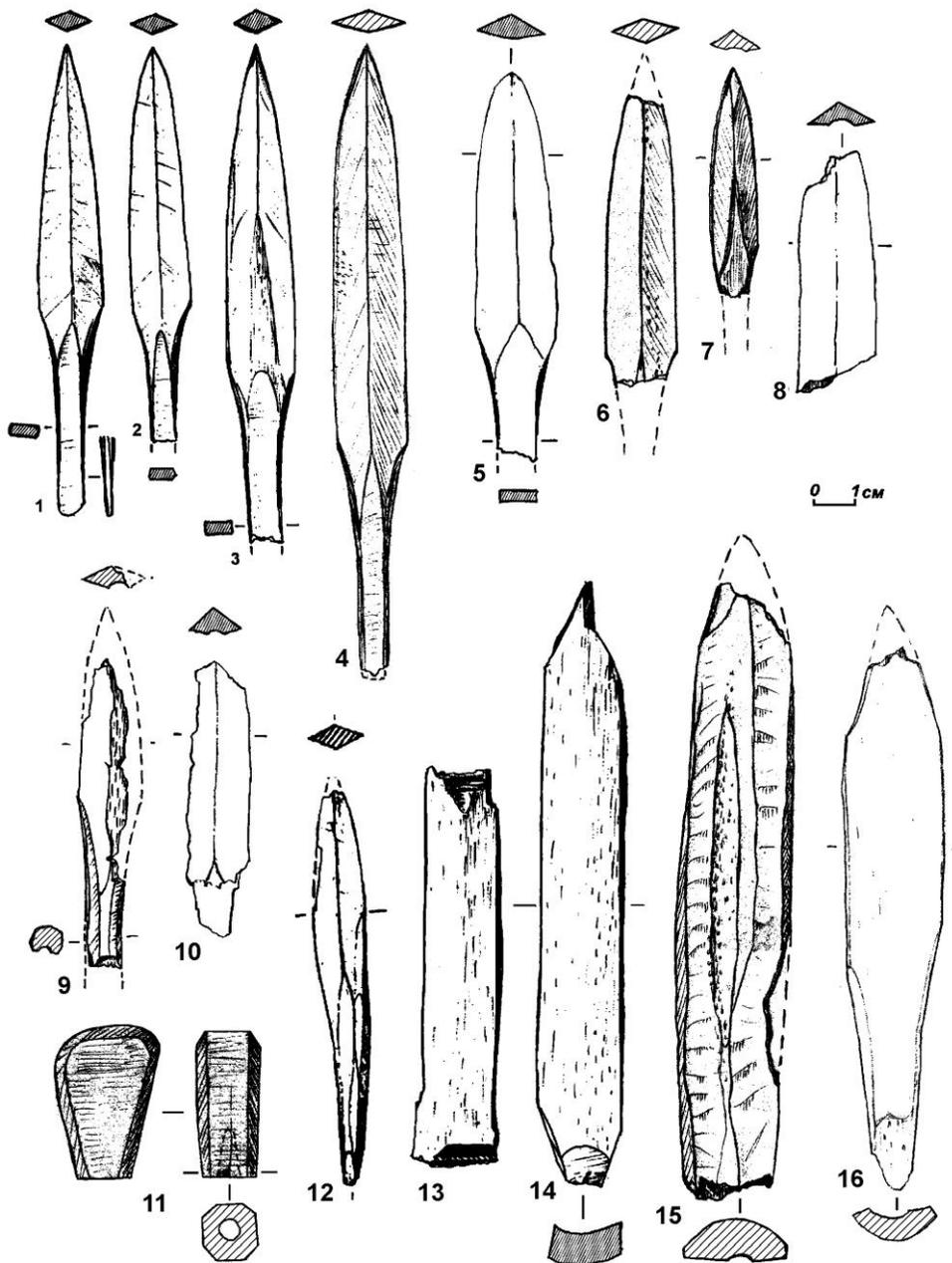

Рис. 11. Городище Городок. 1-10, 12 — костяные наконечники стрел;
 13-16 — костяные заготовки для изготовления стрел;
 11 — костяная рукоятка шила.

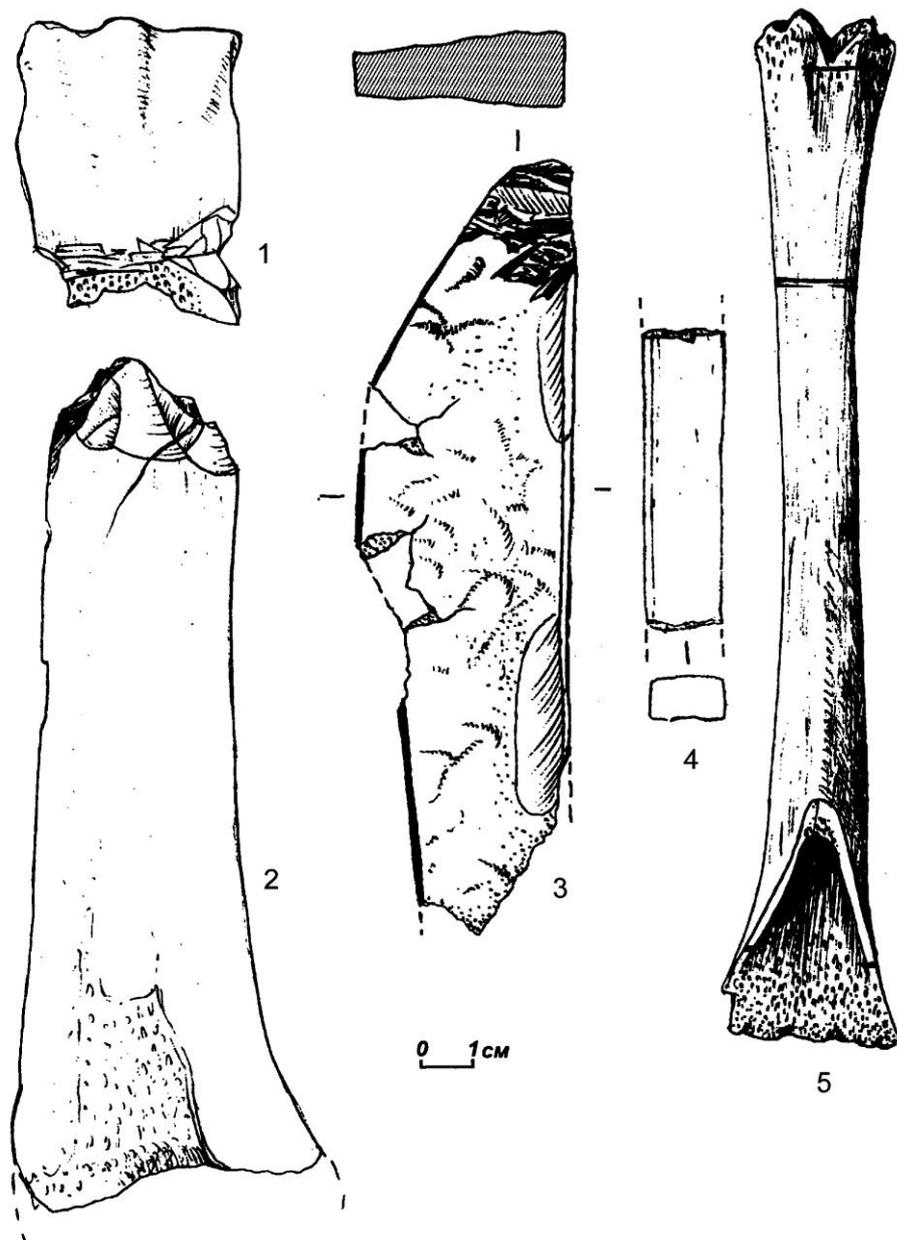

Рис. 12. Городище Городок.
 1, 2 — рубленные кости; 3, 4 — заготовки из рога; 5 — кость
 со следами обработки волокнистых материалов.

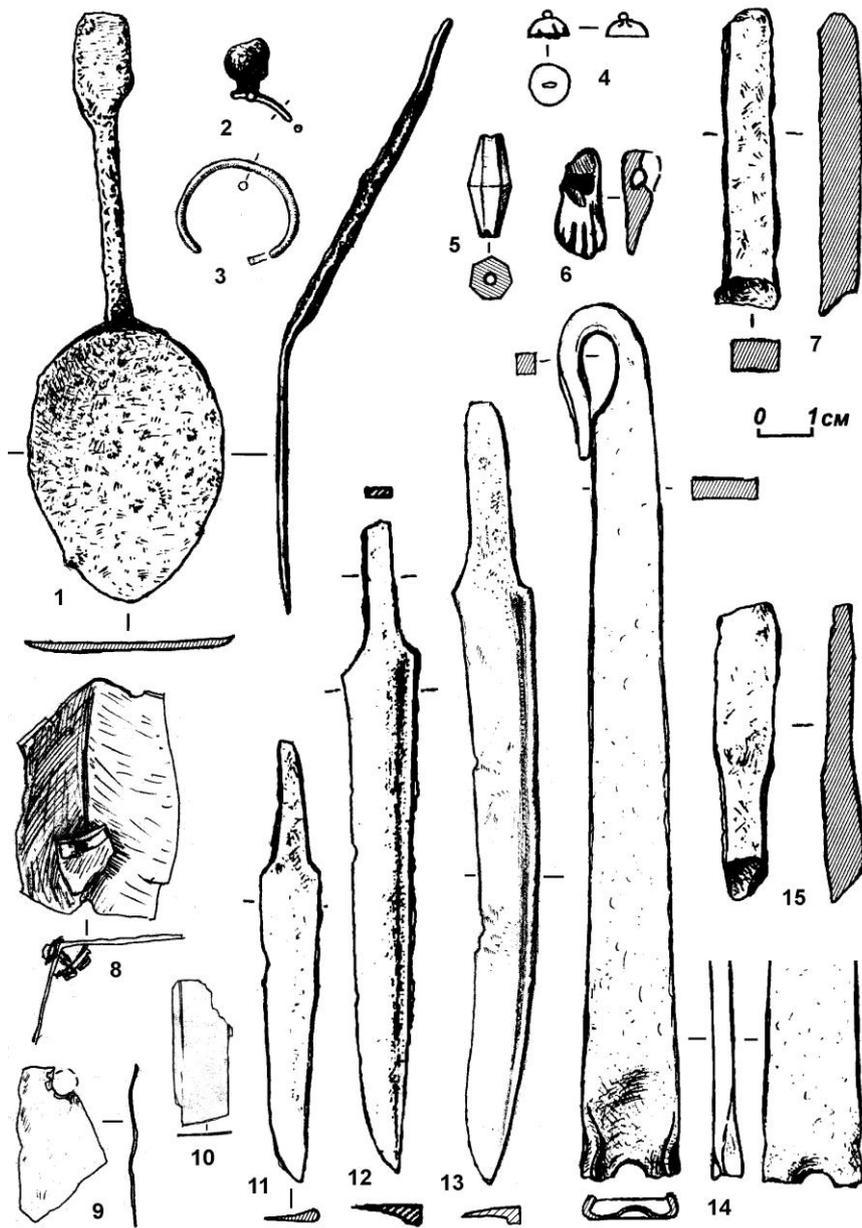

Рис. 13. Городище Городок. 1 — железная ложка; 2, 3 — медные серьги; 4 — часть серебряной пуговицы; 5 — сердоликовая бусина; 6 — фаянсовая глазурованная бусина-амулет; 7, 15 — железные заготовки; 8 — железная пластинка; 9, 10 — медные пластинки; 11-13 — ножи; 14 — железная рукоятка неопределенного инструмента. 1, 2, 5 — находки из жилища-2 (раскоп-8); 7 — находка из полуземлянки-А (раскоп-7); остальное из межжилищного пространства.

При сортировке собранных в культурном слое костных материалов отмечено, что практически все кости расколоты. Даже бабки разрублены. Кроме этого выделены продукты первичной обработки костей в ходе их ремесленной утилизации — срубленные вкруговую эпифизы трубчатых костей лошади (Рис. 12, 1, 2), кости со следами тески и расщепления. На исследованной площади выявлены три скопления костяных заготовок. По некоторым из заготовок можно проследить стадии изготовления наконечников стрел (Рис. 11, 13-16). Практически единственными изделиями из кости, найденными на городище Городок, были наконечники стрел. Некоторые из них были вырезаны довольно небрежно. Все наконечники черешковые, крупные (от 12 до 16 см длиной), с пером ромбического сечения (одна плоскость часто сохраняла форму трубчатой кости) и покатыми плечиками (Рис. 11, 1-10, 12). Как правило, черешок плоский, но у одного наконечника черешок имел круглую шейку (Рис. 11, 9). Кроме наконечников стрел найдено костяное изделие подтреугольной формы с коническим углублением на одной из вершин. Вероятно, это рукоять инструмента вроде шила (Рис. 11, 11). Кроме заготовок из кости встречены куски тесаного лосиного рога (Рис. 12, 3, 4). Кости и предметы из кости, найденные на городище Городок, имеют очень плохую сохранность. Они легко крошатся и требуют консервации.

Изделий из металла на городище найдено относительно немного. Так в кв. С-17 был найден железный нож (12,6x1,4x0,3 см) с коротким черешком и утолщенным порожком вдоль обушка, выделенным в результате проковки лезвия (Рис. 13, 12). Однотипный нож, но более крупных размеров (15x1,6x0,3 см) и со слегка выпнутым обушком найден в кв. О-13 (Рис. 13, 13). Железный нож уменьшенных размеров (8,5x1,1x0,2 см) найден в кв. У-10 (Рис. 13, 11), а рядом с ним — заготовка в виде отрубленного зубилом железного прутка квадратного сечения (5,8x1,2x0,8 см) с раскованным одним концом (Рис. 13, 15). В кв. Ц-13 найдена половинка шаровидной серебряной пуговицы с крепежным ушком (Рис. 13, 4). Крепежное ушко изготовлено из полоски металла. Ее кончики вставлены в отверстие в вершине полусферической половинки пуговицы и загнуты для фиксации ушка в разные стороны. В разных местах межжилищного пространства в центре городища найдено несколько металлических пластинок: железная пластинка, согнутая под тупым углом, через сгиб пробит тонкий пробой с разогнутыми усиками (Рис. 13, 8); обрывки двух тонких медных пластинок, в одной пробито отверстие с рваными закраинками (Рис. 13, 9), вдоль кромок другой прочерчено по линии (Рис. 13, 10).

В кв. Х-17 найден фаянсовый амулет-бусина в виде стопы человека. Амулет покрыт голубой глазурью (Рис. 13, 6).

Культурно-хронологическая принадлежность городища

Раскопки на городище Городок показали, что данный памятник является однослойным укрепленным поселением. Укреплений, подобных городищу Городок, в Притомье более не известно. Вместе с тем городища с реданами на валах на юге Сибири распространены со второй половины I тыс. и бытуют вплоть до позднего средневековья. Например, часть сходных с городищем Городок укреплений, известных в Новосибирском Приобье, приписывается чатским татарам¹².

Керамика городища Городок находит аналогии в большой группе памятников Приобья и Притомья, датируемых достаточно широко в пределах первой половины II тыс. Полученные на городище Городок предметные комплексы позволяют уточнить

¹² Адамов А.А. *Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 55-61.*

хронологию этого памятника. Широкую дату (первая половина II тыс.) можно сузить до периода X-XII вв. Ножи с уступчиком на лезвии возле обушка (Рис. 13, 12, 13) известны в памятниках Минусинской котловины X-XIII вв.¹³ Железные ложки (Рис. 13, 1), подобные найденной на городище Городок, известны в погребальных комплексах Кузнецкой котловины с рубежа I и II тыс., например, в курганной группе Саратовка¹⁴. Сердоликовая 14-гранная бусина (Рис. 13, 5) и серебряная пуговица (Рис. 13, 4) имеют многочисленные аналогии в материалах могильников Притомья X-XII вв. Фаянсовый с голубой глазурью амулет в виде стопы человека (Рис. 13, 6) широко представлен в погребальных комплексах Среднего Чулыма и Прииртышья XI-XII вв.¹⁵ Находка совместно с основным комплексом керамики фрагментов трех сосудов тех типов, которые более характерны для второй половины I тыс. (Рис. 6, 4-6), позволяет предполагать, что городище Городок возникло в начале установленного для него хронологического периода.

В начале II тыс. н. э. в Притомье и в Кузнецкой котловине происходит заметная смена культурной ситуации. Эти процессы достаточно хорошо коррелируются с изменениями, происходящими и в Верхнем Приобье, в памятниках которого отмечается резкое усиление «кыпчакского» компонента. Последнее, в свою очередь, может быть связано с событиями, повлекшими распад кимако-кыпчакского объединения Прииртышья¹⁶. В этих обстоятельствах определенные группы кочевников могли укрыться в периферийных регионах, ранее мало привлекательных для них. Следует отметить, что памятники Притомья X-XII вв. демонстрируют значительную неоднородность населения, проникающего в это время в Кузнецкую котловину. Проявляется это не только в разнообразной погребальной обрядности, выявляемой при исследовании курганов (ингумация или кремация (иногда со шкурой коня), ингумация в подбоях (с конем на приступке) и т. п.), но и в смешанном составе керамических комплексов поселений. При внешней однородности основного керамического комплекса городища Городок в нем также можно выделить несколько технологических и орнаментальных традиций.

Реконструкции

Стратиграфия вала и планиграфические наблюдения позволяют утверждать, что ныне фиксируемый на городище Городок вал представляет собой остатки сложной дерево-земляной конструкции. Укрепления городища разрушились после пожара. Глубина рва с напольной стороны достигала 2,5 м, а ширина была не менее 3,5 м. Между дерево-земляной стеной и рвом была берма шириной до 1 м, препятствующая заполнению рва оплывающим грунтом внешней обваловки деревянной стены.

Входная перемычка во рву была оставлена при выкапывании рва. Ширина прохода не превышала 1,5 м. Для того чтобы эта перемычка не разрушалась, вдоль нее был устроен крепеж из полубревен. Боковые стенки прохода в валу могли быть защищены горизонтальными полубревнами. Были прослежены внутренние и внешние

¹³ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. / САИ. Вып. ЕЗ-18. Москва, 1983. С. 39; табл. XVIII, 16.

¹⁴ Илюшин А.М. Могильник Саратовка: Публикация материалов и опыт этно-археологического исследования. Кемерово, 1999. Рис. 58, 17.

¹⁵ Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X-XIII вв. Томск, 1996. Рис. 81, 16-21; Конилов Б.А. Таежное Прииртышье в X-XIII вв. Омск, 1993. Рис. 24, 11; 35, 13.

¹⁶ Савинов Д.Г. Государства и культуригенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. С. 140.

стойки этой обшивки. Внешние стойки (с напольной стороны) были значительно тоньше внутренних. Чем прикрывались крепостные ворота, можно только предполагать.

Материалы раскопок позволяют достаточно полно реконструировать стены городища Городок (Рис. 14, А). В основе стены была система столбов, вертикально вкопанных на расстоянии 1-2 м друг от друга. С напольной стороны к ним горизонтально, вплотную друг к другу, врубались полубревна, плоской стороной внутрь вала. Для строительства использовалась сосна. С напольной стороны деревянная стена была присыпана песчаным материковым грунтом, вынутым при выкапывании рва. На стратиграфическом разрезе вала видно, что с напольной стороны грунт вала более темный. Это позволяет утверждать, что для наращивания высоты земляной части стены рыхлый грунт облицовывался толстой дерновой стенкой. Высота стены от уровня внутренней площадки городища, судя по объему земляной части и заглублению столбов, была не менее 3 м. Давление земляной обваловки на деревянный заплот требовалось компенсировать. Роль опоры мог выполнять жесткий каркас приподнятых настилов, устроенных вдоль стен. Их сооружение также было оправдано необходимостью обороны стены. На уровне основания вала, перпендикулярно к стене были уложены полубревна, на которые опирались стойки настила. Часть опорного полубревна заходила под земляную стену. Предлагаемый вид настила учитывает не только наличие фрагментов опорных полубревен, но и отсутствие с внутренней стороны стены столбовых подпорок.

При исследовании редана выявлены остатки срубного сооружения 3,5х3,5 м, открытого во внутрь городища. Внутри редана наверняка был приподнятый настил. Высота стен редана, судя по объему земляной части вала, была не меньше высоты заплотных участков стен.

Реконструкция жилищ городища основана на результатах микротопосъемки (Рис. 14, Б) и раскопок двух объектов. Оба исследованных жилища имели каркасную самонесущую конструкцию в виде усеченной пирамиды высотой до 2 м. Какие-либо следы столбовых опор не выявлены. Если внутри жилища и использовались подпорные столбики, то в землю они также не заглублялись. Стены сооружались из наклонно установленных плах, обложенных корьем и утепленных снизу обваловкой из кусков дерна. Крыша, вероятнее всего, была плоская, крытая плахами и корьем, с дымовым отверстием в центре. Соответственно в центре жилищ располагался наземный открытый очаг, который в ряде случаев мог иметь глиняную обмазку. На полу вокруг очага мог быть легкий съемный настил, но не сплошной, так как в ряде случаев прослежена темная прослойка утоптанного грунта. Внутри жилищ могли выкапываться хозяйственные ямы для хранения инвентаря.

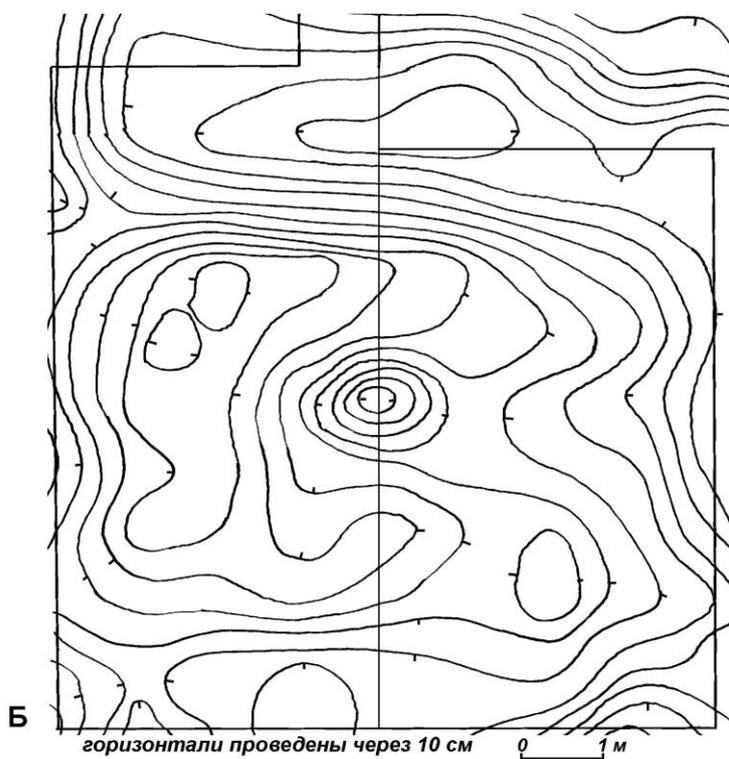
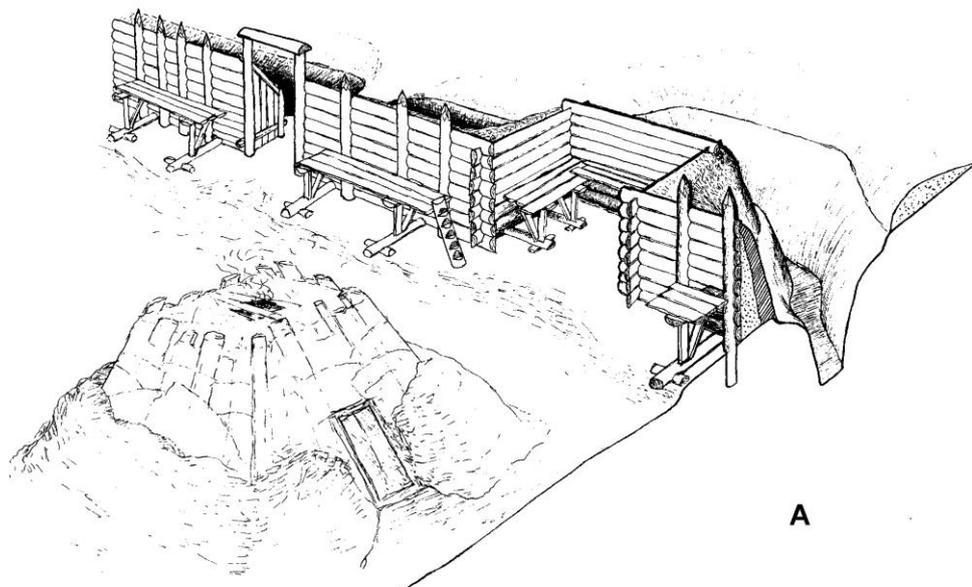

Рис. 14. Городище Городок. А — реконструкция исследованных фортификационных сооружений и жилища-1;
 Б — план микропосъёмки на площади раскопа-4 (жилище-1).

Над очагами и металлургическими печами, устроенными на межжилищном пространстве, могли сооружаться легкие навесы. Но каких-либо столбовых конструкций рядом не отмечено.

Судя по найденным фрагментам, верхняя конструкция железоплавильной печи была съемной, изготавливалась из глины и имела вид усеченного конуса (Рис. 10, 1). Аналогичные железоплавильные печи использовались в Притомье до XVII-XVIII веков¹⁷. Не вполне ясен характер воздухоудного устройства. В стенках крышек железоплавильных печей есть отверстия для дутья. Они расположены в 2 см выше нижнего обреза крышки. Но удивляет отсутствие воздухоудных сопел, которые обычно прикипают шлаками к стенкам печей. Следует отметить, что диаметр воздухоудных отверстий — 1,5-2 см (что соответствует внутреннему диаметру стандартных воздухоудных сопел) — не позволяет вставить сопла. Не было найдено и отдельно воздухоудных сопел или их частей.

Часть железоплавильных печей размещалась в специальных производственных помещениях — полуземлянках, которые иногда примыкали к наземным жилищам, расположенным по периметру укрепления. Но особенно много полуземлянок с металлургическими печами размещалось в центре городища. Данных для реконструкции наземной части полуземлянок пока недостаточно. Возможно, это были облегченные конструкции с берестяной покрывкой, в виде чумов. Печь располагалась в центре полуземлянки. Проковку криц проводили на гранитных наковальнях снаружи помещений.

Характер находок в жилищах и вокруг них позволяет атрибутировать исследованные комплексы как жилищно-производственные, связанные с деятельностью металлургов-универсалов — кузнецов и ювелиров.

«Шаманский комплекс» с челюстью марала и каменной выкладкой для воскурения, сосна в центре городища, жертвенное место с разрубленной собакой в створе с воротами и точкой захода солнца показывают, что деятельность металлургов сопровождалась религиозно-магическими обрядами. Ориентация выхода на запад в данном контексте также, видимо, не случайна. Западная сторона у тюрков ассоциировалась с Эрликом, с которым, например, у кузнецких татар связано происхождение искусства металлургии.

Можно предполагать сезонный характер активной жизни в пределах укреплений. Наиболее вероятный период — осень-зима, так как среди кухонных отбросов преобладают кости лошади, встречены кости бобра. Кости овцы отмечены только в слоях, связанных со строительством укреплений. Нет признаков активного рыболовства — галечных грузил для сетей, массовых находок на тех поселениях Притомья, которые были обитаемы в весенне-летний период¹⁸. Функционировало городище относительно недолго — не более 10 лет. Культурный слой городища довольно беден, нет следов перестроек, относительно мало металлургических шлаков. Его обитатели всего один раз успели почистить ров¹⁹.

¹⁷ Ширин Ю.В. Металлургия кузнецких татар в XVIII веке // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 209-216.

¹⁸ На городище Городок отмечен всего один случай находок костей рыбы в зольном заполнении очага производственной полуземлянки.

¹⁹ Это косвенно также указывает на период бытования укрепления. Судя по нашим наблюдениям, ров, расчищенный в 1999 г., к 2003 г. еще не имел следов разрушения и не требовал дополнительной расчистки.

Судя по всему, гибель городища Городок не была связана с прямыми военными действиями. Вероятно, укрепления и внутренние постройки были сожжены намеренно, когда его владельцы по какой-то причине были вынуждены покинуть данную территорию.

Иные памятники в окрестностях городища Городок

С целью выявления археологических памятников разного типа и включения их в инфраструктуру музея «Тюльберский городок» нами было произведено обследование окрестностей д. Городок по нескольким маршрутам. Прежде всего в радиусе не менее 1 км были осмотрены все обнажения береговых террас и оврагов, разрезающих эти террасы. Сплошному обследованию были подвержены все удобные для поселений площадки вдоль правого берега р. Томи вниз по течению от д. Городок на протяжении 3,5 км. Визуальный осмотр без шурфовки и зачисток не выявил ничего, кроме древесных угольков в обнажениях высоких береговых террас. Эти угольки, конечно, могут быть связаны и с естественными горячими, но часто такой признак является и свидетельством близкого расположения поселенческих площадок. Большинство поселений Среднего Притомья были кратковременными, и не всегда на них удается обнаружить керамический материал и иные артефакты с первой попытки. Поиски стоит продолжить с применением шурфовки через регулярные промежутки.

Но прежде всего была обследована сама территория, отведенная под служебные постройки музея. В 250 м к ЮЗ от городища Городок и в 45 м к ЮЗ от кирпичного бункера насосной водяной скважины на территории музея был выявлен культурный слой **поселения Городок-3** (Рис. 1, 2).

При выкапывании столбовых ям для ограды на глубине -37 см от современной поверхности были найдены фрагменты неорнаментированной лепной керамики слабого обжига. Это был небольшой плоскодонный сосуд баночной формы с диаметром устья около 13 см (Рис. 15, 5).

Место находки представляет собой ровную площадку коренной террасы, примерно того же гипсометрического уровня, что и городище Городок. Данный участок в течение длительного времени распахивается под огороды, а в 10-15 м к СЗ от него начинается березовая роща, которая тянется до городища.

Для выяснения характера обнаруженного памятника был заложен разведочный раскоп. Дёрн местами был разрушен перекопкой под огородные посадки. Перед началом работ мы удалили пахотный слой. Пахотный слой содержал современный мусор, в том числе гвозди, золу, кости. Сразу же под пахотным слоем на некоторых участках траншеи, видимо, в местах естественных понижений древнего рельефа, выявлены единичные скопления фрагментов керамики, прокаленных камней и окатанных кусочков обожженной глины (от бронзолитейных форм?).

На участке недалеко от первоначальных находок и на том же уровне был найден венчик крупного баночного сосуда с прочерченным орнаментом, от которого на фрагменте сохранился зигзаг с острой вершиной (Рис. 15, 3). В нескольких метрах к С были найдены фрагменты крупного глиняного сосуда, которые образовывали относительно компактное скопление в одном уровне, немного углубляясь. Большинство из этих фрагментов керамики были без орнамента. Найден всего один обломок из зоны шейки, орнаментированный крупными жемчужинами, разделенными длинными резными наклонными линиями (Рис. 15, 1). Кроме этого встречено несколько кусков от уплощенного доньшка этого же сосуда.

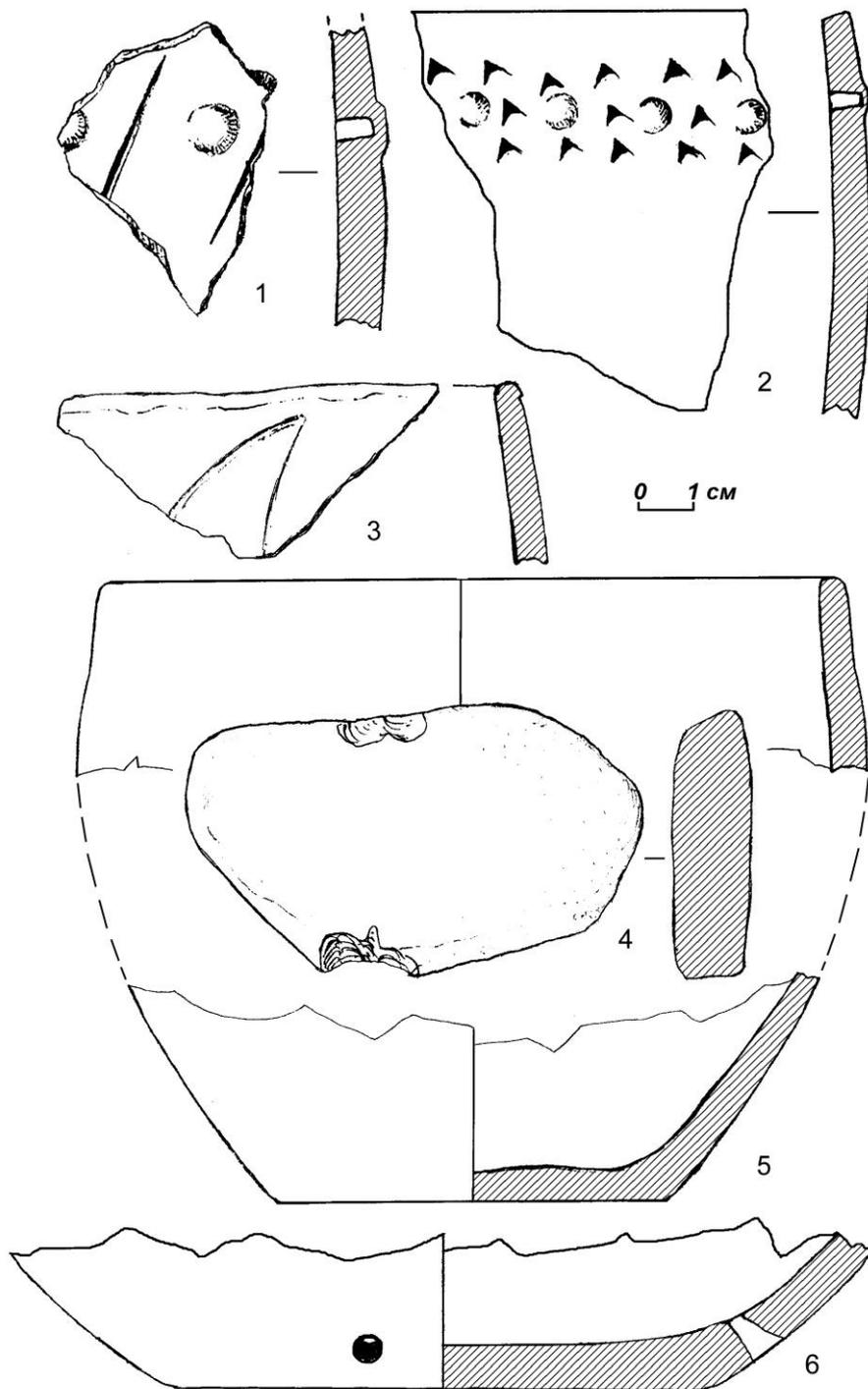

Рис. 15. Поселение Городок-3. 1-3, 5, 6 — керамика;
4 — галечное грузило.

В его придонной части, на уровне с поверхностью дна, с внешней стороны просверлены сквозные отверстия. Они отмечены по крайней мере на трех фрагментах (Рис. 15, 6). Вероятно, данный сосуд предназначался для сжеживания.

Кроме этого в слое с керамикой найдено несколько обломков прокаленных растрескивающихся галек. Среди камней выделена оббитая на противоположных гранях плоская галька (Рис. 15, 4), которая могла быть грузилом для сети. Среди камней найдено несколько фрагментов керамики от баночного сосуда. Он был орнаментирован в зоне шейки жемчужником с разделителем в виде оттисков уголка лопатки. По ряду таких же оттисков было нанесено сверху и снизу от ряда жемчужника (Рис. 15, 2).

Проведенные работы показали, что на данном участке, вероятнее всего, располагалось поселение, которое к настоящему времени практически полностью разрушено многолетней распашкой. Культурный слой, содержащий какие-либо материалы, сохранился только на отдельных участках с естественным понижением древнего рельефа. Выявленные на площади раскопа стратиграфические аномалии (ямы с неровными краями и «вспученным» материковым заполнением) могут быть связаны с корчевкой деревьев, которую проводили в 1920-х гг. первопоселенцы д. Городок. Судя по орнаментальным особенностям керамики, поселение Городок-3 относится к одним из наиболее ранних в числе поселений Среднего Притомья эпохи раннего железа (середина I тыс. до н. э.). Сходные материалы получены при сборах на поселениях в районе с. Старочервово (Рис. 1, 6, 7)²⁰.

В ходе планомерного обследования территории экомузеев «Тюльберский городок» была выявлена еще одна поселенческая площадка в 40 м к ЮЗ от вала городища Городок, получившая наименование **поселение Городок-4** (Рис. 1, 2). Здесь на чистой площадке вдоль посадки сосен по генеральной схеме планируется установка нескольких деревянных построек. Для проверки наличия или отсутствия культурного слоя был заложен разведочный раскоп. При вскрытии почвенного горизонта найдены неорнаментированные фрагменты керамики и пест из длинной окатанной гальки (Рис. 16, 1). Пест не имеет следов искусственной подработки формы, но следы его использования в качестве куранта фиксируются на торцах и некоторых боковых гранях.

В ходе работ на этом участке на уровне материка было выявлено пятно от постройки полуземляночного типа. В культурном слое, связанном с этой постройкой, были найдены неорнаментированные фрагменты керамики и венчик от сосуда, украшенного треугольными штампами (Рис. 16, 2).

Характер находок на площади раскопа-11 позволяет выделить еще один хронологический период обитания на террасе, занятой экомузеем. Данный период предварительно может быть связан с фоминской культурой и датирован второй четвертью I тыс. н. э. Именно к этому периоду относится и знаменитый Елыкаевский клад, найденный на правом берегу р. Томи, в 35 км к С от этого места.

²⁰ Илюшин А.М., Ковалевский А.С. Полевые сборы при работе по программе картографирования археологического наследия Кемеровской области // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 40; Рис. 1.

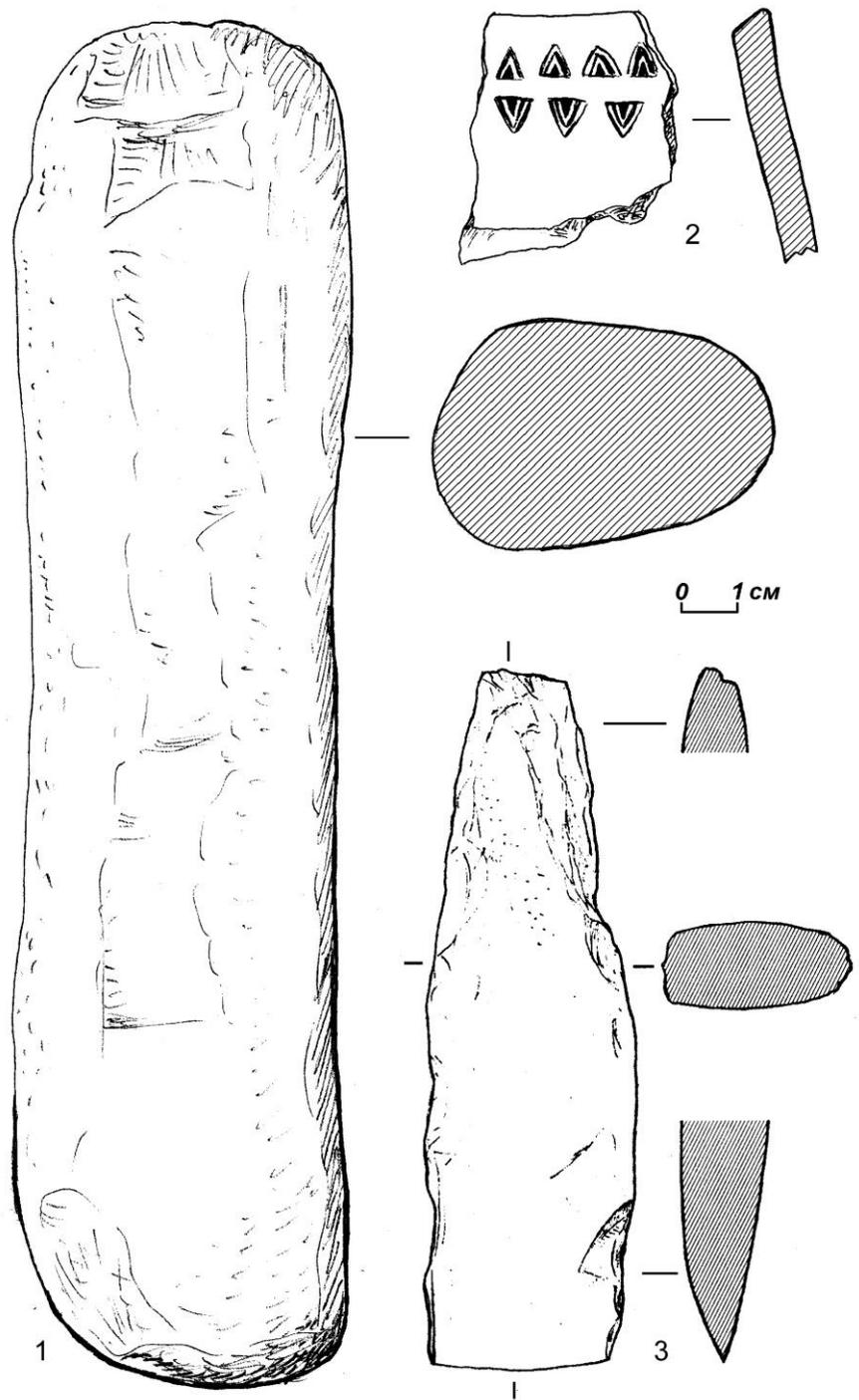

Рис. 16. Поселение Городок-4: 1 — курант; 2 — керамика.
3 — каменный топор, найденный у с. Сарапки.

Находка на территории музея комплекса фоминской культуры также позволяет предполагать вероятность выявления культурного слоя данного периода и на площади городища Городок. В материалах городища типологически выделяется из однородного материала несколько фрагментов керамики, сходной с керамикой фоминской культуры (Рис. 6, 4, 6).

На левом берегу р. Томи напротив городища Городок располагается территория Крапивинского района Кемеровской области. В ходе археологической разведки на этом участке обрабатывались пешеходные и транспортные туристические маршруты, по которым в дальнейшем можно будет наиболее рационально посещать музей «Тюльберский городок». Маршрут проходил по левому берегу р. Томи на участке, примыкающем к устью ее левого притока р. Уньги, где были осмотрены береговые террасы вплоть до с. Сарапки. Было выявлено несколько памятников.

Поселение Шевели расположено на первой террасе левого берега р. Уньги высотой около 5 м, к ЮЗ от устья ручья (Рис. 1, 4). Площадка поселения ровная, чистая, лишь по кромке берега р. Уньги растут кустарники. В 70 м к Ю от поселения с ЮЗ на СВ проходит гравийная дорога из с. Шевели в дачный поселок и далее в с. Сарапки Крапивинского района Кемеровской области. С этой гравийной дороги есть съезд на грунтовую дорогу, которая проходит через поселение к устью ручья. В 70-100 м к ЮЗ, на более высоком участке коренной террасы р. Уньги, расположена турбаза «Экран».

Памятник впервые был обследован В.С. Горяевым в ходе археологической разведки 1998 г. Тогда в колее грунтовой дороги на бровке террасы при спуске к ручью был собран развал глиняного сосуда ирменской культуры. В 2000 г. на площадке поселения, в 25 м к ЮВ от места первоначальных находок керамики, дачниками сделана выемка плодородного грунта на площади более 50 кв. м. На месте разрушения В.М. Кимеевым были найдены неорнаментированные фрагменты керамики. Вслед за этим нами были произведены небольшие раскопки (на площади до 24 кв. м) с целью исследования поврежденного участка культурного слоя и выяснения характера поселения Шевели-1.

Все находки были приурочены к слою пограничному между темной и бурой почв. На уровне материка выявлен земляной очаг диаметром 38 см. Мощность прокаленной линзы не превышала 5 см. Насыщенность культурного слоя оказалась слабой. На уровне -25 см от современной поверхности были найдены единичные неорнаментированные фрагменты лепной керамики. Кроме этого был найден крупный кварцитовый скол (Рис. 17, 7), а также обломок куранта из крупной гальки со следами многочисленных ударов на всей поверхности. В 8 м к В от раскопа в выемке грунта был найден фрагмент баночного сосуда, орнаментированный жемчужником с разделителем в виде оттисков палочки (Рис. 17, 6). Судя по качеству глиняного теста, эта керамика может быть одновременно неорнаментированным фрагментам, которые были найдены в ходе работ на разведочном раскопе.

Таким образом, поселение Шевели-1 представляет собой многослойный памятник, содержащий поселенческие материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Слабая насыщенность культурного слоя может свидетельствовать о кратковременности данных заселений.

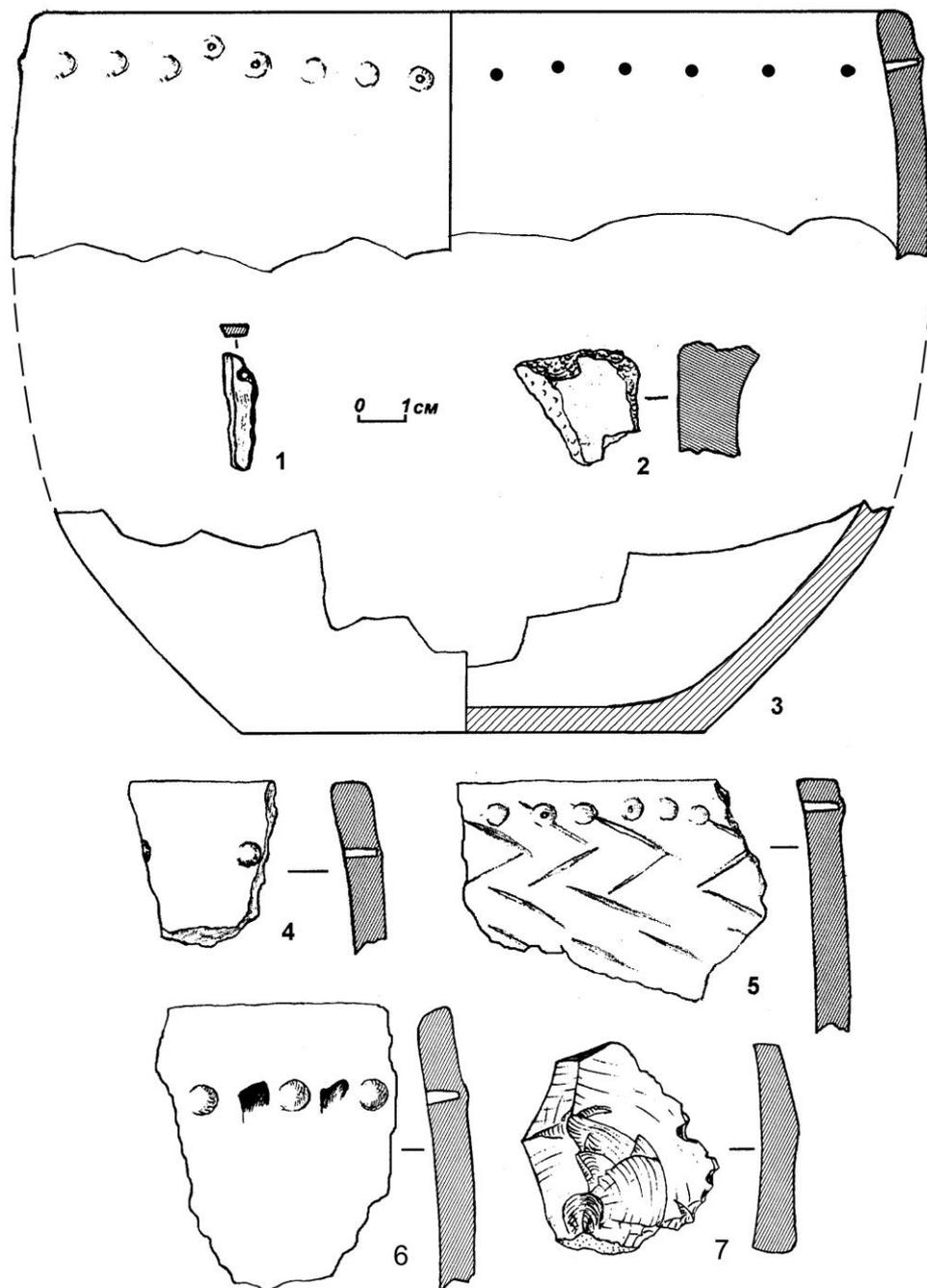

Рис. 17. Поселение Эcran-1: 1 — бронзовый стержень; 2 — обломок глиняной бронзолитейной формы; 3-5 — керамика. Поселение Шевели-1: 6 — керамика; 7 — кремневый отщеп.

Поселение Экран располагается в 55 м к ЮЗ от поселения Шевели-1 на мысу более высокого участка коренной террасы р. Уньги (12 м от уреза воды), у северо-восточного периметра ограда турбазы «Экран» (Рис. 1, 4).

В ходе осмотра обнажения береговой террасы на уровне -25 см от современной поверхности были найдены фрагменты неорнаментированной керамики. В этом месте был заложен разведочный шурф. В нем полностью вскрыт развал крупного баночного плоскодонного сосуда, орнаментированного в зоне шейки жемчужником. Наколы были столь глубокими, что местами жемчужины были проколоты насквозь (Рис. 17, 3). Диаметр устья этого сосуда достигал 19 см. Здесь же были найдены фрагменты еще двух сосудов. Один из них был так же, как и первый, орнаментирован жемчужником (Рис. 17, 4), другой кроме ряда жемчужин, наколотых близко к обрезу венчика, ниже был украшен четырьмя рядами наклонных насечек, которые образовывали горизонтальные елочки (Рис. 17, 5). Кроме керамики в слое было найдено несколько разбитых камней, обломков глиняной бронзолитейной формы (Рис. 17, 2) и обломок бронзового бесформенного стерженька (Рис. 17, 1).

Находки, сделанные в шурфе-1, позволяют отнести поселение Экран-1 к эпохе раннего железа. Судя по интенсивному разрушению берега, обнаруженное поселение, видимо, уже практически полностью разрушено. Сохранился только очень узкий мыс шириной не более 10-15 м, да и тот разрушается погребями и периодически переносимой оградой турбазы «Экран». Памятник нуждается в охранных раскопках.

Поселение Длинное Озеро расположено на уровне первой террасы на пойменной гриве у юго-восточного подножия бугра на правом низменном берегу р. Томи в устье р. Уньги, в 2 км к В от городища Городок (Рис. 1, 5). В 500 м к ЮЗ от поселения расположено старичное непроточное оз. Длинное. Вдоль западного и южного склона бугра проходит грунтовая дорога с пойменных сенокосных лугов на ЮВ в с. Сарапки Крапивинского района Кемеровской области. На месте поселения Длинное Озеро-1 эта грунтовая дорога раздваивается: одна колея продолжается вдоль низкой береговой террасы на ЮВ-В, другая поворачивает на СВ и, пересекая пойменную гриву, углубляется в осиново-березовый лес. К С от поселения расположена заболоченная низменность, к Ю — широкая заливная пойма с пересохшими старичными озерами, выемки которых заросли деревьями и кустарником. Грива, на которой расположено поселение, относительно чистая, более залесенная в северо-западной части. Судя по зарослям крапивы вдоль северной кромки гривы, здесь когда-то могли располагаться какие-то животноводческие постройки, например дойка. Площадка поселения над наиболее низкими участками заливной поймы возвышается не более чем на 4-5 м. Поселение было выявлено при помощи разведочных шурфов.

Шурф-1 1x1 м был заложен на южной кромке гривы в 4-5 метрах к СЗ от грунтовой дороги, пересекающей ее. Стратиграфия шурфа-1:

- дерн — 5 см;
- темная почва, светлеющая книзу — 8-9 см;
- серая почва — 22-25 см;
- темно-серая почва, включающая кремневые отщепы — 9-12 см;
- материк — бурая почва, переходящая в глинистую супесь.

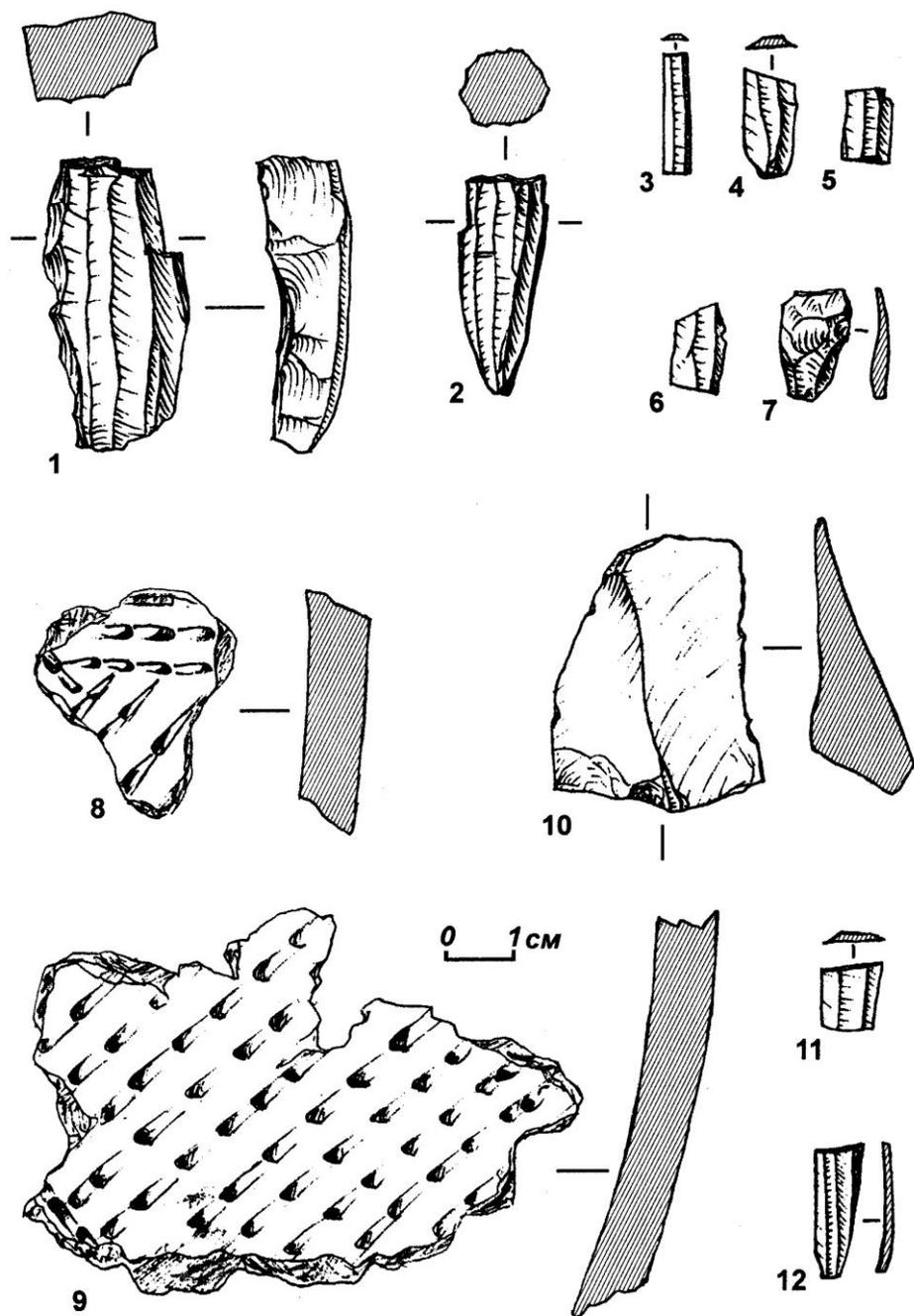

Рис. 18. Поселение Длинное Озеро. 1-9 — материалы из шурфа-1;
 10 — материалы из шурфа-3; 11, 12 — материалы из шурфа-2.
 8, 9 — керамика; 1, 2 — нуклеусы; 3-6, 11, 12 — пластины;
 7, 10 — отщепы.

На глубине -40-45 см от современной поверхности были найдены фрагменты толстостенной керамики красноватого обжига. Толщина стенок до 0,9 см, в тесте примесь шамота. Все фрагменты орнаментированы наклонными и горизонтальными линиями, выполненными глубокими отступающими наколами (Рис. 18, 8, 9). Судя по форме, фрагменты принадлежали придонной части крупного сосуда.

На глубине -45-50 см слой был насыщен мелкими чешуйками, отщепами и пластинками, снятыми с разнообразных кремнистых пород и яшмы (Рис. 18, 3-7). Среди пластинок преобладали мелкие (не более 2 см) или сечения. Найдено два нуклеуса с негативами снятия призматических пластинок. Один из них — конусовидный (3,4x1,4x1,2 см) (Рис. 18, 2), другой (4,5x2,2x1,4 см) имел следы снятия призматических пластин только вдоль одной плоскости (Рис. 18, 1).

Для определения границ распространения поселенческого слоя, мы заложили еще два шурфа — у северо-западного и юго-восточного краев площадки. На СЗ уровень гривы повышается на 1,5 м и она постепенно переходит в пойменный бугор, а на ЮВ — понижается и зарастает осинником. Таким образом, ориентирами для закладки шурфов и стали эти естественные границы.

Шурф-2 1x1 м был заложен в 20 м к СЗ от шурфа-1.

Стратиграфия шурфа-2 аналогична шурфу-1.

На глубине -45 см слой так же, как и в шурфе-1, оказался насыщен многочисленными отщепами и обломками кремнистых пород. Среди находок здесь оказалось больше бесформенных отщепов, но было найдено и несколько мелких призматических пластинок и их сечений (Рис. 18, 11, 12).

Шурф-3 1x1 м был заложен в 33 м к ЮВ от шурфа-1.

Слой на этом участке оказался беднее, на глубине -45 см найден только один крупный отщеп черной кремнистой породы (Рис. 18, 10).

Таким образом, протяженность поселенческого слоя вдоль пойменной гривы не менее 55 м. Найденные в трех шурфах материалы, судя по морфологическим особенностям и залеганию в одном и том же слое, практически одновременны. Поселение Длинное Озеро-1 предварительно может быть отнесено к эпохе позднего неолита.

С этим же временем, вероятно, связана случайная находка на северной окраине с. Сарапки Крапивинского района Кемеровской области. Здесь в верхней части осыпи высокой террасы левого берега р. Уньги был найден каменный полированный топор. Он изготовлен из серо-зеленого порфира. Обушок и грани оббиты, лезвие прямое полированное, плоскости заполированы не тщательно. Лезвие в сечении асимметричное. Размеры топора — 12,4x3,7x1,6 см (Рис. 16, 3).

В этом месте терраса левого берега р. Уньги выходит к пойме р. Томи и образует мыс. Высота террасы от уреза воды 10 м, к СЗ мыс имеет пологий склон, к С и В круто обрывается. Мыс распахан под огород. Топор был найден в осыпи восточного обнажения этого мысообразного участка. В ходе осмотра обнажения выяснилось, что верхний слой (40-50 см) представлен отложениями русской деревни XVIII-XIX вв., основную толщу которых составляют навоз и полусгнившие конструкции хозяйственных построек. Глубже прослежена обычная для коренного берега р. Уньги стратиграфия, ни в одном из слоев которой не выявлены какие-либо культурные отложения, с которыми можно было бы связать найденный здесь каменный топор.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов А.А. Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 55-61.
- Беликова О.Б. Среднее Причумырье в X-XIII вв. Томск, 1996.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: Публикация материалов и опыт этно-археологического исследования. Кемерово, 1999.
- Илюшин А.М., Ковалевский А.С. Полевые сборы при работе по программе картографирования археологического наследия Кемеровской области // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 39-42.
- Каталог памятников истории и культуры Кемеровской области.— Кемерово, 1996.
- Кимеев В.М., Ширин Ю.В. Палеоэтнографические исследования в При-томье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1997 г.). Новосибирск, 1997. С. 365-366.
- Коников Б.А. Таёжное Прииртышье в X-XIII вв. Омск, 1993.
- Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР.— Кемерово, 1989. Вып. 1.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. / САИ. Вып. ЕЗ-18. М., 1983.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.
- Ширин Ю.В. Археологические работы на реке Томи и Чулыме в 1940 г. // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1995. С. 57-64.
- Ширин Ю.В. Металлургия кузнецких татар в XVIII веке // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 209-216.
- Ширин Ю.В. Опыт музеефикации средневекового городища Притомья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 34-37.
- Эрдниев У.Э. Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 13.

О начале формирования кузнецкого гарнизона

Появление Кузнецкого острога (Кузнецка) в верховьях р. Томи в 1618 году было вызвано двумя важными и взаимообусловленными обстоятельствами:

1. Необходимостью создать опорный пункт для сбора ясака (главным образом пушнины) с местного населения;
2. Сложностью внешнеполитического положения Русского государства на юге Западной Сибири во второй половине 1610-х гг., когда требовалось более жестко и четко обозначить русское военное присутствие в этом регионе и закрепить за собой новые ясачные территории.

Поэтому неслучайно первыми жителями Кузнецка были служилые люди, в многочисленных обязанностях которых помимо военных функций входила необходимость сбора ясака. Костяк служилого войска в Сибири составляли казаки — пешие и конные — и возглавлявшие их десятники, пятидесятники, сотники, атаманы, а также «дети боярские» — старшие командиры служилых людей.

Кузнецкий острог, основанный весной 1618 г. отрядом томских, тюменских, верхотурских казаков и находившихся на русской службе татар, был небольшим. Первый кузнецкий гарнизон состоял всего из 10 человек¹. Все они были годовальщики, то есть должны были в течение года служить в Кузнецком остроге. Такие своеобразные командировки военных из одного города (острога) в другой были весьма распространены в Сибири в XVII в. в силу постоянного дефицита служилых людей, особенно в приграничных поселениях (Томск, Кузнецк, Красноярск и др.).

В обязанности томских воевод вменялась ежегодная посылка в Кузнецк до 50-ти казаков, а также присылка дополнительных сил в случае возможного нападения кочевников (белых и черных калмыков, енисейских кыргызов и др.) на острог². Практика посылки томских годовальщиков в Кузнецк прослеживается вплоть до конца 1670-х годов³. Но уже в первые годы существования Кузнецкого острога начинает формироваться на постоянной основе собственно кузнецкий гарнизон. Вопрос о том, когда в Кузнецке впервые появились «кузнецкие служилые люди», до сих пор не получил в историографии необходимого освещения. Между тем, имеющиеся архивные документы по истории города, в том числе и публикуемый ниже, в определенной степени дают возможность решить эту проблему.

Настоящая публикация призвана восполнить одно из «белых пятен» в ранней истории Кузнецка, а именно дает возможность узнать персональный состав кузнец-

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. Приложения. №96. С. 444; Добжанский В.П., Ширин Ю.В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок, 2002. С. 232.

² Первое столетие сибирских городов. XVII в. Новосибирск, 1996. Док. №15. С. 54.; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. Приложения. №159. С. 304 и др.

³ РМО. 1654-1685 / Сост. Г.И. Слесарчук. М., 1996. Док. №171. С. 326.

кого военного гарнизона — основного населения Кузнецка на протяжении XVII в. — по состоянию на 1624 г. Это самая ранняя из известных в настоящее время окладных росписей кузнецких служилых людей. Подобные росписи составлялись в каждом сибирском городе и выполняли, говоря современным языком, роль «платежной ведомости», в соответствии с которой все, кто имел права на получение государственного денежного жалования, получали деньги.

Публикуемый «Список с кузнецких именных книг 132 году» представляет собой не оригинал подобной «платежной ведомости» Кузнецка за 7132 год (что соответствует периоду с 1 сентября 1623 по 31 августа 1624 г. от Р.Х.), который, скорее всего, не сохранился, а его копию («список»), составленную чиновниками Сибирского приказа несколько позднее обозначенной даты. Но и в таком виде этот документ представляет собой первоклассный источник по истории раннего Кузнецка. Помимо поименного состава кузнецких служилых людей указан их годовой денежный оклад, для части служилых можно проследить историю их появления в Кузнецке (особо обозначены бывшие «гулящие люди»⁴ и «присыльные черкасы»). Также из «Списка» следует, что из кузнецан кроме казаков «на окладе» находились подьячий, кузнец и бывший ключарь московского Архангельского собора, выполнявший в Кузнецком остроге обязанности священнослужителя⁵. Таким образом, возвращаясь к вопросу о времени появления первых кузнецких служилых людей, можно однозначно констатировать, что к 1624 году данная категория служилых людей уже сложилась в весьма многочисленную группу — 59 человек, включая подьячего. Более того, используя «Список... 132 году» вкупе с иными кузнецкими актами, близкими ему по времени, можно уточнить искомую датировку. Так, среди тех, кто вместе с воеводой Осипом Аничковым «Кузнецкой ставили», был Тихон Дементьев⁶, который в публикуемом «Списке» значится среди кузнецких рядовых пеших казаков⁷.

Следовательно, формирование собственно кузнецкого гарнизона началось не позднее лета 1620 г. Это наблюдение подтверждает другой документ, где кузнецкими воеводами Т. Боборыкиным и О. Аничковым излагаются события за вторую половину 1620 г.: «Да ведом, господа, нам дошел, что вы (томские воеводы. — П.А.) казаков Екуша Черногузова да Кузнецкого острогу казака Завьялка Ларионова ни-

⁴ В Сибири гулящие люди — один из источников пополнения служилого сословия.

⁵ Он указан как кузнецкий поп в ряде последующих по времени документов. См.: Кузнецкие акты XVII - пер. пол. XVIII вв. / Сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский. Кемерово. 2000. Вып. 1. Док. №32-34. С. 116-120. Подробнее о судьбе этого священнослужителя см.: Добжанский В.Н. Первый кузнецкий священник И. Иванов // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 12-16.

⁶ Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка XVII в. // Русские говоры в Сибири. Томск, 1979. С. 94.

⁷ Речь идет о перестройке первого кузнецкого острога, основанного весной 1618 г. Касательно данной перестройки существует две точки зрения. Согласно первой, Кузнецкий острог постройки 1618 г. был перестроен (расширен) летом 1620 г. присланными из Москвы воеводами Т.С. Боборыкиным и О.Г. Аничковым (см.: Добжанский В.Н., Ширин Ю.В. Указ. соч. С. 229). Согласно второй, Кузнецкий острог постройки 1618 г. был перестроен (возможно, заново отстроен) теми же воеводами, но несколько раньше — уже осенью 1619 г. Летом же 1620 г. на правобережье Томи был построен Третий кузнецкий острог (см.: Лизогуб П.П. Некоторые вопросы начальной истории г. Кузнецка // Новое в развитии исторического краеведения и регионального музееведения. Материалы конференции. Новокузнецк, 2003. С. 84-94).

же Нарыму воротили»⁸. Если в отношении Я. Черногузова ничего определенного сказать нельзя, то З. Ларионов прямо указан как казак Кузнецкого острога. В «Списке... 132 году» он поставлен первым из рядовых казаков.

Столь раннее появление непосредственно кузнецкого служилого гарнизона не должно удивлять. Дело в том, что томские годовальщики — поначалу единственный, а с 1620 г. основной дополнительный источник формирования кузнецкого гарнизона — представляли собой весьма ненадежный и беспокойный контингент. С одной стороны, особенно в первое время, томское руководство зачастую не стеснялось прибегать к искусственной задержке в отправке годовальщиков в острог как к элементу силового давления на кузнецких воевод в решении вопроса об административной соподчиненности Кузнецка Томску⁹. С другой стороны, сами томичи нередко отказывались идти на «годовую» в Кузнецк до тех пор, пока им не будет выплачено их полное жалование, что в сибирских условиях выполнить было всегда трудно¹⁰.

Кроме того, годовальщики, верховное начальство которых — томские воеводы — находилось далеко, в Томске, чувствовали себя в Кузнецке более независимо в отношениях с местными воеводами, чем собственно кузнецкие служилые люди. Достаточно вспомнить конфликт лета 1620 г., когда годовальщики отказались выполнить распоряжение кузнецких воевод и даже избили одного из них¹¹. К тому же уже с 1620-х гг. фиксируются случаи, когда при отправке в Кузнецк томские служилые люди «в свое место посылают детей своих и племянников, которые в государеву службу не годны. И ноймут в свое место гулящих людей и те гулящие люди из Кузнецкого острогу з государевы службы бегут в Томской город»¹².

Все эти обстоятельства могли крайне отрицательно сказаться как на объемах собираемого ясака, так и на боеспособности важного в политическом и стратегическом отношении Кузнецкого острога. Поэтому центральные власти уже с первых лет существования Кузнецка начинают формировать собственно кузнецкий военный гарнизон. Его ядро составили казаки — строители острога, набранные и поверстанные на службу в городах главным образом северо-восточной части европейской Руси и присланные вместе с воеводой О. Аничковым.

Вообще многие казаки из «Списка... 132 году» оставили заметный след в истории Кузнецка XVII в. Например, упоминаемый уже Т. Дементьев, а также К. Офонасьев, Г. Тузовский, И. Путимец и некоторые другие стали основателями целых семейных кланов кузнецких служилых людей¹³. П. Дорофеев, обозначенный в нашем источнике еще как рядовой казак, к концу 1620-х годов становится десятником, а к началу 1640-х годов — казачьим атаманом, возглавлявшим многие походы против неприятеля. Нередки в последующих кузнецких документах фамилии казацких командиров В. Аверкиева (по «Списку» — десятник), К. Володимерова (по «Списку» — рядовой), также не раз отличившихся в боях с «иноземцами». Нередко казаки складывали головы на кузнецкой службе. Так К. Володимеров, уже будучи пяти-

⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. Приложения. №99. С. 446.

⁹ См. подробнее: Лизогуб П.П. Указ. соч.

¹⁰ Кузнецкие акты. Вып. 1. №40. С. 142.

¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Приложения №97. С. 445.

¹² СПбФАРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. Д. 231. Л. 441об.-442.

¹³ Чигрик Г.М. Указ. соч. С. 93-94.

десятиником, погиб в бою с телесами в декабре 1643 года¹⁴. Зимой 1628 г. та же участь постигла О. Филипова¹⁵. Несколько особняком в этом траурном перечне стоит фамилия А. Бокая (в «Списке» он указан как конный казак из «присыльных черкас»). Стремление к вольнице заставило А. Бокая решиться на побег из Кузнецкого острога. Пойманный, он был приговорен к смертной казни¹⁶. По-разному складывались судьбы кузнецких служилых людей «первого призыва», но все они в той или иной степени были сопричастны к истории нашего города.

В настоящей публикации документа сохранены особенности орфографии оригинала, лишь буквенное обозначение чисел заменено арабскими цифрами, в скобках даны: без вопросительного знака — необходимые в современном написании буквы, с вопросительным знаком — сомнительно читаемые места оригинала.

Приложение:

(Л. 81) Список с кузнецких имянных книг 132 году, что кому дано в государева царева и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси и денежного жалован(ь)я на нынешней на 132 год по окладу их.

Кузнецково острогу пешие казаки десятиником по 5 рублей бес чет(ь), а рядовым по 4 рубля с чет(ь)

Десятники //

(Л. 81 об.) Володка Аверкиев

Гришка Яковлев

Томилко Ларионов

Ивашко Иванов

Рядовые казаки

Зав(ь)ялко Ларионов

Петрушка Дорофеев

Осипко Филипов

Оксенко Семенов

Тренка Семенов

Осташко Степанов

Семка Васил(ь)ев

Сидорко Федоров

Костя Кирилов

Васка Новокрещен

Петрушка Григорьев

Исачко Петров

Оле(...) Семенов

Тишка Дементьев

(Т?)река Семенов

Кузимка Володимеров

Филка Васил(ь)ев //

¹⁴ Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII - нач. XVIII вв. / Сост. М.О. Акишин. Новосибирск, 2000. Док. №12. С. 173.

¹⁵ Кузнецкие акты. Вып. 1. №39. С. 139.

¹⁶ Кузнецкие акты. Вып. 1. №43. С. 150.

(Л. 82) Петрушка Михайлов
Парфенко Борисов
Офонка Федоров
Кирилко Офонас(ь)ев
Нагайко Ондреев
Федка Васил(ь)ев

Прибраны по отпискам из Тоболска боярина и воеводы князя Юрья Янше-
евича Сулешова гулящие люди¹⁷

По 4 рубля с чет(ь)
Ивашко Павлов
Степанко Михайлов
Савка Панфилов
Макарко Дементьев
Вавил Панфилов
Ивашко Бедарь //
(Л. 82 об.) Ивашко Путимец
Ивашко Игнатьев
Шестачко Яковлев
Ивашко Белоко(пыт?)
Кузимка Федоров
Тренка Оверкеев
Гришка Иванов
Васка Романов
Ивашко Мокеев
Васка Савел(ь)ев
Семенка Мокроусов
Васка Григор(ь)ев
Ивашко (Атеев?)
Первушка Дмитриев

Присыльные черкасы, которые при- // (Л. 83) сланы в Кузнецкий острог
ис Тоболска в конные казаки

По 7 рублей с четъ
Карпик Захар(ь)ев
Воинко Кашпиоров
Олешка Бокай
Михалко Мезеня
Гришка Тузовской

Присыльные ж пешие черкасы

По 4 рубля с четъ
Ивашко Федоров

¹⁷ Поскольку Ю.Я. Сулешов вступил в должность тобольского воеводы 7 июля 1623 г., то указанные «гулящие люди» могли прибыть в Кузнецк не ранее конца лета 1623 г.

Ивашко Волк
Мишка Данилов
Мишка Гаврилов
Гришка Данилов
Федка Матвеев //

(Л. 83 об.) Ружники
6 рублей
Московской (богородской?) архангелской ключар(ь) Иван(к)о Иванов

4 рубля с полтиной
Под(ъ)ячей Родка Савин

5 рублей
Кузнец Петрушка Яковлев

РГАДА. Сибирский приказ. Кн. 458.

ЛИТЕРАТУРА

Добжанский В.Н. Первый кузнецкий священник И. Иванов // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 12-16.

Добжанский В.П., Ширин Ю.В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок, 2002.

Кузнецкие акты XVII - пер. пол. XVIII вв. / Сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский. Кемерово. 2000. Вып. 1.

Лизогуб П.П. Некоторые вопросы начальной истории г. Кузнецка // Новое в развитии исторического краеведения и регионального музееведения. Материалы конференции. Новокузнецк, 2003. С. 84-94.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.

Первое столетие сибирских городов. XVII в. Новосибирск, 1996.

Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII - нач. XVIII вв. / Сост. М.О. Акишин. Новосибирск, 2000.

РМО. 1654-1685 / Сост. Г.И. Слесарчук. М., 1996.

Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка XVII в. // Русские говоры в Сибири. Томск, 1979.

Оружие*

«А было у казаков три пушки медные,
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули».
Историческая народная песня

Для истории присоединения Сибири и Кузнецкого края очень важным остается вопрос о тактике и стратегии русских войск, включая вооружение, ибо он связан с необходимостью более четкого объяснения главных причин успешной военной политики России за Уралом. Не секрет, что в массовом сознании прочно укоренилось мнение о решающем техническом превосходстве русских войск, благодаря монополии на огнестрельное оружие. На самом деле длительного превосходства такого рода не существовало. Это правило распространяется не только на Сибирь, но и на Америку, где происходили похожие процессы расширения государственных территорий европейских государств.

Конечно, был шок у таежных охотников и рыбаков с берегов сибирских рек, у степных кочевников Западной и Восточной Сибири, когда они впервые лицом к лицу столкнулись с бородатыми пришельцами с другой стороны Уральского хребта. Но, как правило, паника быстро исчезала после нескольких боев. Практически все сибирские аборигены не только приспособились к огнестрельному оружию, но и сумели освоить его в короткий исторический срок. Известны случаи, когда туземцы, живущие в условиях каменного века, подбирали ружья у мертвых казаков и тут же открывали ответный огонь, многие историки не признают обладание огнестрельным оружием решающим фактором победы над азиатскими противниками.

Действительно, ручное огнестрельное оружие само по себе не смогло сломить упорное сопротивление аборигенов русской экспансии. Этот факт подтверждается на примере завоевания Кузнецкого края, кровопролитной войны с Джунгарией, с телеутами и енисейскими киргизами.

Поначалу на вооружении сибирских войск находились тяжелые, громоздкие фитильные пищали с низкой скорострельностью и плохой кучностью боя. Они совершенно не годились для стрельбы с дальних дистанций, с лошадей и в сырую погоду. На выстрел из такой пищали тратилось несколько драгоценных минут. В это время опытный лучник мог послать точно в цель до 30-40 стрел. Естественно, в этих условиях возрастала роль рукопашных схваток, для которых требовалось обладание комплексом холодного и защитного вооружения. Немалую роль при этом играли природная сила и ловкость.

* Данная публикация представляет собой выдержку из научно-популярного очерка по истории Кузнецка и его военного гарнизона, который, мы надеемся, скоро выйдет в полном объеме. Весь материал основан на многолетних архивных исследованиях автора. В силу своего жанра, текст освобожден от научного аппарата (*Прим. ред.*).

Впрочем, пищали имели одно значительно преимущество перед традиционным оружием дальнего боя кочевников — они обладали огромной убойной силой. Круглая свинцовая пуля, которая отливалась казаками вручную для каждой пищали в отдельности, весившая до 50 г, разила наповал противника на расстоянии более 100 м. Боевые стрелы кочевников в этом смысле сильно уступали. Известно множество фактов, когда русские казаки, израненные вражескими стрелами, истекая кровью, добирались до дома, лечились и вскоре вновь становились в строй. Для их противников же любая рана могла оказаться смертельной.

В остальном пищали не имели никаких преимуществ перед дальнобойным луком. Знатоки военного дела заметили, что «всякий, кто находился под огнем стрелков, вооруженных гладкоствольными мушкетами, не мог вынести иного впечатления, кроме глубокого презрения к результатам мушкетного огня на средних дистанциях».

Этот вывод распространяется и на гладкоствольные пищали с кремнево-ударным замком, которыми перевооружилась русская армия после Смуты начала XVII в., с той лишь разницей, что кремневые пищали были более скорострельными и надежными. В царствование Петра Великого унифицированные кремневые пищали со штыком назывались «фузеями». Принцип действия этого оружия заключался в том, что огонь, воспламеняющий затравку, высекался в момент удара кремня по стальной пластине-огниву. Кремень был закреплен, как в миниатюрных тисках, особым зажимом на курке. Розовые пищальные кремешки разного размера, сбитые по краям, часто встречаются в культурном слое Кузнецкого острога и на других средневековых русских памятниках Сибири. Полку с порохом плотно закрывала специальная крышка, которая открывалась автоматически от удара курка по огниву. Она предохраняла порох от попадания влаги, и делала ружье постоянно готовым к выстрелу. Скорострельность кремневых пищалей, по сравнению с фитильными, увеличилась в два раза.

Те и другие оставались гладкоствольными, хотя в документах иной раз встречаются упоминания о «винтовальных» ружьях, имевшихся на вооружении у служилых людей и крестьян. В XVIII в. казаки и драгуны почти поголовно обзавелись кремневыми пистолетами, удобными для использования в ближнем и конном боях.

Пока продолжались частые вооруженные столкновения в Кузнецком уезде, необходимость в специальном обучении войск не ощущалась остро, ибо казаки сами на практике учились с детства метко стрелять, колоть пикой и рубить саблей. Правда, артиллеристы всегда специально практиковались в стрельбе из орудий по мишеням, чтобы не растерять умения быстро заряжать, наводить и точно поражать цель.

Позже, когда масштабы военных действий сократились, встал вопрос об организации регулярных учений сибирских войск. В омском архиве автору этих строк доводилось видеть мишени середины XVIII в., которые использовали кузнецкие казаки, отрабатывая навыки стрельбы из огнестрельного оружия. По мишени трудно определить, кто из казаков оказался наиболее метким стрелком, но в целом очевидно, что порох и свинец, выдававшиеся из казны бесплатно, тратились не напрасно.

Боевые действия в Сибири скоро показали, что использование огнестрельного оружия в поле не всегда рационально. Поэтому сибирские служилые люди часто брали на вооружение старинные лук и стрелы и владели ими не хуже противников. В источниках часто упоминаются «сайдаки», состоявшие на вооружении сибирских казаков и слободских драгун Тобольского уезда. Один из путешественников, посетивший Томск в 1719 г., стал свидетелем учений местных казаков. Они поставили по-

середине луга шест и, «скачучи мимо оногo во всю прыть, попадали в него стрелами все без ошибки». Можно не сомневаться, что кузнецкие казаки использовали лук и стрелы не хуже своих томских коллег. В культурном слое Кузнецкого острога постоянно попадаются костянные и железные наконечники стрел в основном туземного происхождения, хотя встречаются и чисто русские наконечники. Возможно, казаки все же предпочитали унифицированную туземную продукцию, изготовлявшуюся на месте кузнецкими татарами.

Пока казаки заново осваивали боевой лук, противники, не теряя времени даром, интенсивно изучали действие огнестрельного оружия. Уже в середине XVIII в. некоторые кочевники имели на вооружении трофейные пищали. Затем фитильные пищали стали попадать в Южную Сибирь из Бухары и Китая. Мало того, пленный швед Ренат, захваченный калмыками под Ямышевом, завел в Джунгарии малокалиберную артиллерию. Он отлил по специальному заказу контайши 20 пушек, использовавшихся в войнах против казахов. Джунгарские канониры падали из них прямо с верблюжьих горбов.

В середине XVIII столетия беглый русский мастерской по прозвищу Бидяга попытался передать джунгарам новейшую технологию изготовления крупнокалиберных пушек, однако несколько опытных образцов его продукции позорно разорвались на испытаниях. Контайша Галдан-Церен испытывал очень большой интерес к огнестрельному оружию, пытаясь вооружить им своих солонов (солдат). По его приказу на Алтае и в других местах Джунгарии производилась разведка селитры, были построены несколько мануфактур по производству пороха. Русское правительство крайне ревниво следило за тем, чтобы секреты по производству огнестрельного оружия не попали за границу. Петр I категорически запретил торговать с азиатами оружием и боеприпасами, а Елизавета I настойчиво требовало вернуть предателя Бидягу на родину. После смерти Галдан-Церена русское правительство частично успокоилось, ибо из-за междоусобицы все его начинания в области вооружения пошли прахом.

Обзаведясь огнестрельным оружием, кочевники быстро научились обращаться с ним не хуже казаков. Скорострельность фитильных ружей была доведена до 2-3 выстрелов в минуту. Академик Радлов подробно описал процесс стрельбы алтайских горных калмыков. По его мнению, «алтайцы обращаются с ружьями очень... умело и стреляют очень быстро, гораздо быстрее, чем это возможно с ударным ружьем, так, что фитильные для них не так уж плохи, недостаток их лишь в том, что много времени занимает начальная подготовка-зажигание фитиля, а кроме того, ими совершенно нельзя пользоваться при сырой погоде».

Таким образом, ручное оружие дальнего боя не давало преимущества ни одной из сторон. Недостатки пищалей уравнивались несомненными достоинствами луков, и наоборот. Обе стороны прекрасно владели и тем и другим оружием. Однако наиболее полно преимущества «огненного боя» проявлялись в обороне, когда стрелок под защитой крепостных стен мог, не спеша, прицелиться и метко выстрелить, в одиночку или залпом.

Особенно страшным оружием в обороне являлись пушки и тяжелые затинные пищали. Они буквально опустошали ряды атакующих неприятелей. Сибирские казаки прекрасно знали, что сибирские аборигены панически боялись русской артиллерии, не умея его подавить. Не раз исход боя под стенами сибирских крепостей решали именно пушки. Не случайно местная старинная легенда рассказывает о кузнецком Гавро-

ше, который столь ловко навел крепостные орудия, что буквально одним залпом обратил в бегство толпы врагов.

Что касается защитного и холодного вооружения, то оно, конечно, абсолютно не влияло на исход многолетних кампаний, а потому русские казаки не уделяли ему большого внимания. Впрочем, некоторые из них имели панцири, кольчуги, шлемы, сабли, пики и прочее, но отнюдь не все. Они часто пользовались вооружением местного производства, которые изготавливали кузнецкие татары. Это вооружение ценилось по всей Южной Сибири. Телеуты, киргизы и джунгары постоянно брали алман железными изделиями, включая защитное и холодное вооружение. Русское правительство стремилось отсечь противников от этого важнейшего источника снабжения кочевников оружием.

Самыми распространенными видами холодного оружия казаков оставались узкая стальная сабля восточного типа с изогнутым клинком и пика со стальным наконечником, а также кистень или сулема. Обломок казачьего палаша был найден в культурном слое Кузнецкого острога под полом Спасо-Преображенского собора. Здесь же оказалось немало железных ножей различного размера. Боевой кистень был недавно обнаружен новосибирскими археологами в Минусинской котловине на территории бывшей Киргизской земли, куда не раз походами ходили кузнецкие казаки.

В XVIII в. на вооружение сибирских войск поступили шпаги и палаши отечественного и импортного производства. Как правило, правительство предпочитало посылать в Сибирь оружие бывшее в употреблении после починки. Это правило распространялось и на холодное, и на огнестрельное оружие. Очевидно, практичные генералы из Военной коллегии не рассматривали Сибирь в качестве важного театра военных действий, а потому экономили на снабжении оружием сибирских войск.

Солдатские и драгунские шпаги и палаши прусского производства сохранились в экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея. Здесь же в витринах под стеклом красуются ржавые пистолетные стволы, включая самодельные фитильные, сконструированные из обрезка медного мушкетного ствола с раструбом, а также кольчуга неизвестного происхождения, которая, возможно, принадлежала одному из кузнецких казаков.

В фондах историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» хранится острый, как жало клинок парадной офицерской шпаги со следами золоченой гравировки по стали и остатками позолоченного эфеса. Рассказывают, что этот клинок был обнаружен вместе с пистолетом в деревне Таргай. Это неудивительно, ибо в окрестностях Кузнецка и в самом старом городе часто попадаются на огородах и в домах предметы вооружения и военного быта — револьверы, винтовочные и пистолетные стволы, сабельные эфесы, тесаки, штыки, пули и патроны, лядунки, наконечники, приспособления для изготовления пуль, пищальные кремни, детали пищалей. В селе Драгунском лет 50 назад была обнаружена даже мортира, которая, к сожалению, пропала.

О вооружении кочевников возможно судить по документам и археологическим данным. В стандартный набор оружия телеута, киргиза или ойрата входили лук, стрелы в колчане, пика с наконечником или без него, зачастую пищаль, панцирь, шлем и, конечно, сабля и нож.

Отдельно следует сказать о боевом духе противников русских казаков. Современники отмечали, что крайней свирепостью и коварством отличались все сибир-

ские аборигены, включая кузнецких татар (будущих шорцев). Иногда их безосновательно обвиняют в кротости и пассивности — напрасно. Более 20 лет кузнецкие татары ожесточенно сопротивлялись русской экспансии, беспощадно расправляясь с отдельными группами русских казаков, участвуя в осадах Томска и Кузнецкого острога. Видимо, они использовались исключительно в пешем строю, о чем свидетельствует специфика быта кузнецких татар — прирожденных пеших таежных охотников. Этнографы в один голос утверждают, что они отличались поразительной выносливостью в пеших и лыжных переходах на длинные дистанции. Эти природные марафонцы метко стреляли в цель из лука и прекрасно ориентировались в горно-таежной местности. Последнее качество делало из них незаменимых разведчиков, чем часто пользовались русские и их противники, собиравшие информацию друг о друге.

И все же кочевники стояли особняком от других сибирских аборигенов. Они имели лошадей, а потому отличались высокой маневренностью. Каждый мужчина являлся потенциальным воином, всю жизнь проводил в седле, в разъездах, в набегах на соседей, мастерски владел оружием. Все кочевые народы в прошлом уже познали вкус грандиозных побед, которые отразились в народном эпосе. В народной психологии укоренился своеобразный иммунитет против рабства, холопства. Из этнографии известно, сколь ненавидели алтайские калмыки рабство и ценили свободу превыше любого богатства. Такие слова, как «работник» и «слуга» они не выносили и предпочитали скорее умереть, чем поступить в услужение — отмечал Радлов.

Участники военных кампаний за Уралом постоянно рассказывали, что кочевники все как один являются «быстрым и опасным врагом». Они «очень ловко обращаются с луком и стрелами», «никогда не идут в бой без кольчуги и пик», «выходят на бой прекрасно вооруженными, в шлемах, в кольчугах и с коньми».

Сохранился красноречивый рассказ профессора Иоганна Гмелина о военном мастерстве алтайских калмыков, которые по просьбе участников академической экспедиции организовали показательные стрельбы своими «довольно широкими и тупыми стрелами». Он пишет, что «все они попали в цель на расстоянии 7-8 сажень» (15-20 м). Затем калмыки расставили мишени и, «проезжая мимо них во весь мах», посылали стрелы в цель. «Удивительно, с какой сноровкой они делали это», — восклицал немецкий ученый. «Да и как этому не удивляться, — оправдывался он, — ведь они простые поселяне, и никто не руководил ими в их верховых упражнениях». Интересно, что стрельба из луков по мишеням калмыками, видимо, не очень отличалась от подобной стрельбы томских казаков. Удивление и восхищение Гмелина кажется весьма странным, ибо обучение военному делу у кочевников начиналось с малых лет и продолжалось всю жизнь. Никто специально ими не «руководил», но сказывалась богатейшая практика.

Гмелин также обратил внимание, что они «очень ловко сидят на коне; с правой стороны у них висит колчан, а с левой — лук». Туземцы охотно продемонстрировали ученым боевые наконечники стрел; оказавшиеся «гораздо острее остальных», предназначенных для охоты на животных. Кстати, взаимодействие человека и лошади у кочевников доходило до поразительного уровня, поражающего многих очевидцев. Радлов с удивлением отметил, что многие алтайцы совсем не умеют ходить пешком, но зато «как только алтаец садится на лошадь, меняется вся его осанка..., его взгляд становится свободней, тело выпрямляется, кажется, что в

жилах его течет обновленная кровь. Лошадь и всадник сливаются в одно целое и, глядя на них, начинаешь понимать, как могла фантазия древних греков создать из северных народов, не расстающихся с конем, кентавров».

Кочевники обычно сидели в седле прямо, плотно прижав руки к бокам, чтобы они не болтались. Сбруя была проста и рациональна. Она рассчитывалась на то, чтобы не уставать в дальних верховых переходах, чтобы лошадь всегда оставалась подле наездника и чтобы руки были свободными для пользования оружием или трубкой.

За столетия алтайские скотоводы вывели особую породу лошади, которая отличалась красотой и плавностью хода. «Помимо красоты, — писал Радлов, — алтайскую лошадь отличают еще быстрота и ум, а также выносливость». Один путешественник уверял, что в трудных местах, пожалуй, верней положиться на калмыцкую лошадь, чем двигаться пешком, так как эти умные и привычные к таким дорогам животные с удивительной осторожностью и вместе с тем с полной уверенностью соизмеряют свои прыжки, часто им приходится приставлять задние ноги к передним, чтобы удержаться на узких карнизах». Алтайцы предупреждали спутников Радлова, чтобы они не сходили с лошадей в трудных местах, ибо у человека две ноги, а у лошади четыре.

Подобные лошади и всадники, стоявшие друг друга, превращали войско кочевников в неуловимую конную армию и тогда высокая маневренность каждого отдельного воина превращалась в стратегическое свойство, о чем свидетельствует исторический опыт разных народов, испытывавших на себе удары огромных конных масс. Маневренность военных отрядов сибирских кочевников часто повышалась искусственно за счет двух лошадей, которых брали в набег. Если одна лошадь уставала, то ее бросали в степи и уходили от погони на свежей. Свобода маневра являлась главным преимуществом кочевников, и они его прекрасно понимали, стараясь выманить русские войска из-под защиты крепостных стен, заманить их в ловушку, окружить, посеять панику, раздробить на части и разбить поодиночке. Сталкиваясь с оборонительной тактикой, кочевники часто пасовали, не умея навязать свою волю.

Таким образом, легенды о легкости покорения Сибири следует отбросить из-за их несостоятельности. Здесь происходила кровавая борьба между сильными противниками, которую можно назвать необъявленной войной, отличной от больших войн России с европейскими государствами или Турцией. Из-за нетипичности сибирские войны трудно обнаружить, но невозможно отменить, ибо жертвы этих войн являются немymi свидетелями незаметной схватки в степях и таежных дебрях за Уральским хребтом. Обе стороны не имели существенного технического или морального превосходства друг над другом. Военного успеха можно было добиться лишь при помощи более гибкой тактики и правильной стратегии. Именно в этих компонентах русские войска превзошли своих соперников.

Прежде всего в глаза бросается успешная стратегия военно-инженерного наступления. Она использовалась славянами с древнейших времен против печенегов и половцев. Московские цари также прибегали к ней для отпора крымским татарам, устраивая знаменитые засечные черты на южных рубежах государства. С их помощью к России была присоединена Дикая степь, а татары заперты в Крыму. Известно, что Иван Грозный покорил Казань лишь после сооружения Свияжской крепости на Волге. Окончательный разгром Кучума стал возможен только после устройства Тюмени, Тобольска и Тары.

Мировая практика подтверждает правильный выбор стратегии русским правительством. Метод военно-инженерного наступления в Америке использовали все нации — французы, англичане, испанцы. Американцы вели успешное наступление на индейцев племени сиу в XIX в., также опираясь на свои укрепленные форты. Правда, индейцы Северной и Южной Америки частенько умудрялись брать приступом крепости европейцев, а сибирские аборигены этой осадной хитростью не владели. Этим успешно пользовались сибирские войска.

В русских крепостях за Уралом концентрировались войска, хранилось оружие и боеприпасы, здесь спасалось окрестное население от разорительных набегов аборигенов. Оценив неуязвимость высоких острожных стен, русское правительство не боялось строить новые крепости в глубине неприятельских земель, откуда шло постепенное распространение русского влияния на окрестные народы. Города и остроги отнюдь не фиксировали окончательное присоединение новых земель, они лишь обозначали направление главного удара.

К примеру, сооружение Кузнецкого острога не сразу привело к расширению границ России, не все аборигены на берегах Томи и ее притоках согласились принять русское подданство и платить дань. Долгие годы русские пионеры не могли отойти далеко от стен крепости под угрозой физического уничтожения. Исключительная настойчивость и мужество казаков позволили шаг за шагом, опираясь на Кузнецкий острог, объясачить всех северных и часть южных алтайцев, вытеснить из спорных районов Южной Сибири телеутов, киргизов и калмыков. Кузнецкий острог являлся промежуточным этапом на пути установления полного господства России в этом огромном регионе. К счастью, неприятели не смогли избавиться от русской крепости, хотя отчаянно желали стереть ее с лица земли, о чем не раз прямо говорили русским посланцам.

Подобное желание понятно. Одинокий Кузнецк подобно волнорезу успокаивал беснующиеся вокруг вражеские орды и при этом казался легко уязвимым. Однако окрестные кочевники и джунгары так и не научились атаковать крепости, в отличие от американских индейцев. Все успехи джунгар в области штурма укреплений за долгие годы ограничились разрушением Бикатунского острога в 1710 г. и осадой Ямышевской крепости в 1715-1716 гг. Можно также вспомнить осаду Кузнецкого острога в 1615 г., которая, впрочем, завершилась удачной контратакой служилых людей.

Успехи джунгар в области штурма Бикатунского острога и Ямышевской крепости нельзя признать типичными. Гарнизон Бикатунского острога был настолько малочисленным, что более удивительной представляется девятидневная оборона крепости, чем поражение от десяти тысячного войска. Катастрофа же под Ямышевом произошла из-за авантюризма царя Петра и губернатора Гагарина, а с военной точки зрения главная причина поражения заключалась в огромном отрыве русских войск от тыловых баз снабжения. Высокая надежность русских укреплений фиксируется не только в Южной Сибири, но и повсюду за Уралом, где происходили ожесточенные сражения русских войск с аборигенами.

Противники России в Южной Сибири, как правило, не ставили перед собой четких стратегических целей или не умели добиваться победы в долголетних кампаниях. Причины крылись в малочисленности и разобщенности сибирских аборигенов, а также в специфике их военного искусства, ориентированного на достижение локальных успехов. Поэтому мнение отдельных историков о том, что единовременное выступление значительного количества аборигенного населения могло привести к полно-

му поражению России и «утрате уже приобретенных земель», является чисто умозрительным предположением, гипотетической конструкцией.

Военная история Сибири знает немало массовых вооруженных выступлений аборигенов — все они закончились плачевно. На западе, на востоке, в самом сердце Сибири постоянно группировались многочисленные вооруженные альянсы. Башкиры, каракалпаки, казахи, западные и восточные монголы, сибирские татары, алтайцы, енисейские киргизы и многие другие народы не раз объединяли усилия с целью свержения русского господства, но выбить Россию из Сибири не удалось никому. Следовательно, никакие массовые мятежи, сколь опасными они бы ни показались, были не в силах поколебать неумолимый ход истории. Военно-стратегическая политика России на Востоке была фатально обречена на успех.

Формула военных успехов России не ограничивалась эффективной военно-инженерной стратегией. Другим компонентом успеха являлась тактика русских войск, строившаяся на умелом чередовании обороны и наступления. Русские войска тщательно готовили свои действия в поле; они стойко держали удар и немедленно переходили в контрнаступление, когда деморализованный противник начинал паническое отступление. Преследование противника продолжалось до полного его изнеможения. Подобный прием часто использовали кузнечане, томичи и красноярцы, окруженные в стенах крепостей. При этом упор делался на уничтожении живой силы врага. Подобная цель преследовалась и при нанесении превентивных, упреждающих ударов по кочевым улусам.

Заслуживает внимания организация сибирской администрацией стратегической и тактической разведки, особенно сбор и анализ информации в центре и на местах. Это позволяло держать руку на пульсе всех событий в Южной Сибири и в окрестных государствах, чутко реагируя на малейшие военные приготовления противников. Уже вскоре после сооружения Кузнецкого острога русские войска было очень трудно заставить врасплох, как ранее. Постепенно сложилась целая система отслеживания, доставки и анализа данных разведки.

Первоначально информация попадала к местным властям от кузнецких татар и других алтайцев, которые находились на самой границе Кузнецкого уезда. Дальше начиналась проверка сведений и их уточнение. Для этого из Кузнецка на границу отправлялись небольшие вооруженные отряды или замаскированные шпионы под видом купцов, послов, сборщиков ясака, геодезистов, рудознатцев, промысловиков.

Вернувшись, разведчики докладывали обстановку, опираясь на собственные наблюдения и опросы местных жителей, после чего воеводская канцелярия делала выводы и вместе с информацией докладывала их наверх, в столицу Сибири Тобольск. Там сведения еще раз обрабатывались и оттуда отправлялись в Санкт-Петербург, где оседали в Сибирском Приказе, Военной коллегии, Коллегии иностранных дел или в Сенате. Самые важные дела докладывались царю. На основании этих данных строилась вся восточная политика русского государства.

Азиатские противники России подобной системы отнюдь не имели, а контрразведка кочевников носила случайный характер, хотя пойманному шпиону приходилось нелегко. Выше уже рассказывалось об испытаниях, выпавших на долю сына боярского Андрея Ефремова, который имел задание вести разведку в телеутских улусах под видом поиска беглых ясачных людей. Еще хуже телеуты обошлись с туземцем Чеоктоном (предположительно кузнецким татарин). Именно он предупредил кузнечан о

нападении кочевников в 1710 г. Телеуты выкололи ему глаза, нарезали из спины ремней и повесили на дерево умирать заживо.

Бросается также в глаза, что кочевые противники не умели вести бой крупными массами. Почти все грандиозные походы кочевых орд на Кузнецкий уезд всегда вырождались в погромы и грабежи беззащитных деревень и ясачных волостей. В этом смысле подобные экспедиции неприятелей были даже менее эффективными, чем набеги мелких «воровских шаек». Основной формой вооруженной борьбы кочевников с Россией по всей Сибири являлись набеги конных летучих отрядов для разорения деревень, ясачных волостей, захвата пленных и увода данников из числа коренного населения, отгона скота, уничтожения запасов продовольствия, уничтожения мелких русских военных отрядов и сборщиков ясака, нападения на пограничную охрану, на конвои, почту, обозы и т. д.

Русские чиновники совершенно верно подметили главную тактическую особенность кочевников, заключающуюся в умении «тайно, воровски подбеги чинить, а паче лошадей отгонять и, в разъездах находящихся людей, внезапно подбегая красть, разделяясь на партии... Они же, — писали очевидцы, — имея исправных лошадей ретируются с великим поспешанием, но когда разбиты бывают, то по своей своейвольности их... паки (опять — *А.О.*) собрать и к военному делу обратить трудно...» Пользуясь этой слабостью неприятелей, русские войска безжалостно истребляли врагов, особенно зимой, когда они находились в беззащитном состоянии. Подобные зимние рейды томичей, кузнецан и краснаярцев привели к тяжелому поражению енисейских киргизов, после чего они так и не смогли оправиться.

Нередко русские служилые люди весьма жестоко относились к своим противникам, однако они платили им тою же звонкою монетой, усвоив истину, что кочевники легче понимают язык грубой силы, чем дипломатии, хотя оба средства интенсивно использовались русским правительством для стабилизации военно-политической обстановки на границе. Очень хорошо зарекомендовала себя в Сибири практика насильственного аманатства, распространенная повсеместно. Ее смысл заключался в захвате заложников из числа знатных туземцев и содержании их в крепостях для шантажа сородичей, которые реже пускались в набеги, опасаясь за жизнь аманатов.

Таким образом, победа русских войск за Уралом была обеспечена эффективной военно-инженерной стратегией, гибкой тактикой и отчасти техническим превосходством. Русское правительство максимально использовало эти преимущества и не оставило никаких шансов противникам. Это позволило в кратчайшие сроки занять огромные земельные пространства на Востоке. Земельные приобретения России в XVII-XVIII вв. вывели ее в разряд великих держав.

К вопросу о кузнецком восстании 1919 года

Кузнецкое восстание с 1 на 2 декабря 1919 г. событие неоднозначное и до конца не изученное. Большинство исследователей периода гражданской войны в Кузбассе, рассматривая основные события, лишь упоминают о восстании в Кузнецке и, наоборот, подробно анализируют деятельность Г.Ф. Рогова и его отряда. А тем временем кузнецкое восстание интересно не только тем, что оно являлось, по сути, первопричиной прихода партизан Рогова в Кузнецк. Оно интересно и тем, что это было восстание колчаковских солдат, принявших решение перейти на сторону противника. Ситуация конца 1919 г. в Кузнецке не была уникальна для того времени. Во многих сибирских городах происходили сходные события, образуя единую картину гражданской войны. Следовательно, частный пример кузнецкого восстания поможет представить, каким образом происходило крушение правления Колчака и восстановление советской власти в Сибири.

Единственную попытку проследить причины и условия кузнецкого восстания предпринял А.Б. Казанцев. Акцент в его исследовании был сделан на анализе этапов распространения большевистских идей в Кузнецке и росте партизанского движения на Алтае и в Кузбассе во второй половине 1919 г. В результате, по мнению А.Б. Казанцева, «в условиях прогрессирующего разложения колчаковской диктатуры... военный гарнизон Кузнецка... оказался наиболее слабым звеном в колчаковской обороне»¹. А вот сопоставить и подвергнуть перекрестному анализу воспоминания непосредственных участников и свидетелей кузнецкого восстания впервые попытались организаторы исторической секции музейного совета НКМ 2 ноября 1957 г. На секции в основном рассматривались наиболее спорные моменты восстания в ночь с 1 на 2 декабря 1919 года².

Воспоминания участников и свидетелей кузнецкого восстания — это основной материал по данной проблеме, которым мы располагаем на текущий момент³. Этот вид источника отличается известной долей субъективизма и требует сопоставления и дополнительного подтверждения документального характера. Поэтому следующим этапом в разработке темы кузнецкого восстания 1919 г. будет документальное исследование этого факта. А на данный момент для создания более объективной картины мы сочли необходимым расширить круг используемых воспоминаний и разделить их на три сопоставимые друг с другом группы.

¹ Казанцев А.Б. К вопросу о восстании солдат кузнецкого гарнизона // Краевед Кузбасса. 1972. Вып. 5. С. 92.

² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 3.

³ Воспоминания, которые составляют дела из раздела 3, были собраны сотрудниками НКМ в 1950-х гг. в связи с празднованием 40-летия установления Советской власти в Кузнецке. Воспоминания, которые составляют дела из раздела 8, собраны В.П. Девятиным в 1970-1980-х гг. в ходе разработки соответствующей историко-краеведческой тематики.

В первую группу участников восстания включены воспоминания солдат местной команды, а также 10-й и 11-й роты 62-го Бийского батальона, три роты которого находились в то время в Кузнецке. Степень участия тех или иных солдат в восстании была неодинаковой. В группу вошли воспоминания организаторов переворота (А.П. Михайлова, П.В. Потопаева), а также рядовых участников восстания (И.М. Фадеева, В.К. Попугаева, П.В. Коновалова, П.Г. Маслакова, Н.Г. и А.П. Петровых, Е.Л. Куртукова).

По социальному составу первая группа неоднородна. Если организаторы восстания имели рабоче-крестьянское происхождение, то среди рядовых участников встречались не только выходцы из крестьянских и рабочих семей (П.Г. Маслаков, Е.Л. Куртуков), но и из семей мещан (В.К. Попугаев, П.В. Коновалов, Н.Г. и А.П. Петровы) и мелких служащих (И.М. Фадеев). Подавляющее большинство солдат было мобилизовано в колчаковскую армию в августе-сентябре 1919 г. и служило в музыкальной команде местной команды, а трое солдат (Н.Г. и А.П. Петровы, Е.Л. Куртуков) призваны на службу в 10-ю и 11-ю роты 62-го Бийского батальона.

Ко второй группе относится воспоминание так называемого «политического руководителя» восстания Р.Т. Тагаева, который был выходцем из бедной крестьянской семьи и являлся активным участником большевистского подполья.

Третья группа включает в себя воспоминания так называемых сторонних наблюдателей. Если проанализировать социальный состав третьей группы, то можно сделать вывод о том, что большинство очевидцев кузнецкого восстания относились к мещанам и служащим (И.В. Попов, О.П. Николаева, И.Ф. Вилицов, П.Р. Дружинин, М.Г. Хомутова, А.П. Попова, М.Г. Новосельская, Н.А. Островский, Г.К. Ушаков, С.Д. Беляева, Н.Г. Винтовкина, В.С. Щуков, М.Г. Будкеев, Е.Г. Серебрякова, А.Н. Кропотова, С.В. Зеленчук).

Используя воспоминания участников и свидетелей кузнецкого восстания, необходимо учитывать и то обстоятельство, что воспоминания непосредственных участников переворота имеют ряд особенностей. С одной стороны, в них более подробно излагается ход восстания кузнецкого гарнизона, с другой — они содержат ряд существенных несоответствий. Р.Т. Тагаев, претендовавший на руководящую роль в восстании и подчас преувеличивавший свое направляющее значение, в своих воспоминаниях допускал неточности в описании событий тех дней. Объединяющей основой воспоминаний «сторонних наблюдателей» служит тот факт, что они сами непосредственного участия в восстании не принимали, но в той или иной степени являлись очевидцами переворота. Для воспоминаний этой группы характерно изложение событий ночи с 1 на 2 декабря 1919 г. либо выборочно, либо в общих чертах, что зависело от степени осведомленности кузнецчан о восстании в их городе.

Местная воинская команда размещалась в Кузнецке на территории между Спиртовым складом (винным заводом) и Крепостной горой. Это был постоянный воинский гарнизон города. Местная команда несла караульную службу по охране кузнецкой тюрьмы, винного завода, кузнецкого казначейства и других объектов. Часть солдат выделялась на пост у ворот местной команды, а также на дежурство в казарме и по кухне⁴. В местной команде числилось по разным источникам от 127 до 150 человек, и состояла она как из мобилизованных, так и из добровольцев. Призывались в нее в основном жители Кузнецка и окрестных поселений. Многие рассматривали службу в

⁴ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 18.

кузнецкой воинской команде как возможность избежать отправления на фронт, поэтому служили там не только сыновья крестьян, мелких ремесленников и служащих, но и вполне зажиточных горожан. Включала в себя местная команда четыре взвода (по четыре отделения в каждом) и созданную осенью 1918 г. отдельную музыкальную команду численностью, по разным данным, от 16 до 18 человек. Командиром кузнецкой воинской команды был поручик Ковригин Александр, а взводами командовали унтер-офицеры. И если в качестве командира местной команды фигурирует одна фамилия, то по поводу того, кто возглавлял взводы местной команды, не существует единого мнения. По воспоминаниям солдат музыкальной команды, первым взводом командовал либо Георгий Бессонов, либо Ефрем Ашурков, вторым — Никита Куртуков, третьим — Александр Петухов либо Федор (Николай) Дарьин, четвертым — Камбалин. Фельдфебелем местной воинской команды был Георгий Иванович Хомутов, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., в казарме он имел специальную каптерку. Музыкантами с начала организации музыкальной команды управлял Петр Гаврилович Шукшин (начальник пожарной команды), а через два месяца капельмейстером становится Лев Вальдемарович Кох (из австрийских военнопленных)⁵.

С солдатами-музыкантами до обеденного перерыва, как правило, проводились общие занятия по строевой подготовке, по стрельбе, по уставам и т. д. в составе своих отделений и взводов. Каждый музыкант подчинялся своему отделенному и взводному командиру, спал на нарах в отведенном всему отделению месте. После обеденного перерыва музыканты уходили в специально подготовленное помещение, где капельмейстер Кох обучал их музыке. Иногда музыканты местной команды выступали в Народном доме перед жителями Кузнецка, выступали и на различных собраниях офицеров как в том же Народном доме, так и в офицерском собрании — в доме владельца пивоваренного завода Красимовича⁶.

В местной команде в плане дисциплины солдаты пользовались некоторыми вольностями: после вечерней проверки многие уходили в город самовольно, а музыканты совсем почти не притеснялись. Об этом периоде в истории местной команды (до начала крупномасштабных поражений колчаковских войск) подробно рассказал в своих воспоминаниях один из руководителей кузнецкого восстания, солдат музыкальной команды А.П. Михайлов. По его словам: «Коллектив наш, как и местная команда, был крепко спаян, дружен, в обиду друг друга не давали... Наше начальство не препятствовало этой сплоченности, а наоборот, говорило, что мы умеем постоять друг за друга». В команде откровенно обсуждались колчаковские порядки. Опасались только добровольцев из местных жителей: Павла Маслакова, Владимира Попугаева и Михаила Брикатнина. В случае их доноса у начальства сразу же появлялся повод для расправы над вольнодумцами⁷.

В музыкальной команде А.П. Михайлов познакомился с П.В. Потопаевым. Неприятие власти Колчака и «тяготение» к власти Советской превратило их в единомышленников. Вскоре к ним присоединились солдат первого взвода Филипп Тагаев, а затем повар местной команды Тимофей Федоров и унтер-офицер И.В. Суховольский. В свободное время единомышленники уходили на гору или на соседнее кладбище, где обменивались мнениями об услышанном за пределами казармы. Говорили о боях Красной армии, об обстановке в казарме, узнавали, кто из солдат «тянется» к Советской

⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 35. Л. 17 (221); Д. 41. Л. 21.

⁶ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 21.

⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 32.

власти, а кто не приемлет ее⁸. На одну из таких встреч Филипп Тимофеевич Тагаев пригласил своего брата Романа. Как вспоминал сам Р.Т. Тагаев, он наладил осенью 1918 г. связь с подпольщиками из местной команды по заданию новорождественской партячейки⁹.

На политически неграмотного А.П. Михайлова Р.Т. Тагаев произвел огромное впечатление своими знаниями о внешнеполитической и внутривластной обстановке. Роман Тимофеевич рассказал о партии большевиков, о том, что такое Советская власть, одобрил создание в местной команде «подпольной организации по борьбе с контрреволюцией» и поставил перед ней задачу выявить лояльных к Советской власти солдат, чтобы в нужный момент можно было на них опереться. И хотя, по признанию самих подпольщиков, они не были большевиками, но считали себя сторонниками Советской власти и готовы были «отдать за нее жизнь». Теперь в беседах с солдатами подпольщики всегда старались подвести под разговор политическую платформу. В таких беседах ненавязчиво выяснялось отношение собеседников к той или иной власти. Причем существует интересный факт, что подпольщики, пытаясь разъяснить солдатам, чем же предпочтительней Советская власть, сами не понимали, существует ли разница между большевиками и коммунистами, и не знали, за какую власть выступали последние¹⁰. Это говорило о том, что заговорщиков, как и солдат гарнизона, в идеях большевиков привлекала не столько их политическая основа, сколько понятные и близкие их чаяниям лозунги. При помощи этих обещаний большевики в результате и обеспечили себе победу над политическими противниками.

К маю 1919 г. в Кузнецке произошли перемены. В связи с появлением партизанских отрядов и враждебно настроенных к колчаковской власти рабочих и крестьян в город, видимо, не надеясь только на силу местной команды, командование кузнецкого гарнизона ввело часть 62-го Бийского батальона в составе 10-й, 11-й и 12-й рот. Командовал батальоном капитан Скурат, чех по национальности. Подразделения батальона разместились в центре Кузнецка, в зданиях вокруг Базарной площади. Из трех рот 11-я рота была в полном составе и считалась карательной, призывали в нее в основном сыновей купцов и чиновников. Многие из них были добровольцами. Командовал ротой поручик Миловидов. Поскольку 11-я рота рассматривалась как оплот колчаковской власти в Кузнецке, обмундирование и вооружение в ней было лучшее. Обмундирование солдат и унтер-офицеров состояло из френчей английского сукна, вооружены они были трехлинейными винтовками, имелись в роте также два пулемета — «Кольт» и «Максим»¹¹. Самой неблагонадежной в батальоне считалась 10-я рота численностью в 60 человек под командованием поручика Замашикова. Пополнялась рота из дезертиров колчаковской армии, а также из выздоравливающих солдат, прибывших ранее с фронтов Первой мировой войны. Солдаты этой роты долгое время не имели оружия, а позднее им выдали однозарядные винтовки старого образца. Одеты они были в старое обмундирование цвета хаки¹².

С усилением партизанского движения в районе Кузнецка и на Алтае, командование кузнецкого гарнизона летом 1919 г. неоднократно посылало отдельные подразделения патрулировать по населенным пунктам уезда с целью запугать

⁸ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 32.

⁹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 11. Л. 57 (59).

¹⁰ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 32.

¹¹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 26.

¹² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 26.

население своей военной силой, а также несколько раз отправляло военные отряды в район Тогула против партизан Рогова. В этих военных экспедициях участвовали не только солдаты батальона, но и солдаты и унтер-офицеры местной команды, причем часть из них на добровольной основе. Резко усложнилась обстановка в Кузнецке в ноябре 1919 г. Из-за Урала части Красной армии, сломив сопротивление колчаковских войск, продвигались в Сибирь, в середине ноября 1919 г. пала столица Колчака — город Омск. Слухи об этом доносились до жителей Кузнецка и солдат гарнизона. В этой ситуации активизировал свои действия партизанский отряд Рогова, совершая налеты на колчаковские гарнизоны, патрули и разъезды. Крестьянские волнения против мобилизации в армию Колчака, постоянно вспыхивающие в деревнях Кузнецкого уезда, жестоко подавлялись. Так, в селе Кандалеп часть крестьян, отказавшихся служить в колчаковской армии, была расстреляна карателями 11-ой роты под командованием поручика Миловидова, а, по разным данным, от 12 до 22 человек арестовано и доставлено в кузнецкую тюрьму. Расправа над восставшими кандалепскими крестьянами не была одобрена кузнецанами, поскольку многие имели в тех местах родственников¹³.

В связи с такой обстановкой ужесточилась дисциплина в подразделениях гарнизона. Солдат держали в казармах в повышенной боевой готовности, усилилась охрана гарнизона и патрулирование по городу. Как вспоминал П.Г. Маслаков, офицеры постоянно отслеживали настроения солдат, и делиться своими мыслями стало опасно¹⁴. К этому времени Потопаев, Михайлов, Ф. Тагаев, Федоров и Суховольский уже наладили связь с единомышленниками из 62-го Бийского батальона. На территории местной команды была создана в отдельном здании батальонная пекарня. Повар местной команды Тимофей Федоров познакомился здесь со страшим пекарем батальона Василием Терских и помощником пекаря Яковом Афонинным (10-я рота), а через них с солдатом 10-й роты Григорием Губановым. Кроме того, завязаны были отношения и с кубогреем чая для батальона Кузнецовым из 12-й роты. От него стало известно, что в 12-й роте существует подпольная группа сторонников Советской власти, в состав которой входили Кузнецов, Зенов и Цветков. От 11-й роты активно выступал против колчаковщины унтер-офицер Василий Аржаных, тесно сотрудничавший с подпольщиками из 10-й роты. Получая немногочисленные сведения о положении на фронте, активисты местной воинской команды все чаще стали встречаться с солдатами батальона в их пекарне на территории местной команды; здесь они делились опытом работы своих подпольных групп среди солдат, высказывали свои мнения по поводу обстановки на фронте¹⁵.

Подпольщики местной команды выбрали старшим по группе Суховольского. На его обязанности лежало собирать группу на совещания и информировать ее о ходе событий. Все сведения Суховольский получал от своего брата, который был начальником милиции в Прокопьевске¹⁶.

К середине ноября кузнецкие военные власти приняли решение отходить всем гарнизоном из Кузнецка на восток, к атаману Семенову. Планировалось

¹³ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 33. Л. 186.

¹⁴ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 44. Л. 6.

¹⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 19. Л. 1.

¹⁶ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 44. Л. 9.

идти через Хакасию и Монголию. По этому случаю по приказу поручика Ковригина командиры взводов выстроили солдат местной команды, и Ковригин объявил об отходе из города. Специально были открыты склады с оружием и вещевого склад. Солдаты получили новое обмундирование, запас белья, многие примеривались надевать на себя сабли, заменили свои винтовки старого образца на трехлинейные, набрали патронов в вещевые мешки, а солдаты из деревень запаслись чересседельниками. Но в этот же день поступил приказ все вернуть обратно, отходить из Кузнецка пока не будут¹⁷.

В связи с такой натянутой обстановкой в пекарне батальона собрались подпольщики местной команды и трех рот Бийского батальона. Речь шла о плане действий в случае отхода из города. Дело в том, что почти все солдаты местной команды и батальона, будучи жителями Кузнецкого уезда и Алтайской губернии, отказывались покидать родные места и идти на соединение с главными силами колчаковской армии. В итоге на совещании было высказано предложение выступить против офицеров, но от него отказались, поскольку не было разработано четкого плана действий, не было и повода к восстанию¹⁸.

Повод к выступлению был дан 1 декабря 1919 г. В этот день офицеры штаба гарнизона, собравшись в комендантском управлении — в доме Панова на ул. Крепостной (ныне Грибоедова), обсуждали вопрос отхода из Кузнецка. Было принято решение — завтра, 2 декабря, поднять кузнецкий гарнизон и увести его через Хакасию и Монголию на соединение с колчаковской армией. Вследствие этого был поставлен вопрос о судьбе политических арестованных кузнецкой тюрьмы (членов совдепов, партизан, участников крестьянских восстаний). По предложению капитана Скурата их предполагалось расстрелять в 2-3 часа ночи 2 декабря, исполнителем был назначен командир 11-й роты поручик Миловидов. Невольным свидетелем этого совещания стал стоявший на посту в комендантском управлении часовой Кузнецов из 12-й роты. Освободившись, он передал услышанный разговор сначала своим сослуживцам в 12-й роте, а затем повару местной команды Федорову. Вскоре о случившемся была осведомлена и 10-я рота. Решено было собраться на квартире у Суховольского. На кратком совещании присутствовали Суховольский, Федоров (местная команда), Терских, Афонин, Губанов (10-я рота), Аржаных (11-я рота), Кузнецов, Зенов, Цветков (12-я рота). Кузнецов еще раз рассказал о решении офицеров уйти из Кузнецка, расстреляв перед этим политических заключенных. В итоге было принято решение о незамедлительном проведении восстания объединенными силами местной команды и 10-й роты и спасении обреченных на расстрел. Для выработки общего плана действий были выбраны представители от каждой подпольной группы: от 10-й и 12-й рот Аржаных и Цветков, от местной команды Потопаев. Но поскольку до 11 часов вечера Потопаев находился в самоволке, вместо него был послан Михайлов. По воспоминаниям последнего, на квартире Суховольского представителями групп заговорщиков был выработан следующий план действий: восстание начать с местной команды, для этого, по разным источникам, к 11 либо 12 часам ночи трое солдат из 10-й роты должны были прийти в ее казарму и тремя выстрелами дать сигнал о начале выступления. После краткой речи перед солдатами П.В. Потопаев возьмет на себя командование местной командой и поведет ее к

¹⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 35. Л. 19 (223).

¹⁸ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 28.

10-й роте. Затем Суховольский и Потопаев с группой солдат должны были отправиться к крепости и освободить политических заключенных. Кузнецов со своим отрядом идет занимать штаб воинского управления по переулку Второй Крепостной (улица Мариинская) и арестует начальника Кузнецкого уездного воинского управления подполковника Зволинского и бывшего начальника гарнизона генерала Путилова. Михайлов и Федоров с двумя отрядами солдат получают задание окружить и разоружить 11-ю роту, Зенов и Ф. Тагаев — 12-ю роту, а Аржаных и Цветков — офицерское собрание в доме Красимовича. Трофейное оружие 11-й и 12-й рот должно было быть перенесено в казарму 10-й роты под охрану караула, из числа восставших солдат¹⁹.

В ночь на 2 декабря дежурным по казарме местной команды был назначен И.В. Суховольский, который должен был обеспечить беспрепятственный доступ в казарму солдатам из 10-й роты. Заговорщики сидели в напряженном ожидании с винтовками наготове. Многие солдаты местной команды после вечерней проверки, предупрежденные о скором начале восстания, легли спать, не раздеваясь. Около 12 часов ночи в казарму местной команды вошли трое солдат из 10-й роты (Терских, Афонин, Губанов) и сразу же произвели, по разным версиям, от одного до трех выстрелов в потолок либо по канцелярии писаря, где в ночное время дежурил офицер²⁰. По воспоминаниям П.В. Потопаева, в эту ночь в канцелярии находился прапорщик Ковалевский, который был ранен и скрылся во время последовавшей после выстрелов суматохи²¹. Погасла лампа, а когда ее вновь зажгли, солдаты в панике метались по казарме в нательном белье и лезли под койки. После того как паника улеглась, Потопаев и Суховольский наскоро объяснили сложившуюся ситуацию, призвали присоединиться к восставшим. Все молча быстро оделись и вышли на улицу.

Суховольский выстроил местную воинскую команду повзводно и еще раз предоставил слово пользующемуся авторитетом среди солдат Потопаеву. К этому времени подошли Аржаных и солдаты из 12-й роты: Кузнецов, Цветков, Зенов. Оказалось, что в строю стоят около 100 человек и нет патронов. Тут же солдаты местной команды взломали двери от склада и раздали патроны восставшим. После этого восставшие под руководством заговорщиков из местной команды и трех рот пошли к расположению 10-й роты. У ворот казармы местной команды фельдфебель Хомутов начал уговаривать солдат не участвовать в восстании, не ходить никуда без офицеров. Один из подпольщиков 10-й роты хотел выстрелить в Хомутова, но солдаты местной команды (а по версии Михайлова, он сам лично) помешали ему. По дороге часть солдат отсеклась (ушли домой), а некоторые приверженцы колчаковцев еще раньше укрылись в здании Кузнецкого уездного воинского управления. Восставшая команда двинулась по переулку Успенскому (ныне Луначарского) по направлению к Базарной площади. По воспоминаниям П.В. Потопаева и П.Г. Маслакова, в одном из переулков отряд разделился на две группы. Первая, включавшая большую часть восставших, под руководством Суховольского, Ф. Тагаева, Федорова и солдат из батальона, дойдя до улицы Училищной, свернула и пошла к зданию Народного дома, чтобы от него повернуть к казарме 10-й роты. Вторая группа, количеством не более 20 человек, вме-

¹⁹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 28.

²⁰ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 22. Л. 13; Д. 32.

²¹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 29.

сте с Потопаевым, Михайловым и Маслаковым проследовала по улице Успенской до пересечения ее с улицей Крепостной и залегла в цепь у забора комендантского управления²². В противовес версии Потопаева и Маслакова П.В. Михайлов уверяет, что отряд восставших солдат шел сначала по улице Успенской, а затем, не доходя до улицы Крепостной, повернул на параллельно проходящую улицу Казачью (ныне Свободы), которая и вывела их к Базарной площади²³ (Рис. 1).

Далее Потопаев уверяет, что дважды ходил на разведку к комендантскому управлению. В первый раз он был один, во второй раз пошел вместе с Михайловым. Во время второй вылазки, при переходе Базарного переулка у дома купца Окулова они наткнулись на убитого командира 11-й роты поручика Миловидова и обнаружили на Базарной площади цепь залегших на снегу солдат 11-й и 12-й рот. Около каждой из рот было установлено по пулемету. Вдоль цепи ходил капитан Скурат, ставший после отставки генерала Путилова начальником кузнецкого гарнизона. После увиденного Михайлов ушел по переулку Базарному и Училищной улице в казарму 10-й роты, чтобы предупредить восставших о засаде, а Потопаев возвратился к цепи своих солдат²⁴. Однако Михайлов отрицает свое участие в совместной вылазке с Потопаевым. По его словам, он отделился от восставшей команды на пересечении Базарного переулка и Казачьей улицы с целью узнать обстановку в офицерском собрании. Когда Михайлов возвращался к расположению 10-й роты, то на углу переулка Базарного увидел убитого поручика Миловидова, а около 11-й роты его окликнул капитан Скурат. Тут-то Михайлов и заметил лежащих на снегу солдат из 11-й и 12-й рот. Прибежав окольным путем на набережную к 10-й роте, он сообщил о плане колчаковских офицеров²⁵. Около 12 часов ночи в казарму 10-й роты вошли трое вооруженных солдат и один из них выстрелил в канцелярию, где находился дежурный офицер прапорщик Скориков. Стоявшая на столе лампочка упала и погасла. Началась паника. Через некоторое время выяснилось, что случайно ранен был солдат Михаил Петрович Прибытков.

Прапорщик Скориков скомандовал роте построиться во дворе, а затем расставил солдат в цепь вокруг помещения роты. Через некоторое время он собрал солдат вокруг себя, и в этот момент, когда прапорщик давал инструкции о дальнейших действиях роты, Губанов, воспользовавшись ситуацией, закалывает Скорикова штыком²⁶.

²² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 29, 30.

²³ Там же. Л. 22.

²⁴ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 19. Л. 3.

²⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 44. Л. 17.

²⁶ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 22. Л. 3.

Рис. 1. Схема центральной части Кузнецка, где происходили основные события кузнецкого восстания в ночь с 1 на 2 декабря 1919 года.

1. Кузнецкое уездное воинское управление; 2. Комендантское управление; 3. Офицерское собрание; 4. Штаб батальона;
5. Казарма 11-й роты; 6. Дом Окулова; 7. Дом Шутова; 8. Склад;
9. Народный дом; 10. Высшее уездное училище;
11. Казарма 10-й роты; 12. Казарма 12-й роты; 13. Казначейство.

После короткого совещания, с учетом того, что первоначальный план восстания провалился, было решено, что часть солдат вместе с Аржаных, Михайловым и Федоровым пойдет в обход и зайдет с тыла к залегшим на площади 11-й и 12-й ротам. Одновременно Ф. Тагаев и Зенов со своими людьми, находящимися с одной стороны у казначейства, а с другой у училища, отрежут колчаковским солдатам пути отступления, а Кузнецов и оставшиеся солдаты залягут в ограде домов купцов Окулова и Шутова, как раз напротив цепи противника. Отряду Кузнецова нужно было отвлечь внимание 11-й и 12-й рот, с тем чтобы оставшаяся часть повстанцев смогла незаметно войти противнику с тыла и перекрыть пути отступления²⁷.

Оценивая сложившуюся тогда ситуацию, организаторы восстания отмечали, что восставшие были вооружены гораздо слабее противника: в распоряжении местной команды и 10-й роты находились винтовки старого образца систем «Бердана» и «Гра». Поэтому залогом победы в восстании прежде всего служило так называемое «психологическое превосходство» повстанцев над противниками.

Со стороны здания училища раздалось три выстрела, в результате которых капитан Скурат был ранен и быстро скрылся в одном из переулков. Таким образом, роты остались без командира. В этот момент с тыла восставшие солдаты стали кричать, что офицеры разбежались, а мобилизованные солдаты присоединились к восставшим, и если солдаты 11-й и 12-й рот сдадутся, то никакой стрельбы больше не будет. Колчаковские солдаты, вставая по одному и оставляя на снегу оружие, отходили в сторону. На Базарной площади тут же сошлись и восставшие солдаты 10-й роты и местной команды, в том числе небольшой отряд Потопаева. Началось братание солдат, после которого трофейное оружие было собрано и отправлено в помещение 10-й роты²⁸.

Описание в воспоминаниях дальнейшего хода событий включает в себя ряд несовпадений. По одной из версий, восставшие разделились на три группы, первая из которых отправилась в тюрьму освобождать заключенных, а вторая — к Кузнецкому воинскому управлению арестовывать колчаковских офицеров.

Неясно, кто именно руководил этими группами. Обращение к воспоминаниям надзирателя тюрьмы И.Ф. Вилисова, заключенной О.П. Николаевой и находящегося в ночь переворота в охране тюрьмы Е.Л. Куртукова не дает возможности выявить состав участников освобождения политических арестованных. Часто фамилии одних и тех же заговорщиков называются и при взятии тюрьмы, и при аресте офицеров воинского управления. На этом фоне более правдоподобным следует считать предположение о том, что первая, самая многочисленная группа восставших после взятия тюрьмы отправилась на помощь второму отряду, окружившему здание воинского управления. Сопоставив воспоминания, можно с известной долей сомнений включить в группу, целью которой было освобождение заключенных, Суховольского, Потопаева, Терских, Губанова, Афонина, Зенова, а также Н.Г. Петрова (из 10-й роты).

Как вспоминает И.Ф. Вилисов, по требованию восставших солдат дежурный открыл ворота и на тюремный двор хлынула большая масса вооруженных солдат (около 100 человек). Надзиратели по требованию восставших стали открывать камеры и выпускать всех до одного заключенных, как политических, так и уго-

²⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 22.

²⁸ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8 Д. 41. Л. 31.

ловных. Раздалось несколько выстрелов, в результате которых, как потом стало ясно, был убит начальник тюрьмы Цвех. Сразу же после освобождения заключенных в ограде тюрьмы состоялся короткий митинг, на котором выступил политический заключенный рабочий из Прокопьевска Афанасий Никифорович Иванов с призывами бороться за Советскую власть до победного конца. На этом же митинге Вилисова выбрали новым начальником тюрьмы. По завершении митинга солдаты и освобожденные из тюрьмы оправились на Базарную площадь²⁹.

Во время продвижения первого отряда к тюрьме группа солдат под руководством Аржаных, никого не обнаружив в офицерском собрании, согласно разным источникам либо отправилась в тюрьму, либо совместно с группой Кузнецова окружила здание Кузнецкого уездного воинского управления и, угрожая забросать управление гранатами, заставила выйти из помещения около 30 человек. В здании оставался только подполковник Эволинский с женой.

По словам П.В. Потопаева, подошедший в этот момент с группой восстановивших солдат и освобожденных заключенных Иванов вошел в кабинет воинского начальника и арестовал подполковника, изъяв у него маузер и наган, а у его жены дамский револьвер «Лефоше». Третья группа, возглавляемая, предположительно, Ф. Тагаевым и Цветковым, направилась к зданиям контрразведки (по улице Водопадной) и милиции (по улице Байкальской)³⁰.

После ареста Эволинского на Базарной площади был организован митинг, на котором присутствовали солдаты и освобожденные заключенные. Высокое крыльцо рядом с помещением 11-й роты было использовано в качестве трибуны. Афанасий Иванов снова обратился к присутствующим, говоря о необходимости создания временного нового органа власти — ревкома. В результате голосования председателем ревкома был выбран Афанасий Никифорович Иванов, а его членами — Иван Прокопьевич Колтунов и Григорий Ефремович Мокрецов, также из политических заключенных. Позднее, 4 декабря, был избран постоянный состав ревкома, в который вошли ранее выбранные во временный ревком бывшие политические заключенные Иванов (председатель), Мокрецов (заведующий отделом труда) и Колтунов (зав. продовольствием). Кроме того, ревкомовцами были Дудченко (зав. народным образованием и секретарь ревкома), Сергей Андреевич Ермушов (зав. земским отделом), Роман Тимофеевич Тагаев (военный комиссар) и Зиновий Иванович Извеков (зам. председателя)³¹.

Первый секретарь ревкома Павел Романович Дружинин убежден, что кроме вышеперечисленных политических заключенных и Р.Т. Тагаева в состав ревкома входили солдаты Афонин, Аржаных, Терских и он сам³².

Разместить ревком поначалу было решено в здании бывшего комендантского управления, а затем его перевели в помещение винного завода. В оставшееся до рассвета время и все утро солдаты потратили на прочесывание города с целью ареста колчаковцев и сбора оружия у населения. В ходе такого рейда группой из 10 человек (в том числе И.В. Суховольским, Т. Федоровым, Ф. Тагаевым, П.Г. Маслаковым, П.В. Потопаевым) был арестован в своем доме по улице До-

²⁹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 37. Л. 11 (83), 12 (84).

³⁰ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 19. Л. 4.

³¹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 11. Л. 65 (68), 66 (69).

³² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 36. Л. 102.

стоевского генерал Путилов, изъята и его богатая коллекция оружия. Всех арестованных колчаковцев днем 2 декабря доставили в кузнецкую тюрьму³³.

Во многих воспоминаниях участников восстания отмечается руководящая роль Р.Т. Тагаева в подготовке и руководстве переворотом. Однако в воспоминаниях руководителей восстания Потопаева и Михайлова, а также его рядовых участников нет упоминания о том, что Роман Тагаев принимал участие в совещаниях заговорщиков, в том числе и по разработке плана действий. Не упоминается его имя и при непосредственном проведении восстания. Остается невыясненным до конца и вопрос о нахождении Р.Т. Тагаева в Кузнецке в ночь с 1 на 2 декабря. Сам Тагаев не отрицает своего отсутствия во время разработки плана восстания и, излагая дальнейший ход событий, отмечает, что во время восстания он неотлучно находился у ворот казармы местной команды, в одиночестве выработывая планы защиты города от колчаковских войск³⁴. Косвенным подтверждением неучастия Романа Тагаева в выступлении гарнизона могут служить неточности в изложении им хода восстания (незнание истинных участников тех или иных эпизодов переворота, поэтапного развития событий ночи с 1 на 2 декабря).

Таким образом, роль Р.Т. Тагаева, скорее всего, ограничивалась лишь беседами с подпольщиками из местной команды, их «политическим просвещением».

В заключение хотелось бы сказать о реакции местных жителей на события ночи с 1 на 2 декабря. Несмотря на то, что в городе было достаточно много зажиточного населения, большинство кузнецчан восприняли переворот спокойно, не высказав протеста против вновь установленной Советской власти. Многие узнали о восстании лишь наутро 2 декабря, отправившись по своим каждодневным делам³⁵. Те же жители, чьи дома располагались недалеко от Базарной площади, разбуженные множеством выкриков солдат и выстрелами, пережили ночь в страхе, так и не заснув до утра³⁶.

Таким образом, проанализировав имеющийся в фондах Новокузнецкого краеведческого музея комплекс воспоминаний по кузнецкому восстанию, можно сделать ряд выводов.

В организации восстания существенную роль сыграла увлеченность солдат местной команды большевистскими идеями. Но это вовсе не означало, что в команде среди солдат был высокий уровень политической грамотности и кто-то из них являлся членом большевистской партии. Руководители переворота, как и большинство их сослуживцев, попали в армию Колчака во время мобилизации 1918 г. Такие мобилизованные солдаты были недовольны сложившейся ситуацией: их тяготила служба, они не хотели больше воевать и все чаще выказывали желание вернуться домой.

Восстание кузнецкого гарнизона, поводом к которому послужила подготовка к расстрелу политзаключенных, началось неожиданно и развивалось стремительно. При этом военное превосходство противника над восставшими компенсировалось «психологическим» превосходством последних. Ликвидация колчаковских офицеров позволила дезорганизовать рядовой состав колчаковских рот и способствовала их переходу на сторону повстанцев.

³³ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 41. Л. 31.

³⁴ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 11. Л. 63.

³⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 37. Л. 170.

³⁶ Там же. Л. 217.

В Кузнецке власть Колчака даже в последние месяцы существования его режима имела определенную поддержку в силу специфики социального состава жителей (значительный процент купцов и зажиточных мещан). Но восставшим не было оказано практически никакого сопротивления ни со стороны колчаковских рот, где были кузнечане—добровольцы, ни со стороны горожан, что говорит об их известной аполитичности.

Итак, частный пример кузнецкого восстания 1919 г. помогает уточнить общую картину Гражданской войны в Сибири на том этапе, когда проведение Колчаком насильственной мобилизации создавало основу для открытого выступления против его режима. Во главе протеста становились солдаты гарнизонов, увлеченные идеями большевиков. Причем привлекала их в большевизме не его политическая основа, а отражение коммунистами в своих лозунгах основных требований солдат о прекращении войны и военной службы, а также о передаче крестьянам земли и права свободного труда на ней.

ЛИТЕРАТУРА

Казанцев А.Б. К вопросу о восстании солдат кузнецкого гарнизона // Краевед Кузбасса. 1972. Вып. 5.

Кузнецкий уезд в 1920-1922 годах

Экономическое и социальное развитие Кузнецкого уезда в 1920-е годы относится к числу незаслуженно забытых тем в региональном краеведении. И это при том, что все сферы жизни российского общества в то время были наполнены значительными изменениями и потрясениями — сбор продразверстки и переход к продналогу, оживление торговли и мелкой промышленности, введение и свертывание НЭПа. Слабая изученность этих вопросов на региональном уровне, в частности, отразилась на экспозиции Новокузнецкого городского краеведческого музея, в которой главное внимание уделено строительству КМК (со второй половины 1920-х гг.). Накопленная на сегодняшний день в фондах музея источниковая база по-прежнему не дает полную картину жизни Кузнецкого уезда в начале 1920-х годов. Однако она позволяет хотя бы частично расширить наши представления об этом весьма непростом времени, выявить его основные социально-экономические тенденции, многие из которых нашли свое выражение позднее, в ходе создания и функционирования советского общества. Хронологические рамки нашего исследования ограничены периодом с января 1920 г. по март 1922 г.

Основные процессы в строительстве и восстановлении промышленности, в ходе проведения продразверстки на территории Кузбасса можно проследить по работам региональных ученых, написанных в 1960-1970-х гг.¹ Однако материалом для анализа в них служат сразу 3 уезда — Кузнецкий, Щегловский и Мариинский, что не дает конкретного представления об интересующей нас территории. Кроме того, партийно-советская идеология, свойственная этим исследованиям, отразилась на отборе источников и оценках событий. В силу того, что Кузнецкий уезд входил в Томскую губернию, период 1920-1922 гг. нашел отражение и в трудах томских ученых. Ими рассмотрены такие слабо разработанные проблемы, как история товарообмена, проведение продразверстки и положение кооперации в Сибири². Из обобщающих работ, написанных об

¹ Родионов С.И. Кузбасс после разгрома колчаковщины (1920 г.) // Труды Новокузнецкого пединститута. Т. 3 (серия историческая). Новокузнецк, 1960; Таскаев Н.Е. Из истории восстановления народного хозяйства в Кузбассе (1920-1921 гг.) // Материалы к предстоящей VIII научной конференции Новокузнецкого педагогического института (серия общественных наук). Новокузнецк, 1967; История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. I и II.; Очерки истории партийных организаций Кузбасса. Кемерово, 1973. Ч. I и II.

² Петрова В.Т. Партийные организации Томской губернии в борьбе за хлеб в 1920-1921 годах // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1963. Вып. I; Иванов Б.В. Первые мероприятия партийных и советских органов Сибири в строительстве кооперации после ликвидации колчаковщины // Из опыта партийных организаций Сибири по руководству идейно-политической и культурно-массовой работой (1920-1967 гг.). Томск, 1976; Дудукалов В.И. К истории товарообмена в Сибири в начале НЭПа (1921 г.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1976. Вып. VIII; Суверов В.М. Борьба коммунистов Сибири за преодоление продовольственных трудностей в стране в конце 1919-1920 гг. //

этом периоде в советское время, следует прежде всего отметить коллективный труд «История Сибири», опубликованный в 1968 г. В 4-м томе этого издания содержится достаточно объективная оценка общего социально-экономического состояния Сибири в период военного коммунизма, хотя из информации, касающейся нашего края, упоминаются лишь угольные копи и Кольчугинская железная дорога³.

Единственной на сегодняшний день работой, в которой с современных позиций освещается состояние Кузнецкого уезда с декабря 1919 г. по май 1920 г., является, пожалуй, статья Г. Халиулина, вышедшая в 1992 г. в историко-краеведческом альманахе «Разыскания». В ней дана подробная характеристика местной промышленности и деятельности ее руководящего органа — Кузнецкого Совнархоза⁴.

Источниковой базой для написания нашей работы послужили материалы, которые были собраны новокузнецким краеведом В.П. Девятяровым и хранятся в фонде НКМ. Прежде всего это выписки из архивных документов ПАКО и ПАТО, которые сделаны В.П. Девятяровым и сброшюрованы им в 18 книжиц⁵. Большое место среди скопированных документов занимают протоколы собраний, заседаний, съездов, пленумов, конференций, совещаний, относящихся к Кузнецкому Ревкому, уездному Организационному Бюро, Укому ВКП(б), Совнархозу, Уисполкому, а также Томскому губкому ВКП(б). Определенная часть источников представлена выписками из отчетных листов и анкет о состоянии партийной работы в селах, из различных приказов, телеграмм, инструкций, из переписки, оперативных сводок, докладов и отчетов. Основное количество документов относится к 1920-1921 годам, гораздо меньше выписок относится к 1922-1924 гг. Отношение этих документов к непосредственным органам власти позволяет опираться на них как на наиболее достоверный источник, а содержание изложенной информации дает возможность рассмотреть многие стороны социально-экономической жизни общества того времени.

В числе тем, которые в той или иной степени можно проследить по перечисленным выше источникам, являются следующие: складывание партийных, советских уездных органов власти, политическое положение и борьба с бандитизмом, состояние в селах уезда и ход продразверстки, организация трудовых повинностей и мобилизаций, положение кооперации, сбор продналога и товарообмен, создание органов народного образования, здравоохранения и борьба с неграмотностью. Несмотря на обилие вопросов, затронутых в источниках, особенность документов, связанных в основном с партийной работой, наложила отпечаток на характер информации. В частности, весьма косвенными и общими являются сведения о состоянии промышленности. Кроме того, официальность и отрывочность сведений, содержащихся в документах, заставляет анализировать их, прибегая к дополнительным источникам, в том числе мемуарным. Последние, а именно воспоминания старожилов нашего города, записаны В.П. Девятяровым в 1970-1980-е гг.

Идейно-политическая и организаторская деятельность партийных организаций Сибири в условиях социалистического и коммунистического строительства. Томск, 1980.

³ История Сибири. Л., 1968. Т. 4. Соответствующие главы и разделы написали: В.Т. Агалаков (Гл. 3. 7), Л.М. Горюшкин, М.Р. Акулов, В.С. Флеров, В.Е. Чаплик (Гл. 4).

⁴ Халиулин Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда // Разыскания. Кемерово. 1992. Вып. 2.

⁵ НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 8. Д. 4.

К моменту окончания гражданской войны Кузнецкий уезд, как и вся страна, находился в состоянии разрухи. Наиболее перспективные отрасли промышленности — добыча угля, золота — почти полностью бездействовали, строительство железнодорожной ветки Кольчугино — Кузнецк, начатое в 1914 г., было приостановлено. Кузнецкий уезд по-прежнему представлял собой сельскохозяйственный район страны с карликовым характером предприятий мелкокустарного типа. Связи, которые соединяли уезд, как и всю Сибирь, с промышленной Россией, за годы гражданской войны оказались оборваны. Население, особенно крестьянство, страдало от бестоварья. Значительно сократились посевные площади, уменьшилось поголовье скота. За время колчаковщины Кузнецкий уезд пережил две мобилизации мужского населения, принудительный набор лошадей в армию. «Роговщина»⁶ прошла раскаленным мечом по тихому провинциальному Кузнецку, уничтожив самую зажиточную часть городского населения — купцов, военных, чиновников, духовенство. Грабежи лишили многих кузнецан того, что создавало необходимую материальную базу для жизни в городе. Зимой и весной 1920 г. Кузнецкий уезд, как и вся Сибирь, оказался охвачен эпидемией тифа. В таком состоянии наш край вступил в политику военного коммунизма, которую официально узаконил IX съезд РКП(б) в марте-апреле 1920 г.

Общее развитие города и уезда в то время характеризовалось следующими основными моментами. В области административно-территориального деления Кузнецкий уезд по-прежнему являлся частью Томской губернии и объединял в своем составе 19 волостей. В сфере создания органов власти уезд сначала прошел «ревкомовский период», когда главным органом управления являлся ревком, который, обладая диктаторскими полномочиями, подчинялся Сибревкому и опирался на волостные ревкомы. Затем в ходе передачи власти в Сибири советам, а по сути, коммунистической партии, главные функции руководства в городе и уезде с мая по сентябрь 1920 г. принадлежали Оргбюро РКП(б), которое сменил партийный Уком РКП(б). В военно-политической области городские власти занимались борьбой с бандитами, которые продолжали скрываться в кузнецкой тайге вплоть до конца 1920-х годов. Главным направлением в налаживании хозяйственной жизни в уезде, как и по всей стране, являлась национализация промышленности, которая должна была служить нуждам армии и города. Ее руководством занимались партийные органы власти и созданные губернские, уездные и районные Совнархозы, подчинявшиеся в Сибири Сибпромбюро в Омске. В качестве основных рычагов восстановления хозяйства в период военного коммунизма были объявлены командно-административные методы работы и народный энтузиазм.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В начале 1920 г. вся промышленность Сибири была подвергнута национализации, а наиболее важные для обороны страны отрасли промышленности (угольная, горная, металлургическая, лесная, кожевенная, пищевая) переведены на военное положение.

В информационной сводке Кузнецкого Укома за декабрь 1920 г. к крупной промышленности уезда были отнесены угольные копи и Новостройка (Кольчугинская железная дорога) с общим количеством рабочих 8200 человек⁷. Катализатором для восстановления и работы угольных рудников Кузнецкого уезда послужил топливный

⁶ Волна партизанских погромов в Кузнецке в начале декабря 1919 г., накануне прихода 5-й Красной армии и восстановления Советской власти (*Прим. Ред.*).

⁷ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

кризис, охвативший Советскую Россию в 1920 г. Не стал исключением и Кузнецк, в котором тогда не хватало керосина, дров и угля.

На территории уезда наряду с давно освоенными рудниками (Кольчугинский, Киселевский, Прокопьевский) действовали и менее разработанные до этого месторождения — Ерунаковский, Шестаковский рудники. Вблизи Кузнецка функционировали Абашевский и Араличевский рудники. Все они входили в состав Южной Прокопьевской группы и подчинялись районному отделению Сибугля, который был организован в Томске в феврале 1920 г. для руководства каменноугольными копиями Западной Сибири⁸. Поставкой рабочей силы на рудники занимались партийная организация Кузнецка и Укомтруд в порядке трудовых мобилизаций. Рабочие группы формировались из числа крестьян, горожан, военных. В частности, так была налажена работа на Араличевском руднике, официальное открытие которого произошло 30 декабря 1920 г.⁹

Добытого угля на всех копиях Сибири не хватало, и поэтому Сибуглем осенью 1920 года проводились значительные заготовки дров¹⁰. Документы сообщают о вывозе 15 тысяч бревен, заготовленных райуглем в Киселевской и Прокопьевской волостях. На эти работы были мобилизованы крестьяне окрестных сел, для них определялись наряды, исходя из мощности хозяйств и количества лошадей¹¹. Общеизвестно, что в это время на рудниках и на строительстве железной дороги, как и при организации других видов работ, коммунистами в целях повышения производительности труда практиковались многочисленные субботники и воскресники. На собраниях Кузнецкого Укома регулярно обсуждались вопросы о субботниках, определялись дни их проведения. Документы содержат сведения об организации подобных мероприятий на Киселевском руднике, на Гурьевском заводе, на прокладке пути Кольчугинской железной дороги, которые непременно сопровождались пением «Интернационала» и других революционных песен¹².

Несмотря на оживление угольной промышленности и железнодорожного строительства в Кузнецком уезде, как и до революции экономическое лицо края продолжало определять кустарная промышленность наряду с сельским хозяйством. Кустарная промышленность, представленная деревообрабатывающими, кожевенными, сапожными, слесарными и другими предприятиями, в условиях военного коммунизма была вынуждена подчиниться строгому планированию и регламентации со стороны Кузнецкого Совнархоза (Рис. 1).

Воспоминания Д. Петрова, работавшего в Совнархозе летом 1920 года, раскрывают перед нами картину практической деятельности этой организации.

⁸ Угольная промышленность Кузбасса. 1721-1996. Кемерово, 1997. С. 120

⁹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.

¹⁰ История Сибири. Т. IV. С. 157.

¹¹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

¹² ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 3, 9-14.

Рис. 1. Работники Кузнецкого Совнархоза, 1920-1921 гг.
Из фондов НКМ.

Совнархоз размещался на винзаводе. От местных жителей принимал шерсть, кожи и другие товары, организовывал выделку кож, катал валенки и т.п. Петров работал кладовщиком на складе Совнархоза, который располагался во дворе винзавода. Там хранились выделанные кожи, сырье, шерсть, которые Петров выдавал пимокатным и сапожным артелям. Члены этих артелей работали на дому, изготавливали пимы, сапоги и сдавали их на склад Совнархоза¹³. Особое внимание к обувной промышленности было продиктовано острой нехваткой промышленных товаров в то время. Дело доходило до того, что, получив осенью 1920 г. 80 комплектов обуви, Кузнецкий Уком был вынужден распределить их по отделам в общее пользование¹⁴. Военное положение кожевенной отрасли выразалось в обязательной сдаче организациями и частными лицами сырья и товаров в Совнархоз кожотделу. Все случаи укрытия предавались суду, а товары конфисковывались¹⁵. В числе наиболее интересных сообщений о деятельности Совнархоза являются сведения о первой попытке этого органа наладить работу приостановленной золотопромышленности. В мае 1920 г. члены ревкома обсуждали доклад агента Совнархоза Ивина об организации артели золотоискателей. Предполагалось снабдить их необходимыми предметами, продовольствием, оружием и охраной¹⁶.

¹³ НКМ. НФ. Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 37. С. 243.

¹⁴ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 36.

¹⁵ Халиулин Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда. С. 51.

¹⁶ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ

Одной из важных черт экономики России в период военного коммунизма являлось существование трудовой повинности, оформленной декретом от 29 января 1920 г. В Кузнецком уезде комитет трудовой повинности был выбран ревкомом в марте 1920 г. согласно полученной телеграмме из Губревкома¹⁷. В задачи этого органа входило проведение учета населения и организация трудовых мобилизаций для выполнения различных работ. В мае 1920 г. председателю комитета Трошкову вменялось принять более решительные меры по мобилизации населения к трудовой повинности и пользоваться при случае надобности предоставленным ему правом производить аресты от 2 до 6 месяцев¹⁸. Наибольший объем работ в трудовых мобилизациях уезда занимали лесозаготовки, которые обеспечивали работу угольных рудников, строительство железной дороги, а также снабжали топливом городские учреждения. Протоколы Укома сообщают о неоднократных работах по заготовке леса, в которых были задействованы как городские, так и сельские жители. Помимо субботников еще одной формой коммунистического отношения к труду были различные «недели помощи». Например, во время недели помощи фронту в ноябре 1920 г. в Кузнецком уезде был организован сбор вещей, снаряжения, олова, продовольствия, денег. Женщины были привлечены к шитью белья для красноармейцев. Создавались сверхурочные работы по выработке полушубков, пимов, обмундирования, снаряжения и обоза, выделялись для этого складские помещения¹⁹. В июне в ходе проведения посевной Совнархоз совместно с партийной организацией проводили мобилизацию сельских кустарей на ремонт сельскохозяйственных орудий и машин. В четырех селах уезда было объявлено о создании советских мастерских, которые должны были собирать металлолом и делать необходимые орудия²⁰. В течение всего лета 1920 г. в уезде неоднократно проводились мобилизации партийных и профсоюзных работников на сельскохозяйственные работы в деревне по оказанию помощи семьям красноармейцев.

Во время проведения недели помощи красноармейцам тыла в декабре 1920 г. в Кузнецке все здания, занятые войсками, ремонтировали, оборудовали столами, чистили дворы, женщины стирали и чинили белье²¹. Старожилы рассказывают о мобилизациях кузнецчан в 1920 г. на побелку и покраску домов, которые были разграблены роговцами и становились коммунальными. Например, Псарева вместе с другими молодыми женщинами и девочками белила и мыла полы в зданиях детского дома, в казармах местной воинской команды, в домах, ранее принадлежавших богатым жителям Кузнецка²².

Часто при использовании в работах крестьян не принимались в расчет сельскохозяйственные занятия этих людей. Так, в мае-июне 1920 г., в период самой горячей страды — сева, жители деревни Ерунаковой грузили баржи с углем, а население Краснознаменской волости было мобилизовано на ремонт старых и строительство новых мостов. Это вызывало возмущение и недовольство крестьян, зафиксированное в документах²³. Однако в целом население к выполнению трудовых повинностей относи-

¹⁷ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

²⁰ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

²¹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.

²² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 37. С. 68.

²³ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

лось спокойно, так как за произведенные работы люди получали продукты или деньги, хотя и в небольших размерах.

Для тех же, кто все-таки уклонялся от работ или критиковал политику Советской власти, существовал в Кузнецке домпринраб (дом принудительных работ). В нем, например, по данным сентября 1920 г., содержалось 225 арестованных²⁴. В Кузнецком уезде, как и по всей России, была объявлена борьба с дезертирами труда. В частности, на сентябрьской партийной конференции предлагалось принять в этом плане энергичные меры, звучал призыв оказывать коммунистам всемерное содействие по привлечению дезертиров на работы, доводя немедленно до сведения комитета трудовой повинности обо всех дезертирах²⁵. В рамках борьбы с уклоняющимися от трудовых повинностей в октябре 1920 г. коммунисты города обсуждали вопрос о реорганизации врачебной комиссии, члены которой, злоупотребляя своим положением, выдавали освобождение от работ²⁶.

Пиком развития военного коммунизма в уезде стало начало 1921 г., когда в Сибири по декрету Ленина «О трудовых частях» начали формироваться трудовые армии из числа военных и гражданских лиц для строительства железной дороги и работы на шахтах. В отчете за январь 1921 г. городские власти сообщали, что в Кузнецке действует трудовой полк из 700 человек, разбитый на батальоны и роты²⁷. Именно силами трудовой армии в 1921 г. была построена железнодорожная ветка от станции Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий) до станции Усяты (Прокопьевск) протяженностью 150 км.

ТОРГОВЛЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

В период военного коммунизма торговля была повсеместно запрещена, а такие ее важнейшие показатели, как кредит, цена, деньги, просто потеряли свое значение. Еще на протяжении 1920 г. рабочие и служащие получали заработную плату в деньгах. Однако стремительное падение курса рубля привело к его обесцениванию к декабрю 1920 г. по сравнению с 1913 г. в 13 тысяч раз²⁸. Миляева, работавшая в то время в «Центропечати», вспоминает: «Деньги тогда были обесценены и их выдавали большими листами...»²⁹. Ушаков сообщает: «Дешевые деньги приводили к тому, что какая-нибудь ничтожная вещь стоила миллион...»³⁰. Заработная плата все чаще и дольше задерживалась, люди не получали ее по 2-3 месяца. Большое распространение повсеместно стал получать натуральный обмен и натуральная оплата труда, которая сохранялась вплоть до 1922 г.

Снабжение населения продуктами и товарами проходило в порядке распределения. Главным органом здесь выступал специально созданный комитет — ураспред. В сентябре 1920 г. в докладе этого органа сообщалось: «Учреждениям отпускается больше осветительными материалами, продотрядам — продуктами питания, артелям охотников — порохом, дробью, пистонами с применением товарообмена, сельскому населению — солью, спичками, мануфактурой через Райсоюз потребительского общества и его отде-

²⁴ ПАКО.Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 14. Л. 30.

²⁵ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²⁶ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

²⁷ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

²⁸ Хронология российской истории. Энциклопедический справочник. М., 1994.

С. 192.

²⁹ НКМ. НФ—Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 34. С. 324.

³⁰ Там же. С. 498.

ления, но только тем, кто выполнил продрозверстку». Норма выдаваемого включала в себя по 1 фунту соли, по 1 коробке спичек, по 1/2 аршина мануфактуры на человека³¹. Сеть потребительской кооперации, через которую была организована выдача продуктов и товаров селянам, была известна Кузнецкому уезду еще до 1917 г. Однако в период военного коммунизма все потребительские лавки оказались преобразованы в государственные распределительные пункты и являлись техническим аппаратом продорганов.

На протяжении 1920-1921 гг. партийные власти Кузнецка стремились вытеснить из правления кооперации старых специалистов, еще работавших там, и провести туда членов комячеек. В частности, работник губкома Серебрянский в сентябре 1920 г. отмечал, что руководство в кооперации Кузнецкого уезда принадлежит кооператорам старой закалки, а не коммунистам³². Во главе кооперации в этот период времени находился созданный в феврале 1920 г. в Омске Сибцентросоюз с губсоюзами кооперативов и районными отделениями, которых по Томской губернии было пять³³.

Райотделения опирались на многолавки и однолавки в селах. Для более удобного распределения поступающих продуктов и товаров в наиболее крупных селах открывались волостные отделения потребительской лавки, являющейся единственной в волости. Например, такая реорганизация в мае 1920 г. была проведена в Краснознаменской волости³⁴. Для снабжения «инородческого» населения Упродкомом были организованы шорские рыболовные и охотничьи артели, которым выдавали продукты питания в обмен на дичь и рыбу через две продовольственные базы в Подобасской и Мрасской волостях³⁵.

Та часть городского населения, которая не входила в число служащих, рабочих и не получала зарплату и паек, вынуждена была как-то приспособливаться и выживать. Например, Петухов в 1920-1921 гг. сам научился делать из жести кошелки, тазы, ведерки и т. п., в деревнях выменивал их на хлеб³⁶. Шестерин в 1920 г. делал горшки, ставил на сани и обменивал в ближайших деревнях на продовольствие³⁷. Те, кто устраивались работать по найму, тоже получали плату продуктами или едой. Кто не мог работать, просто обменивали свое имущество, скот на пропитание. Старожилы называют 1920-1921 годы голодными.

Отец и сын Ушаковы, ввиду трудностей с продовольствием, с весны по осень 1920 г. рыбачили на курье Томи — Рушпайке. «Рыбы было много, сами ели и даже продавали на деньги или променивали на хлеб или муку. Зимой ездили за сеном, возили воду, ходили за скотиной. Так прожили весь 1921 год и зиму 1922 года»³⁸.

ПРОДРАЗВЕРСТКА

Главной проблемой для кузнецких властей в 1920-1921 гг. являлся продовольственный вопрос, а именно сбор продрозверстки для центра Советской России. В

³¹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

³² ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 30.

³³ Иванов Б.В. Первые мероприятия... С. 7, 14.

³⁴ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

³⁵ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

³⁶ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 39. С. 81.

³⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 34. С. 161.

³⁸ Там же. С. 498.

период военного коммунизма Сибирь рассматривалась большевиками как важная продовольственная база с огромными излишками хлеба. Работу по сбору продразверстки осуществлял в уезде Упродком.

Одним из первых мероприятий этого органа стала неделя продовольствия, проведенная в городе и уезде в марте по телеграмме из Томска³⁹. Губревком требовал: «Все фабрикаты деревенского обихода дайте деревне по установленной системе. Необходимо заполнить ссыпные пункты до распутицы»⁴⁰. Тогда хлеб предполагали взять путем обмена на необходимые крестьянам товары (соль, спички, мануфактуру, сельскохозяйственные орудия). В уезд были отправлены партийные, армейские и общественные организации, которые, действуя путем агитации, закупали и собирали продукты по установленным на них твердым, фиксированным ценам в условиях временного разрешения свободной торговли. Однако наладить правильный товарообмен между городом и деревней большевикам в Сибири не удалось ввиду нехватки или отсутствия промышленных изделий. Кроме того, к весне свободные цены на продукты стали выше твердых, вследствие чего приток хлеба на ссыпные пункты прекратился⁴¹.

В апреле 1920 г. на совещании губпродкомиссаров Сибири было принято решение установить государственную монополию на важнейшие продукты питания и проводить заготовку путем разверсток⁴². Уже в мае в ходе выработки плана проведения разверстки в уезде, Кузнецкий ревком ставил вопрос о предоставлении Упродкому нужного количества вооруженных сил для применения их в случае надобности. Рассматривалось предложение создавать отряды коммунистов, которые при необходимости начнут приступать к принудительным обмолотам и будут иметь право временного отчуждения сельскохозяйственных орудий у населения⁴³. В июне 1920 г. председатель Сиббюро Союза горнорабочих Сумецкий, побывавший в Кузнецком уезде, сообщал о больших правах агентов Упродкома, которые делают обыски, аресты, изымают весь хлеб, бедноте его не дают, разжигая антисоветскую пропаганду⁴⁴. Как следствие отчетные листы о состоянии партийной работы в селах в это время наполняются сведениями о недовольствах крестьян разверсткой, в них слышатся угрозы в адрес Советской власти, от которой жители деревни ждали порядка и необходимых товаров. Члены комячеек сообщали о жалобах населения на отсутствие соли, спичек, инструментов и т. д.⁴⁵ В июле в Краснознаменской волости был убит один из агентов Упродкома⁴⁶. Партийная организация Кузнецка тогда даже воздерживалась от посылки продотрядов в села, несмотря на требование из Новониколаевска не останавливаться перед репрессивными мерами и приступать к решительному нажиму на хлеб и скот⁴⁷. Кузнецкий Уком объяснял свой отказ возможностью начала массового антисоветского движения в волостях⁴⁸, в некоторых из которых уже в мае действовала банда Рогова—Новоселова.

³⁹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴⁰ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 29.

⁴¹ В.М.Суверов. Борьба коммунистов... С. 7-8.

⁴² Там же. С. 7.

⁴³ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴⁴ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 76.

⁴⁵ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17.

⁴⁶ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

⁴⁷ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

⁴⁸ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

Весной 1920 г. государственная запашка, которая заставляла крестьян выращивать зерно для служащих и бедноты, в селах Кузнецкого уезда практически не была осуществлена. Отчеты сообщают об 1-2 засеянных десятинах, которые были сделаны в основном за счет членов комячеек, а в некоторых деревнях государственная запашка вообще не была организована⁴⁹.

Перед началом сбора урожая 20 июля 1920 г. Совнарком принял декрет об изъятии хлеба в Сибири. Кроме 110 млн. пудов хлеба продорганы Сибири должны были заготовить мясо, масло, шерсть, кожи и другие сельскохозяйственные товары. Причем сбор меда, птицы, овощей, грибов, ягод возлагался на кооперацию, о чем были заключены Кузнецким Упродкомом договоры с отделением Сибцентросоюза в Кольчугино⁵⁰. На долю Томской губернии приходилось 19 млн. пудов. Сбор хлеба становился более жестким и обвязывал все крестьянство немедленно приступить к обмолотам и сдаче всех хлебных излишков. Получив нормы по продразверстке власти Кузнецкого уезда пытались добиться снижения раскладки, понимая невыполнимость всего задания. Доклады в губернский центр указывали на сокращение посевных площадей во время мировой и гражданской войн, низкую урожайность хлеба, уничтожение посевов саранчой, повреждение сенокосов ненастьем⁵¹. Однако в ответ Губкомом были присланы в уезд инструкторы и продотряды, а изъятие излишков стало проводиться самыми грубыми методами.

О «деятельности» продотрядов в Кузнецком уезде в докладе на 1-м губернском съезде начальников милиции сообщал делегат от уезда Федоров: «Продразверстку выполняем главным образом за счет работы партработников, а присланные в уезд продработники бездействуют, пьянствуют, выгоняют медовуху, арестовывают милицию, которая препятствует им в пьянстве, а милиция — их. Картофель гноили, хлеб молотили в дождь, а также разбежалась значительная часть скота (250 голов). Продработники, потеряв скот, стали колоть скот граждан. До появления в уезде продотрядов пьянство почти прекратилось, а с их появлением приняло широкие размеры. Все это отражается на настроении крестьян к Советской власти»⁵².

Доклад уполномоченного Губпродкома Титова за ноябрь 1920 г. также указывал на жесткие методы при выколачивании хлебной дани: «Действия отдельных агентов и уполномоченных окончательно подорвали авторитет продорганов и Советской власти. Они осуществляют незаконные аресты, в том числе женщин, физические воздействия на крестьян, конфискации имущества»⁵³.

Сведения о работе продорганов в районе Карачумышской волости в декабре 1920 г. содержат данные о действиях 2-х продотрядов, которые с нагайкой терроризировали население, забирая семена и продовольствие⁵⁴.

Факты террора и шкурничества по отношению к населению в партийных документах, конечно, осуждались: например, в октябре 1920 г. Кузнецкий Уком исключил из рядов РКП(б) упродкомиссара Маркова за пьянство, угрозы, неза-

⁴⁹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17.

⁵⁰ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

⁵¹ Там же. Л. 27.

⁵² ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 86.

⁵³ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 59.

⁵⁴ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

конные аресты лошадей⁵⁵. Однако основная масса подобных фактов признавалась нормальной, так как официальные документы разрешали их применять.

ВВЕДЕНИЕ ПРОДНАЛОГА И ТОВАРООБМЕН

Поднявшаяся волна крестьянских восстаний против разверстки, охватившая в том числе и Кузнецкий уезд, заставила большевиков резко повернуть от политики военного коммунизма к новым экономическим отношениям. На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. разверстка была заменена продовольственным налогом, который составлял всего около 57% разверстки периода военного коммунизма. Остальную часть государство рассчитывало взять у населения путем организованного товарообмена промышленных товаров на сельскохозяйственную продукцию. Свободный обмен, то есть покупка-продажа продуктов сельского хозяйства за деньги, был разрешен только в тех районах, где заканчивалось проведение разверстки. Кузнецкий уезд не входил в это число, и здесь наряду с продналогом в 1921 г. сохранялась продразверстка⁵⁶. В некоторых районах Кузнецкого уезда, где наблюдалось особенное сопротивление крестьянства (Кузнецкая, Кузедеевская, Петраковская⁵⁷ волости), продолжали использоваться продотряды⁵⁸.

Для проведения агитации и сбора продналога, который население не желало выполнять, создавались продкомиссии. В их задачи входили пропаганда, составление посевных списков и сбор статистических сведений по посевным площадям. Старожил И.И. Мочалов рассказывает о работе в подобной комиссии: «Мы приезжали в сельсовет, проверяли списки налогоплательщиков с указанием количества земли, скота, налога, членов семьи. С каждым налогоплательщиком проверяли согласно спискам с их слов все данные. Некоторые крестьяне утаивали скот, посевные площади, и нам приходилось проверять. Все изменения мы записывали и сдавали в волостной центр, а там начисляли на каждого крестьянина дополнительный налог»⁵⁹.

Налаживание товарообмена с крестьянством было возложено на потребительскую кооперацию. Согласно разработанному положению о товарообменных операциях в Сибири в летний период все заготовки предписывалось проводить только путем товарообмена. Фонд для обмена составляли товары, присланные с европейской территории России и местные изделия со складов продорганов: мануфактура, хлопчатобумажные изделия, скобяные товары, соль, спички, мыло. Товарные фонды Томского губсоюза к началу товарообмена составляли более 2 млн. рублей, среди которых главное место занимала мануфактура и бакалейные товары⁶⁰.

В рамках агитационной компании по товарообмену в Кузнецке был выпущен и разослан бюллетень с оповещением⁶¹. Однако начавшийся в уезде товарообмен проходил медленно ввиду практического отсутствия запасов хлеба, ушедшего до этого в продразверстку. Член Укома Ф. Пшеничников, находившийся в июле 1921 г. в Кузедеевской волости, сообщил: «Первое время, по объявлению товарообмена, некоторые находили и привозили (из Бийского уезда), но в настоящее

⁵⁵ ПАТО. Ф. 1. Д. 19. Л. 199.

⁵⁶ Петрова В.Т. Партийные организации... С. 17.

⁵⁷ Петраковская волость была выделена из состава Кузнецкой волости в 1921 г.

⁵⁸ ПАКО. Ф. 6, Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

⁵⁹ НКМ. НФ—Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 39. С. 63.

⁶⁰ Дудукалов В.И. К истории товарообмена... С. 115.

⁶¹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 9.

время замечается подвоз очень слаб, а если и есть то малое количество. Есть сведения, что за 5 пудов хлеба променивают хорошего коня с упряжкой, а за 1 пуд хлеба дают 20 аршин ситца, мед идет пуд за пуд, а об остальном и не приходится говорить. Картина очень печальная, особенно пролетариату, находящемуся на советской работе. В селении совершенно не обеспечены и голодают, хуже нельзя быть»⁶². Положение осложнялось наступившим продовольственным кризисом. Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают на отсутствие продуктов в Кузнецком уезде в июле-ноябре 1921 г. Есть много фактов саботажа советских служащих, их ухода с работы в деревни на поиски хлеба⁶³.

Тем не менее голод в Центральной России, в Поволжье был еще сильнее, в связи с чем задание по товарообмену было увеличено. В августе по всей Сибири был проведен товарообменный месячник⁶⁴. Однако его итоги по Кузнецкому уезду были малоутешительны. Протоколы Укома за сентябрь, анализирующие проведение месячника, сообщали о трудном выполнении сбора продналога, о недосборе масла и яиц, о прекращении поставок хлеба. «Товарообменный месячник проходит очень и очень слабо. Решили заменить продинспекторов»⁶⁵.

Следуя указаниям Губкома, главным направлением работы партийной организации Кузнецка в области кооперации в 1921 г., являлось усиление ее рядов коммунистами. В июле в кооператив г. Кузнецка был переведен зав. организационно-инструкторским отделом Укома Ф.И. Пшеничников, который был неплохо подготовлен для этой работы. По профессии — маслодел, знающий счетоводство, он еще в 1913 г. служил в кредитном товариществе Барнаульского уезда⁶⁶. В сентябре была создана руководящая организация новой советской кооперации Кузнецкого уезда — коллегия Кузнецкого райотделения Томского губсоюза, состоящая из 3-х человек — Пшеничникова, Зеленина, Бекиша⁶⁷. Последний к ноябрю 1921 г. был назначен руководителем коллегии.

В музее хранятся документы и фотографии Ивана Григорьевича Бекиша (Рис. 2), возглавлявшего работу кузнецкой кооперации в первый год НЭПа. По происхождению крестьянин, уроженец Гродненской губернии, он был прекрасно знаком с предпринимательством, так как с 1911 по 1913 гг. работал приказчиком в г. Варшаве в частном торговом доме «Берлис и Фишман», который занимался продажей швейных машин, кос и пр. Отслужив сначала в царской армии, затем в Красной Армии, Бекиш оказался в Кузнецке, где с 1920 по 1921 гг. занимал должность зав. политпросветом, откуда и был переведен в кооперацию. В дальнейшем Бекиш работал в Томске, Мариинске, Минусинске. Везде его деятельность была связана с кооперацией и сельским хозяйством.

К октябрю 1921 г. Томская губерния только на 20% выполнила задание по товарообмену⁶⁸. Цифры заготовок по Кузнецкому складу Союза кооперативов, названные на уездной ноябрьской партконференции, также были невысоки. Принятая резолюция объясняла их низкое количество такими отрицательными услови-

⁶² ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

⁶³ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

⁶⁴ Дудукалов В.И. К истории товарообмена... С. 121.

⁶⁵ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 12.

⁶⁶ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 49. Л. 11.

⁶⁷ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

⁶⁸ Дудукалов В.И. К истории товарообмена... С. 125.

ями, как бандитизм и недостаток внимания Кольчугинского райотделения⁶⁹. Действия бандитов, которые грабили товарные ресурсы, во многих пунктах тормозили заготовки, а ограниченность ассортимента товаров, трудности с их доставкой (железной дороги до Кузнецка еще не было) приводили к тому, что население начало заниматься реализацией своих товаров за деньги.

Сама идея принудительного товарооборота оказалась опрокинута быстро развивающимся рынком, что и было признано Лениным в октябре 1921 года⁷⁰. В сельскохозяйственные районы Сибири еще в начале 1921 г. хлынули со всей страны заготовители, спекулянты, мешочники, которые обменивали привезенные товары на рынках за бесценок⁷¹.

Рис. 2. И.Г. Бекиш,
3 июля 1917 г.
Из фондов НКМ.
КП-5663/10, ИФ-1565.

⁶⁹ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

⁷⁰ Дудукалов В.И. К истории товарообмена... С. 128.

⁷¹ Там же. С. 126.

Рис. 3. Коллективная сдача продналога.
Болотинская заготконтора, 1922 г.
Из фондов НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Д. 16.

То же на водном транспорте. Этим занимаются служащие, командиры. Публика с парохода перед Кузнецком рассыпалась по деревням, на обратном пути с грузом, забив все каюты, этим занимаются и контролеры»⁷². Для того чтобы сдержать поток мешочников, заставляющих крестьян воздерживаться от сдачи продуктов в продорганы, в Сибири устанавливались заградительные отряды. К организации подобных отрядов прибегали и в Кузнецком уезде, устанавливая их на железнодорожных станциях и пристанях⁷³.

К ноябрю 1921 г. задание по сбору продналога в уезде было выполнено лишь на 35% с незначительной суммой 125 тысяч пудов⁷⁴. Подобная картина наблюдалась по всей Сибири, поэтому с 15 декабря 1921г. по 15 января 1922 г. здесь был проведен продмесячник, в ходе которого, проходила усиленная ссыпка зерна (Рис. 3). В Томской губернии, в том числе в Кузнецком уезде, она велась вплоть до 15 марта 1922 г. и завершилась сбором 90% продналога⁷⁵. Таким образом, с марта 1922 г. здесь начал свой отчет период новой экономической политики, который принес свободу торговле и восстановление нормальных хозяйственных отношений.

⁷² ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ПАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁷⁵ Петрова В.Т. Партийные организации... С. 18.

ЛИТЕРАТУРА

Дудукалов В.И. К истории товарообмена в Сибири в начале НЭПа (1921 г.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1976. Вып. VIII.

Иванов Б.В. Первые мероприятия партийных и советских органов Сибири в строительстве кооперации после ликвидации колчаковщины // Из опыта партийных организаций Сибири по руководству идейно-политической и культурно-массовой работой (1920-1967 гг.). Томск, 1976.

История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. I и II.

История Сибири. Л., 1968. Т. 4.

Очерки истории партийных организаций Кузбасса. Кемерово, 1973. Ч. I и II.

Петрова В.Т. Партийные организации Томской губернии в борьбе за хлеб в 1920-1921 годах // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1963. Вып. I.

Родионов С.И. Кузбасс после разгрома колчаковщины (1920 г.) // Труды Новокузнецкого пединститута. Т. 3 (серия историческая). Новокузнецк, 1960.

Суверов В.М. Борьба коммунистов Сибири за преодоление продовольственных трудностей в стране в конце 1919-1920 гг. // Идеино-политическая и организаторская деятельность партийных организаций Сибири в условиях социалистического и коммунистического строительства. Томск, 1980.

Таскаев Н.Е. Из истории восстановления народного хозяйства в Кузбассе (1920-1921 гг.) // Материалы к предстоящей VIII научной конференции Новокузнецкого педагогического института (серия общественных наук). Новокузнецк, 1967.

Угольная промышленность Кузбасса. 1721-1996. Кемерово, 1997.

Халиулин Г. «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда // Разыскания. Кемерово. 1992. Вып. 2.

Хронология российской истории. Энциклопедический справочник. М., 1994.

**Взаимоотношения советских и иностранных
рабочих и специалистов на производстве
в годы первых пятилеток
(на примере Кузнецкого металлургического комбината)**

Строительство Кузнецкого комбината велось с осени 1929 г. До приезда иностранцев уже были заложены основные цехи: доменный, мартеновский, огнеупорный, силовая станция, в фундаменты заливали бетон. «Это был определенный успех, и мы гордились им», — писал в своих мемуарах главный инженер завода И.П. Бардин¹.

Однако у подобной практики имелись и свои отрицательные стороны. Проекты многих цехов отставали от реального графика строительства. По словам Г.К. Казарновского, это было связано с тем, что проектирование и строительство велись параллельно. Таким образом, проектирование опоздало уже в день своего начала².

Размах строительства и тот факт, что большинство объектов завода строилось одновременно, поразил американских консультантов. Старший инженер фирмы «Фрейн» по керамике Отден вспоминал: «На всем земном шаре существует лишь немного строителей, ставящих перед собой столь широкие задачи. В стране, где промышленность уже достигла высокой степени развития, редко можно встретить столь разностороннее строительство, все отрасли которого строились бы одновременно... В данном случае стремление построить промышленный гигант, построить его правильно и построить полностью от самого основания говорит о широком кругозоре и большой смелости выработавших план строительства людей»³.

Е.П. Эвергард в конце 1932 г. вынужден был признать, что развитие Кузнецкого металлургического комбината от голой площадки до действующего завода «не имело равного в истории черной металлургии в мире»⁴. Это заявление тем более важно, что, по воспоминаниям И.П. Бардина, Эвергард, приехав в Кузнецк первый раз, был настроен пессимистично⁵.

Взаимоотношения советских и иностранных рабочих на Кузнецкстрое носили в себе ряд особенностей и складывались из двух составляющих: контакты на работе и в быту. Исследованные материалы позволяют нам выделить два типа производственных конфликтов: столкновения иностранных специалистов и советских рабочих по

¹ Бардин И.П. Жизнь инженера. Новосибирск, 1939. С. 152.

² АИ КМК. Оп. 1. Д. 60. Л. 4.

³ НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 16. Л. 19об.

⁵ Бардин И.П. Осуществление мечты // Стальное сердце Сибири. Кемерово, 1982. С. 41.

вопросам освоения оборудования; столкновения иностранных и советских инженеров по вопросам проектирования, строительства и освоения комбината.

Причинами производственных конфликтов становились пренебрежительное отношение иностранцев к советским рабочим; некомпетентность советских инженеров; личные амбиции обеих сторон; недоверие советских рабочих к «буржуазным» специалистам; непривычные иностранцам темпы работ.

Иностранцам, прибывавшим на Кузнецкстрой в начале 1930-х годов, предстояло работать в незнакомой и непривычной атмосфере идей ударничества, сжатых сроков, невероятных, невозможных в другой стране решений, в обстановке голода, холода и энтузиазма. Уже в процессе строительства на площадке «вращивались» собственные кадры. Иностранцев часто воспринимали лишь как временную помеху: «Побудут и уедут, побыстрее бы».

Эвергард еще на переговорах в США предлагал для эффективности работы всех американцев распределить совместно с советскими инженерами согласно квалификации и работоспособности. Таким образом, американские консультанты были прикреплены к каждому цеху: к доменному — Фергюссон, к мартеновскому — Вэйл и др. Кроме того, были незакрепленные за цехами специалисты фирмы⁶.

На основании данного соглашения американцы, приступив к работе, стали навязывать свое мнение советским инженерам. Это раздражало отечественных специалистов и часто приводило к недопониманию или откровенному бойкоту с их стороны. И.П. Бардин оказался между двух огней. Ему приходилось уговаривать и тех, и других. «Некоторые наши инженеры и техники-строители думали, — писал он позднее, — что у американцев учиться нечему. ...Я сдерживал эту публику: прежде чем говорить, надо доказать, что вы работаете лучше американцев и знаете больше их»⁷. То же самое предлагалось сделать и инспектам⁸.

Иностранцам «доказывать свою правоту» было довольно трудно. Их методы работы на советской стройке приживались с большим трудом. Американцы требовали четкости, организованности, не принимали работу «на авось». Так, например, возникла проблема чертежей. Советские строители утверждали, что прекрасно работают и без чертежей и без материалов, «а вот получается». Чертежи же американцев представляли собой совершенно законченное произведение. И.П. Бардин признавал, что советские строители работали как кустари-одиночки, которые шьют по собственному вдохновению⁹. На современном предприятии требовались иные методы.

С другой стороны, в работе иностранцев отсутствовали воображение, энергия, темп. Советские инженеры, рабочие готовы были экспериментировать, рисковать для достижения наиболее высоких результатов. Широко было распространено мнение о том, что инспекты не умели (или не хотели) быстро работать. «Иностранцы привыкли работать черепашим ходом, особенно в России они не торопились, но нас, русских, это не устраивало...» — писал мастер доменного цеха С.Е. Бойко¹⁰. Их обвиняли в торможении строительства, выявленный брак объясняли обыкновенными, ни чем не обоснованными придирками «капиталистов». Так, например, при кладке кирпича немцы проверяли ее прочность собственным весом. «Чуть подалась кладка — разби-

⁶ Бардин И.П. Осуществление мечты... С. 41.

⁷ Бардин И.П. Жизнь инженера. С. 158.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 34. Л. 5-6.

рай. Причем разбирать заставлял по одному кирпичу, каждый очищать», — жаловался А.А. Матугин¹¹.

После отъезда иностранцев советские мастера попытались сохранить подобные меры «борьбы с браком». Однако «ввязалась партийная, комсомольская, профсоюзная организации, добились — если свалена кладка, обрежь и работай дальше», — говорил А.А. Матугин¹².

Старший мастер мартеновского цеха №2 С.С. Косовец рассказывал историю из своей практики: «солидный американец в кожаной тужурке» подошел к каменщикам-огнеупорщикам, молча проверил качество кладки, молча очертил карандашом треть выложенной стены и ушел. А «каменщики-бородачи начали ругать его на чем свет стоит», потому что кладку пришлось разобрать¹³. Отношение советских рабочих к браковке, к требованию что-то переделать в том случае, если инициатива исходила от иностранцев, было, как правило, резко отрицательным. Предположение, что иностранец прав и кладка кирпича действительно была неудачной, не прозвучало ни в одних мемуарах.

Интересна точка зрения самих иностранцев по данному вопросу. Огден, например, вспоминал, как проверка в шамотно-динасовом цехе показала низкий уровень работы каменщиков. Американская дневная норма выработки составляла 800 кирпичей. Советские каменщики выкладывали в среднем по 97. Американские консультанты предложили ввести свои методы работы и инструменты американского образца. Производительность работы стала постепенно повышаться. Три месяца спустя те же рабочие клали уже по 500 кирпичей в день каждый¹⁴. Огден вообще подчеркивал готовность, «с которой русские рабочие берутся за выполнение новых задач производства; это особенно относится к молодым мужчинам и женщинам. ...Многие старые рабочие не могут приспособиться к новому роду производственной работы, требующему тесной координации между мозгом и руками»¹⁵.

Для сокращения сроков работ на стройке часто принимались смелые и неординарные решения. Напряженным моментом монтажа доменных печей стал подъем наклонных мостов. Для работы на высоте из Америки, по предложению И.П. Бардина, были выписаны два такелажника. Но, по словам главного инженера, такелажному делу советскую молодежь учил обер-мастер И.А. Воронин. Ему и начальнику монтажных работ В.Н. Широкову принадлежала идея поднять огромный наклонный мост не в разобранном виде, как это делалось во всем мире, а целиком, чтобы таким образом сократить сроки работы. Американцы отказались нести ответственность за «последствия этого неслыханного технического проекта»¹⁶. Главный инженер принял эту ответственность на себя. Проект оказался удачным. «После этого случая, — писал И.П. Бардин, — крупный специалист американец Глэн заявил мне: «Вы — счастливый инженер: русские рабочие — лучшие рабочие в мире»¹⁷.

¹¹ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 63. Л. 4-5.

¹² Там же. Л. 4-5.

¹³ Там же. Д. 172. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ Бардин И.П. Жизнь инженера // Сибирский сталеград. Кемерово, 1988. С. 74-75.

¹⁷ Бардин И.П. Жизнь инженера. С. 75.

К концу 1930 г. в тяжелом положении оказались коксохимический и прокатный цехи — начальное и завершающее звенья металлургического цикла. На коксохиме спешно копали котлованы. Обнаружили плавун — болотистую, вязкую почву. «На синих кальках чертили вредители проекта завода, и они посадили коксовые печи в трясины, в ил, в болото», — писал журналист¹⁸. Просчет допустил московский профессор, проводивший консультации по грунтам для Кузнецкстроя.

Было создано техническое совещание с участием представителей Союзкокса и французской фирмы «Дастикок», с которой был оформлен договор на строительство коксовых печей. Выход был один: укрепить грунт железобетонными сваями. Инженер фирмы привез из Парижа проект свайных оснований. Для работы требовалось заграничное оборудование. Ситуация грозила отсрочкой строительства на полгода. Тогда работники Кузнецкстроя и Союзкокса разработали свой способ забивки свай. Как вспоминал С.М. Франкфурт, к явному смущению французов, через месяц строители были в состоянии начать бетонные работы¹⁹.

Много конфликтов было при подготовке к пуску первой доменной печи. Иностранцы требовали проведения дополнительных работ. Б.Н. Жеребин, И.П. Бардин, С.М. Франкфурт обвиняли инспектов в излишней перестраховке. Руководство Кузнецкстроя высказалось за пуск печи, считая «выполнение 101 условия» вполне достаточным²⁰. Интересно, что Огден, говоря о своих взаимоотношениях с советскими инженерами, упоминал «оживленные споры», которые, по его словам, «были лишь дружескими прениями, ведущими почти всегда к ускорению работы»²¹.

Советские рабочие высказывались проще: американцы были просто вредителями и старались всячески затормозить развитие молодого советского государства. «Мне приходилось иметь дело со специалистами по перекидным устройствам. Бывало, они по пустякам останавливали печь на 4 часа, никого не пускали, копались, бегали. Теперь я считаю, что все это делалось с целью задержать работу. Ведь мы позднее без каких-либо специалистов делали такую работу за 30 минут, за час», — рассказывал нормировщик мартеновского цеха С.М. Завзенов²². Стремление убедить читателей в реально малой значимости инспектов для Кузнецкстроя содержится в большей части мемуаров советских рабочих и специалистов²³.

Встречаются подробные рассказы о том, что иностранцы употребляли на работе спиртное.²⁴ Чаще всего в пьянстве винили немецких монтеров. «Подходит немец в крагах, в сером костюме, из кармана торчит бутылка рома (пили они прямо из горлышка, закусывали бутербродами, которые тоже носили в карманах)», — писал И.П. Лузанов²⁵. «Однажды летом 1931 г., — рассказывал С.М. Франкфурт, — я был свидетелем такой картины. На Верхней Колонии перепившиеся немецкие монте-

¹⁸ СССР на стройке. 1932. №4. С. 10.

¹⁹ Франкфурт С.М. Рождение стали и человека. М., 1935. С. 40.

²⁰ Там же. С. 127, 130.

²¹ НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.

²² Там же. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 115. Л. 4.

²³ См. воспоминания Н.П. Бушмакина, Т.И. Иваненко, Б.Н. Жеребина и др.

НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1.

²⁴ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Дд. 34, 109

²⁵ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 63. Л. 4-5.

ры, без пиджаков, устроили на улице шествие. Шло человек двадцать гуськом один за другим. Многие из них несли на руках играющие патефоны, другие тут же танцевали»²⁶. Возможно, предвзятое отношение к германским подданным связано с установившимся в Германии фашистским режимом, когда под словом «немец» почти однозначно подразумевалось «фашист», «враг».

Случаи пьянства зафиксированы в личных делах некоторых иноробочих. Например, Петер Финк прибыл на Кузнецкстрой с запорожского завода №29. На комбинате он работал токарным мастером в механическом цехе. В апреле 1934 г. Финк явился на работу в нетрезвом состоянии. Мастер тихо предложил ему уйти домой, однако Финк устроил скандал, доказывая, что он не пьян. Привлеченный к разбирательству врач констатировал факт опьянения. На Финка было наложено административное взыскание²⁷.

Следует, однако, отметить, что таких рабочих на КМК не оставляли. Тот же Петер Финк после разбора его дела в РКК был выслан с завода и направлен в Москву в распоряжение Народного комиссариата тяжелой промышленности²⁸.

Особенно остро на Кузнецкстрое стояла проблема освоения зарубежной техники. Иностранцы, занятые монтажом оборудования, относились еще к одной обособленной группе инспекторов — монтеры. Они сопровождали закупленное Советским Союзом оборудование. Работали по контрактам, которые полностью или частично оплачивались в валюте. Сроки контрактов — от 2 до 6 месяцев. Монтеры работали в большинстве честно и точно, так как от этого зависел авторитет фирмы. Однако делиться опытом с советскими рабочими не стремились. «Это, конечно, обижало, но жаловаться было некому: с точки зрения иностранцев, если фирма взялась за какую-то работу, она ее делает, а разъяснять, что, как и зачем делается, она не обязана», — рассказывал начальник технического отдела коксохимпроизводства А.А. Добрынин²⁹.

Монтеры представляли собой разнородную массу. Оборудование доменного и мартеновского цехов, блюминга поставлялось из Германии. Бригадир слесарей тепло-монтажа К.Я. Денисов с теплым чувством вспоминал немецкого монтера, который помогал бригаде быстро изучить детали котлов.

Паропроводами на электростанции занималась немецкая фирма «Рибер». Журнал «СССР на стройке» опубликовал хвалебную статью, в которой рассказывалось о том, что немецкие монтеры Карл Папке, Теодор Пуншик и Фриц Штокенгер, зараженные «неистощимой энергией» советских рабочих, впервые в своей жизни отказались праздновать рождество и вышли на работу, чтобы помочь скорее пустить турбину³⁰. Технический руководитель строительства ЦЭС инженер В.С. Петровых отмечал хорошее качество монтажа, проведенного под руководством монтеров фирмы.

Советские рабочие в своих воспоминаниях часто смешивают монтеров и инженеров-консультантов. Это, вероятно, связано с тем, что многие консультанты выступали на стройке в несвойственной для них роли. Из-за недостатка специалистов среди советских рабочих иностранные инженеры занимались монтажом оборудования и обучением персонала эксплуатационников. Особенно часто в воспоминаниях рабочих

²⁶ Франкфурт С.М. Указ. Соч. С. 129-130.

²⁷ АИ КМК. Оп. 14. Д. 230. Л. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

³⁰ СССР на стройке. 1932. №4. С. 12об.

мартеновского цеха упоминается американец Ральф Вэйл. Вэйл — одна из самых ярких личностей в среде иностранных специалистов. Несомненно, что он внес огромный вклад в развитие мартеновского производства в Кузнецке. В воспоминаниях советских рабочих Вэйл охарактеризован как интересный, умный, энергичный человек, инженер широкого профиля — сталеплавильщик, монтажник, химик. Он обучал рабочих американским приемам сталеварения, знакомил с новым оборудованием, особое внимание уделяя качеству работы³¹. «Носов, Вэйл, Хрущев — вот кого я считаю своими учителями, вот кто мне как мастеру дал навык», — подчеркивал С.Т. Блинов³².

Вэйл был направлен на Кузнецкстрой осенью 1931 г. в качестве консультанта от фирмы «Фрейн». В отличие от многих других консультантов он был искренне заинтересован в строительстве. Вэйл принимал участие в монтаже первой мартеновской печи в 1931 г. «Я был достаточно русским, чтобы разделить вашу радость», — говорил он о ее пуске³³. «Первая плавка в сумерках сентябрьского вечера Сибири вызвала мысли о том, что «социализм бросил вызов своей судьбе, и социализм победил»³⁴.

По истечении срока договора в начале 1933 г. Вэйл уехал в США³⁵. Со стройкой расставался тяжело: «Это все равно как мать должна отдавать своего ребенка»³⁶. В октябре 1934 г. по приглашению директора КМК К.И. Бутенко Вэйл вернулся на Кузнецкстрой, где занял должность начальника блока печей. За время работы им был предложен ряд усовершенствований техники и технологии, исходя из американского опыта. Одни из них были приняты уже в 1935 г., другие внедрены после отъезда инженера, третьи оказались непригодны в условиях Кузнецкстроя³⁷.

В 1932 г. для кладки второй очереди коксовых батарей был повторно приглашен на комбинат шефмастер фирмы «Дастикок» Альфред Эстиваль. «Эстиваль является весьма доверенным лицом и зачастую вопросы практического порядка кладки решался им... работник весьма добросовестный... своим присутствием передает опыт нашим русским работникам и, будучи опытным мастером, дает правильные техниче-

³¹ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

³² Там же. Д. 30. Л. 6.

³³ Иванов Ю.А. Мемуарные источники по истории черной металлургии Западной Сибири (1928-1941). Дисс. ...к. и. н. Томск, 1968. С. 191.

³⁴ Там же. С. 251.

³⁵ Иванов Ю.А., Полянская Е.М. Кузнецкий металлургический комбинат во второй пятилетке (1933-1937 годы) // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 131.

³⁶ Иванов Ю.А. Мемуарные источники по истории... С. 191.

³⁷ Согласно условиям договоров, заключаемых с иностранными специалистами, изобретения и рационализаторские предложения не оплачивались, а право на патент принадлежало работодателю. АИ КМК. Оп. 14. Д. 235. Л. 11-13. Тем не менее, по официальным данным, в 1932 г. до 40% иностранных рабочих, трудившихся в СССР, числились изобретателями и рационализаторами. В фонд советской пятилетки передавались патенты на изобретения, рационализаторские предложения, деньги, станки и оборудование, приобретенные на свои деньги, техническая литература и др. Так, например, на Кузнецкстрое ряд рационализаторских предложений внес Николай Циммер. Немецкий коммунист Герман Крауз внес 13 рационализаторских предложений, из которых 8 были проведены в жизнь и дали значительный экономический эффект.

ские разрешения практических вопросов», — было написано в его характеристике³⁸. В мае 1933 г. за хорошую работу Эстиваль был награжден путевкой на курорт³⁹.

Специалистов, подобных Вэйлу и Эстивалю, было немного. По словам инженера Б.Н. Жеребина, большинство американцев к русскому персоналу относились плохо, претендовали на безапелляционное выполнение их указаний, особенно в период расстройств печей⁴⁰. Случались и инциденты. Так, например, Фергюссон-младший, поспорив с Б.Н. Жеребиным и С.Н. Болговым, «хлопнул шапку оземь и ушел домой». Б.Н. Жеребин вспоминал, что американца заставили извиниться «за уход с работы», что ему, конечно, понравиться не могло. Начальник доменного цеха Котов «обязал американцев более ответственно объяснять свои указания, подвергая их критическому анализу, вел курс на повышение авторитета и ответственности русских инженеров»⁴¹. Однако это вряд ли повлияло на взаимоотношения иностранных и советских рабочих. Администрация от случая к случаю вмешивалась в сложные взаимоотношения советских и иностранных рабочих, но это не решало проблем, а часто лишь усугубляло их.

В попытках разобраться с незнакомой техникой рабочим приходилось прибегать к самым различным ухищрениям. В затруднительном положении часто оказывались не только советские, но и иностранные специалисты. Огден рассказывал, как пришлось собирать новейшие германские машины при помощи фотографий. Чертежи с исчерпывающими указаниями относительно сборки машин хранились то ли в Москве, то ли «в другом надежном месте»⁴².

На заводе имелся эксплуатационный персонал, состоявший из американцев. Главным техническим руководителем был «Фергюссон-старший», как его прозвали советские рабочие. По мере расширения строительства в Кузнецк прибывали советские специалисты с южных заводов. Однако они не имели опыта работы с подобными мощностями и поэтому не могли заменить иностранных специалистов. Шла детальная подготовка к эксплуатации комбината. По словам Б.Н. Жеребина, был даже организован «учебно-курсовой комбинат, в котором мы все и учились. Лекции читали американцы — об эксплуатации оборудования, о приемах ведения печей. Лекции были построены в общем плане, а нам были нужны более детальные практические данные. Их мы получали от Сарова, Ровенского и других старых практических работников»⁴³.

Общее, характерное для всех американцев, состояло в том, что они смотрели на советских рабочих свысока, считали их малосведущими, что приводило к недоверию и мелкой опеке. Б.Н. Жеребин признавал, что для такого отношения «некоторые основания были»: «Кроме Дембовецкого, имевшего опыт практической работы, и меня (я примерно полгода после вуза работал на старом Тагильском заводе), все были молодыми специалистами, за плечами у которых была только небольшая стажировка на южных заводах»⁴⁴.

³⁸ АИ КМК. Оп. 14. Д. 240. Л. 27.

³⁹ Там же. Л. 52.

⁴⁰ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 109. Л. 8.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

⁴³ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Л. 3.

Некомпетентность советских инженеров (особенно тех, кто приезжал с южных заводов уже в 1932-1935 гг.) и личные амбиции обеих сторон могли стать еще одной причиной столкновений. Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях советских рабочих, инженеров. Так, например, начальник ЦРМП С.Т. Блинов рассказывал, что в 1934 г. на КМК приехала большая группа металлургов с Украины. До приезда на КМК «южане работали на малых печах и в смысле наших печей мало что сделали, да и мало что могли сделать». Главная заслуга в освоении мартеновского цеха, по словам С.Т. Блинова, «принадлежит Г.И. Носову и американскому консультанту Вэйлу. Вэйл много нам помог. Некоторые зазнайки теперь присваивают себе то, что он тогда сделал»⁴⁵.

Постановление ЦК ВКП(б) «О работе среди иностранных рабочих» от 21 ноября 1930 г. обязывало партийные организации принять меры «к изжитию изолированного положения иностранцев-рабочих, помогать им овладеть русским языком, вовлекая их в ударные бригады, соцсоревнования, ...привлекая к активному участию в профсоюзной работе, выдвигая лучших в состав завкомов и т. д.»⁴⁶

Устанавливалась персональная ответственность помощников директоров по производственным совещаниям за своевременное проведение в жизнь рационализаторских предложений иностранных рабочих и специалистов⁴⁷. Особое внимание обращалось на правильное производственное использование иностранных рабочих, на вопросы организации передачи их опыта, навыков и знаний⁴⁸. Однако для иностранцев само понятие социалистического соревнования и ударного труда было абсолютно новым.

На Кузнецкстрое стали организовывать показательные иностранные «ударные бригады». Они были нужны для поднятия общего настроения иностранцев. Рабочие в таких бригадах должны были собственным примером демонстрировать значение коллективного труда. Большое распространение получило движение по «освобождению СССР от импорта». На КМК устанавливалось сложное иностранное оборудование, однако почти всегда оно поставлялось в СССР без комплектов запасных частей. В связи с этим в 1930-1931 гг. на стройке стали раздаваться призывы к изготовлению запчастей собственными силами. Организовывались ударные отряды для изготовления чертежей запасных частей для шамотно-динасового, доменного, прокатного, мартеновского цехов, коксохимкомбината, ЦЭС и др.»⁴⁹

Чтобы производить аналоги американского и германского оборудования в Советском Союзе, рабочие разбирали уже привезенные станки, срисовывали каждую деталь и готовые чертежи отправляли на отечественные машиностроительные заводы (например, на Уралмаш). Занимались подобным плагиатом по ночам с целью скрыть факт воровства чужих идей⁵⁰. В результате значительно снизились закупки импортных станков и оборудования.

Наряду с этим в своих воспоминаниях бывшие кузнецкстроевцы подчеркивали тот факт, что турбины, электромоторы, калибровки (и другое оборудование ино-

⁴⁵ Там же. Д. 30. Л. 4-5.

⁴⁶ Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966. С. 301.

⁴⁷ Справочник партийного работника. М., 1934. Вып. 8. С. 420.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Большевицкая сталь. 1932, 4 марта.

⁵⁰ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 90. Л. 7; Д. 225. Л. 3.

странных фирм) имели немало дефектов и часто выходили из строя. Слабой оказалась немецкая арматура⁵¹. Ветераны электростанции отмечали, что оборудование отечественных заводов оказалось более надежным в эксплуатации.

Многие советские строители считали, что иностранцев на строительстве кроме денег ничего не интересует. «Они верили в доллары, в долларах им платили», — писал И. Эренбург⁵². Инженеры компании «Фрейн», монтеры и консультанты, работавшие по контрактам, заработную плату получали в валюте. «Сданный за ненадобностью в контору Водоканалстроя мистер Бурелл получил от тогдашнего начальника Баша отдельную комнату, где и помещался со своим переводчиком. Основное его занятие было давить мух на окне и складывать мушиные трупы правильными рядами. Зная, что им платят долларами, Сазыкин подсчитал, что каждая убитая им муха обходилась тогда в 5 долларов», — вспоминал инженер Б.В. Дорошевский⁵³.

Ральф Вэйл несколько раз подчеркивал в письмах к И.П. Бардину тот факт, что Советский Союз заплатил ему 4000 долларов, которые он должен отработать. «Вы на сегодняшний день уплатили мне около 4000 долларов валютой, фактор, важный для вашего народа вообще, если не для вас...», — писал он главному инженеру⁵⁴. «Я, на которого вы затратили около 4000 долларов для внедрения новой техники, тоже был один во всем, чтобы я ни делал»⁵⁵. Явно «обиженный» тон писем говорит о том, что Вэйлу, вероятно, часто приходилось слышать о деньгах от своих советских коллег.

«Безвалютных» рабочих-иностранцев называли настоящими друзьями Советского государства. Условия их проживания на стройке мало чем отличались от условий советских рабочих. Среди существенных отличий можно назвать два: питание в отдельной столовой и выдача заработной платы. У безвалютных контрактников оклады варьировались от 200 до 350 рублей в месяц. По установленному порядку на Кузнецком комбинате во избежание недоразумений заработная плата иностранным рабочим и специалистам выдавалась в установленный коллективным договором срок, независимо от выдачи заработной платы работникам цеха. В случае отсутствия денег в кассе цеха оплату переводили на главную кассу заводоуправления⁵⁶.

Среди иноробочих также встречались и недовольные созданными условиями труда и быта. Так, немец Генрих Вельс прибыл на КМК в январе 1934 г. с Тульского завода №1 для работы в механическом цехе. Выказывал претензии по поводу низкой заработной платы. Одновременно отказывался выполнять свои непосредственные обязанности. В апреле того же года от Вельса поступило заявление с требованием освободить его от работы. Цеховая администрация подтвердила на комиссии, что Вельс временно используется сверловщиком и в дальнейшем планируется его перевод на расточный станок. Однако от перехода на другой станок Вельс отказался, как отказался и работать на своем прежнем станке. По истечении 15 дней со дня подачи заявления Вельс на работу не вышел. В заводском комитете уговаривали иноробочего остаться на предприятии. Инобюро прибегло к шантажу, отказав в выдаче денег на обратный проезд. Но Вельс от своего намерения покинуть Кузнецкстрой не

⁵¹ Там же. Д. 177. Л. 3.

⁵² Эренбург И. День второй. М., 1964. Т. 2. С. 15.

⁵³ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 122. Л. 13.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ АИ КМК. Оп. 14. Д. 235. Л. 25.

отказался. Когда стало ясно, что уговоры не помогают, Вельс был выпроважен из Сталинска⁵⁷.

Заработная плата иностранных рабочих, приезжавших на завод в 1933-1935 гг., действительно была чрезвычайно мала. Так, например, в группе политических эмигрантов, прибывших в 1934 г. из Прокопьевска, заработки варьировались от 67 до 250 рублей в месяц⁵⁸. Для сравнения можно сказать, что питание в столовой в месяц обходилось на 1 человека в 120 рублей.

Инорабочие, попадая в тяжелые условия, обращались за помощью в Инобюро. Просили списать долги, повысить заработную плату. Бюро шло на уступки. Причиной этому, видимо, были, с одной стороны, действия МОПРа. Организация внимательно следила за условиями содержания политических иммигрантов, предоставляла дотации на время переквалификации. С другой стороны, управлению уступки обходились дешевле, чем оплата дополнительных расходов по переезду иностранных рабочих и новому поиску работы.

Некоторые инспекты отказывались от валюты, предпочитая получать заработную плату в рублях. Например, немецкий коммунист Герман Крауз «по договору обязался работать 3 года не за капиталистическую валюту, а за советские деньги»⁵⁹. С.Т. Блинов вспоминал, что Вэйл «большое значение придавал экономической стороне дела, часто говорил, что рубль надо беречь»⁶⁰.

Необходимость более внимательного отношения к иностранным специалистам оговаривал Амторг: «До сих пор имеются случаи недостаточно внимательного отношения к иностранным специалистам. В СССР люди выписываются, им работа не предоставляется или предоставляется работа, для которой они не выписывались. Необходимо, чтобы тресты, приглашающие иностранных специалистов, полностью несли бы ответственность за их рациональное использование и обо всех назревающих конфликтах своевременно доводили бы до сведения иностранного отдела ВСНХ»⁶¹. В начале 1930-х годов возможность разрешения конфликтных ситуаций при вмешательстве партийного руководства или иностранного бюро еще существовала. Так, например, 28 мая 1932 г. Президиум Сталинской городской КК-РКИ принял постановление «По докладу об использовании иностранного специалиста тов. Циммера в котельном цехе». В постановлении признавались недооценка немецкого специалиста и «медлительность в проведении в жизнь усовершенствований и приспособлений т. Циммера»⁶².

Эффективное использование знаний зарубежных специалистов зависело от многих причин. С одной стороны, руководство комбината не всегда с должным вниманием относилось к опыту иностранных коллег. Важную роль в этом вопросе играло часто отрицательное отношение самих инспектов к строящемуся заводу и советским рабочим. Последние, в свою очередь, воспринимали иностранцев как представителей западной буржуазии, врагов советского строя. Все эти факторы не позволяли развивать сотрудничество с иностранцами в полную силу.

⁵⁷ АИ КМК. Оп. 14. Д. 187. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Дд. 188, 189, 199, 200, 215.

⁵⁹ Хазина М.Ю. Соратники в борьбе за Кузнецкий металл // Плечом к плечу. Из истории интернациональных связей Кузбасса. Кемерово, 1969. С. 35.

⁶⁰ НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.

⁶¹ Россия и США: экономические отношения. 1917-1933 годы. С. 276.

⁶² ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 11. Л. 228.

ЛИТЕРАТУРА

- Бардин И.П. Жизнь инженера. Новосибирск, 1939. 192 с.
- Бардин И.П. Осуществление мечты // Стальное сердце Сибири. Кемерово, 1982. С. 34-45.
- Бардин И.П. Жизнь инженера // Сибирский Сталеград. Кемерово, 1988. С. 15-91.
- Большевистская сталь. 1932.
- Иванов Ю.А. Мемуарные источники по истории черной металлургии Западной Сибири (1928-1941). Дисс. ...к.и.н. Томск, 1968.
- Иванов Ю.А., Полянская Е.М. Кузнецкий металлургический комбинат во второй пятилетке (1933-1937 годы) // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 126-138.
- Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966. 424 с.
- Россия и США: экономические отношения. 1917-1933 годы. Сборник документов. М., 1997.
- Справочник партийного работника. М., 1934. Вып. 8.
- СССР на стройке. 1932.
- Франкфурт С.М. Рождение стали и человека. М., 1935. 273 с.
- Хазина М.Ю. Соратники в борьбе за Кузнецкий металл // Плечом к плечу. Из истории интернациональных связей Кузбасса. Кемерово, 1969. С. 31-47.
- Эренбург И. День второй. М., 1964. Т. 2. С. 151-360.

Судьбы немцев-трудармейцев города Сталинска

(по архивным документам отдела кадров шахты «Байдаевская»
1942-1943 гг.)

Национальный вопрос всегда был и остаётся в современном многонациональном государстве одним из самых неоднозначных и болезненных. Как показала практика, в решении национальных конфликтов нельзя допускать ущемления в правах одной нации по отношению к другой. В последние годы в нашей стране произошли значительные социально-политические и экономические изменения. Это заставило переосмыслить отношение к национальному вопросу в советском обществе. Решение национального вопроса часто было несправедливым в результате низкой степени компетенции государства. Такое отношение стало одной из причин обострения межнациональных отношений в стране за последние десятилетия¹. В этой связи, полезно учитывать неудачный опыт решения национальных проблем в прошлом, чтобы не совершать прежних ошибок.

В годы Великой Отечественной войны стала складываться практика использования принудительного труда репрессированных народов в составе так называемых трудармий². Российские немцы оказались самым большим контингентом в трудармии — приблизительно 60-70% от общей численности трудармейцев в 1942-1943 годах³. Трудармия сохранилась и в послевоенное время. Одним из малоизвестных и противоречивых сюжетов советской действительности 1950-х годов является история трудармии.

Трудармия как часть репрессивной политики значительно изменила жизнь народа. Немцы, проживавшие до депортации большей частью в компактных поселениях, были расселены по обширным просторам Сибири, Казахстана и Средней Азии. Рабочие кадры угольной промышленности Кузбасса также были значительно пополнены трудармейцами. Принудительный труд, проживание в условиях спецпоселений отрицательно сказались на численности, сохранении языка и культурно-бытовых особенностей, национальном самосознании переселённого народа.

Проблемами принудительного трудового использования репрессированных наро-

¹ Шадт А.А. Спецпоселения российских немцев в Сибири (1941–1955). Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 3.

² Первый опыт использования трудовых армий был в начале 1920-х гг. (Прим. ред.).

³ Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 годов. Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995г. Москва, 1996.

дов, в частности немцев, в угольной промышленности Кузбасса в последние годы занимались многие исследователи⁴. Но изучение и освещение положения немцев-трудоармейцев, предпринятое по архивным материалам отдела кадров шахты «Байдаевская», позволяет значительно расширить базу данных и конкретизировать вклад немцев-трудоармейцев в развитие угольной промышленности отдельного региона.

Шахта «Байдаевская» расположена в центральной части Байдаевского месторождения в Орджоникидзевском районе г. Новокузнецка. Законодательных актов об ее образовании не сохранилось, но в документальных материалах маркшейдерского отдела есть сведения, что шахта была заложена в 1938 г. и сдана в эксплуатацию в 1940 г. В ГАКО на постоянном хранении числятся документальные материалы шахты в количестве 86 единиц, но в архиве этих документов не оказалось⁵.

Особую категорию принудительных рабочих шахты составляли лица немецкой национальности, мобилизованные в трудовую армию в соответствии с постановлением ГКО от 7 октября 1941 года. Согласно «Инструкции по использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев», изданной под грифом «Совершенно секретно», эти люди были организованы в рабочие колонны, размещены в казармах — бараках и изолированы от общества.

Немцы привлекались к принудительному труду в угольной промышленности и на основании постановления ГКО СССР №2383сс (от 7 октября 1942 года) «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» и 33960сс (от 19 августа 1943 года), постановления Совнаркома СССР №1030-510сс «О народнохозяйственном плане третьего квартала 1942 года» (от 15 июля 1942 года)⁶.

Постановления предусматривали мобилизацию мужчин и женщин немецкой национальности в рабочие колонны НКВД для дальнейшего использования в угольной промышленности и размещения их в охраняемых лагерных пунктах — зонах.

Основой нашего исследования стали воспоминания родственников трудоармейцев, документы их семейных архивов, личные карточки немцев-трудоармейцев из архива шахты «Байдаевская», уволенных в период 1942 — 1943 года. Архив сохранился не полностью, однако дает богатейший материал для исследования.

Личные карточки трудоармейцев сшиты и переплетены в виде книг. Карточки имеют несколько нумераций, в них отсутствуют фотографии трудоармейцев. В каждой книге с личными карточками прилагается список трудоармейцев в алфавитном порядке. Большая часть личных карточек в плохой сохранности, многие заполнены неразбор-

³ Бикметов Р.С. К вопросу об использовании принудительного труда в угольной промышленности Кузбасса в годы ВОВ // Современные проблемы исторического краеведения (375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области): Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Кемерово, 1993. С. 122-125; Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С. Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы // Документы и материалы. Кемерово, 2002. С. 11-65. В книге упоминается об использовании мобилизованных немцев для повышения квалификации военнопленных.

⁵ Байдаевской — полвека. Новосибирск, 1990. С.6, 13, 16; Наша Байдаевка. Кемерово, 1973. С. 10-15.

⁶ История российских немцев в документах. М., 1973. С.172, 174; Гербер О.А. Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е годы // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 97-115.

чивым почерком, а некоторые — лишь частично. Некоторые карточки записаны на листах книг, журналов, на обоях и оберточной бумаге.

Личные карточки являются уникальными по своей информационной насыщенности документами. Они содержат фамилию, имя и отчество, данные о месте рождения, национальности, месте жительства до войны, семейном положении, о знании иностранного языка, социальном происхождении и положении, образовании и партийности, о специальности до войны и способе использования труда на шахте, о стаже работы, названии военкоматов и времени мобилизации в трудармию, наличии документов.

В качестве примера приведем одну из личных карточек:

Кольм Андрей Яковлевич, 1925 года рождения. Место рождения — Омская обл., Ульяновский район, колхоз им. Сталина.

Образование — 3 класса, беспартийный, не судим.

Специальность — нет.

Происхождение — крестьянское.

Прибыл на шахту из Омской обл.

Адрес — Кагановича, 1.

16.09.42 1 уч. в/лопат.

09.10.42 погрузка грузчик

09.02.43 п/тр ч/раб

16.03.43 бригада по борьбе с вес. водами

13.10.43 арестован, снят с комплекта⁷.

В подавляющем большинстве личных карточек сделана запись «уволен с комплекта», дата и причина: по болезни, дезертировал, переведен на другое предприятие, в зону, на место поселения, погиб в шахте, осужден, арестован. Фамилии трудармейцев и место их рождения часто искажены, так как данные вносились сотрудником отдела кадров со слов, зачастую неразборчивым почерком и с грамматическими ошибками.

Нами были обработаны только личные карточки мобилизованных немцев. На шахте среди трудармейцев были казахи, молдаване, украинцы, белорусы, крымские татары и лица других национальностей, даже американец. Сохранность книг регистрации, поступивших на шахту, даёт минимум информации. Поэтому мы их практически не использовали. Так как работа с личными карточками в архиве требует очень много времени, мы ограничили хронологические рамки нашего исследования 1942-1943 годами. Кроме того, в нашем распоряжении были лишь документы учета уволенных, по которым невозможно проследить количество поступивших на шахту трудармейцев. Списков прибывших на шахту в архиве нет. Следовательно, данный архивный материал не отражает полную достоверную информацию о немцах — трудармейцах и носит оценочный характер.

По личным карточкам выявлено, что на шахте «Байдаевская» трудармейцы стали использоваться с 1942 г. Просмотр архива отдела кадров шахты «Байдаевская» на конец 1941 г. показал, что в это время трудармейцев на шахте не было. Для получения максимальной информации из личных карточек мы составили методику их обработки.

⁷ Комплект — плановое количество работников шахты: технический состав, шахтёры разных профессий, обслуживающий персонал. Снять с комплекта — уволить из числа работников шахты.

Личные карточки трудармейцев, уволенных в период 1942-1943 гг. с шахты «Байдаевская», составили 3 книги:

- книга личных карточек по отделу кадров шахты «Байдаевская», буквы от «А-К», содержит 509 личных карточек, из них 106 немцев-трудармейцев.

- книга личных карточек от «И-С» содержит 398 личных карточек, из них 52 личные карточки немцев.

- книга от «Т-Я» включает 271 личную карточку, немцев из них — 53.

Таким образом, с шахты «Байдаевская» в период 1942-1943 гг. было уволено 1178 человек. Нами были просмотрены все эти личные карточки, для изучения мы отобрали личные карточки 211 немцев-трудармейцев. Предварительное знакомство с архивом подтвердило предположение, что количество немцев-трудармейцев, работавших на шахте «Байдаевская» в то время, было значительно большим. Среди трудармейцев преобладали мужчины — 177 человек, женщин было меньше — 34.

В инструкции по использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев от 11 ноября 1942 г. в пункте №14 рассматривается порядок приема мобилизованных. Прием мобилизованных на шахту производился комиссией в составе заведующего шахтой, заместителя начальника отряда, врача и лица, сдающего партию мобилизованных.

Комиссия составляла акт приема мобилизованных в 3 экземплярах, к которым должны были прилагаться именные списки прибывающих с указанием в отношении каждого из них специальности, возраста, физического и санитарного состояния, наличие постельных принадлежностей, номера и даты выдачи паспортов и военных билетов. Паспорт и военный билет мобилизованные сдавали.

Все вновь прибывшие подвергались санобработке. Женщины размещались отдельно от мужчин.

Возрастные рамки мобилизованных мужчин от 15 до 57 лет, женщин — от 15 до 45 лет. Из 177 мужчин имели возраст 15 лет — 6 человек, 16 лет — 13 человек, 17 лет — 18 человек, 18 лет — 15 человек, 50 лет — 7 человек, 55 лет — 2 человека, 56 лет — 2 человека, 57 лет — 2 человека. Из 34 женщин имели возраст 15 лет — 1 человек, 18 лет — 6 человек, 20-23 года — 9 человек, 45 лет — 3 человека.

В 1942 году на шахту прибыло 69 мужчин, в 1943 году — 105, у трюх дата поступления неизвестна. Женщин прибыло в 1942 году — одна, в 1943 году — 32.

Большинство немцев были грамотными. На 177 мужчин приходилось неграмотных — 12 человек, малограмотных — 12 человек: 1 класс образования — 1 человек, 2 класса — 13 человек, 3 класса — 20 человек, 4 класса — 54 человека, 5 классов — 17 человек, 6 классов — 6 человек, 7 классов — 28 человек, 9 классов — 2 человека, 10 классов — 3 человека. Среднее образование имели 15 мужчин, среднее техническое — 3 человека. Были и закончившие 1 курс института — 2 человека. Высшее образование было у 3 человек. Об образовании шести немцев сведения отсутствуют.

Среди женщин высшее образование имела только одна. Неграмотными были 2 женщины, малограмотными 5. 2 класса образования имели — 2 человека, 3 класса — 2, 4 класса — 10, 5 классов — 4, 6 классов — 2, 8 классов — 2, среднее образование имели — 3, среднее медицинское — 1, первый курс института — 1. В личных карточках образование не указано у 5 женщин.

Специальности мужчин до депортации: ветеринарный санитар, бухгалтер, сплавщик, связист, плотник, тракторист, учитель, ткач, счетовод, молотобоец, сапожник, слесарь, шорник, каменщик, продавец, сапожник, токарь, электрик, пекарь, бондарь, кузнец, механик, юрист, машинист, столяр, повар, стекольщик, кондитер, начальник снабжения, моторист, фотограф, шофер, портной, рабочий. На шахте они использовались как грузчики, вагонолопатчики, чернорабочие, забойщики, плотники, коннохи, коноводы, проходчики, сцепщики, породовыборщики, лесогрузчики.

Мужчин без специальности было 45 человек, в основном они были жителями сельской местности. У 40 человек данные о профессии вообще отсутствуют.

Женщины до войны были учителями, заведующими магазинами, медсестрами, портнихами, сельхозработницами. Из 34 женщин специальностей не имели две, у 14 женщин специальности не указаны. На шахте представители слабого пола работали наравне с мужчинами чернорабочими, вагонолопатчицами, породоотбойщицами, грузчицами, чистильщицами путей, уборщицами, сортировщицами, на лесодоставке.

Таким образом, преобладающее большинство трудармейцев использовалось без учета их специальности, на неквалифицированной работе, и среди мобилизованных немцев не проводилась техническая учеба⁸. Подготовка немцев-трудармейцев по шахтовым специальностям затруднялась и из-за слабого знания русского языка немцами. Кроме того, стало практикой перебрасывать мобилизованных с участка на участок на различные должности. Подобное отношение отрицательно сказывалось на выполнении плана по добыче угля.

На шахту немки были мобилизованы: из Омской области — 18 чел.; из Новосибирской области — 13 чел.; из г. Москва, г. Сталинска и с. Атаманово — по 1 чел.

География мобилизации мужчин значительно шире: Восточный Казахстан — 52 чел.; Алтайский край — 41 чел.; Новосибирская область — 20 чел.; Омская область — 29 чел.; Красноярский край — 9 чел.; г. Осинники — 22 чел.; Сталинская область — 5 чел.; Пензенская область — 2 чел.; Донбасс — 2 чел.; Смоленская область, Молдавская область, Азербайджанская область, г. Вологда, Хантымансийский округ, Орловская область, Кемеровская область, Поволжье, Сургутская область, г. Москва — по 1 человеку. Нет данных для 7 человек.

Среди мобилизованных немцев шахты «Байдаевская» можно выделить три категории: мобилизованные с мест спецпоселения (наибольшее количество), мобилизованные в местах постоянного проживания, мобилизованные из рядов Красной Армии.

Продолжительность работы «на комплекте» каждого трудармейца по личным карточкам установить не удалось, так как не у всех указаны точные данные поступления и увольнения. Часто указан только год. Точно указаны даты в личных карточках у 93 мужчин и у 22 женщин.

Одна проработала «на комплекте» 16 месяцев, затем ее перевели в зону. 3 женщины проработали 7 месяцев, 2 женщины — 6 месяцев, 3 женщины — 5 месяцев, 2 женщины — 2 месяца. По 1 месяцу отработало 11 женщин, большинство которых дезертировало.

Продолжительность работы мужчин «на комплекте» составляла от 1 до 16 месяцев: 1 месяц — 15 человек, 2 месяца — 16 человек, 3 месяца — 10 человек, 4 ме-

⁸ ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 4. Д. 4.

сяца — 10 человек, 5 месяцев — 8 человек, 6 месяцев — 11 человек, 7, 8 и 9 месяцев — 5 человек, 10 месяцев — 6 человек, 11 и 16 месяцев — 1 человек.

По инструкции трудомобилизованные немцы должны были содержаться в специально построенных зонах и изолированы от остального населения. Зоны должны иметь ограждение в виде забора, штакетника или изгороди из колючей проволоки. На территории зоны располагались бараки-общежития, баня, столовая, ремонтные и пошивочные мастерские, парикмахерская, гауптвахта.⁹ Но инструкции часто нарушались, мобилизованные проживали и на частных квартирах. Так, в приказе народного комиссара угольной промышленности СССР №253 А/с от 29 апреля 1943 года говорится, что на шахте «Байдаевская» треста Куйбышевуголь¹⁰ более 40 немцев расселены на частных квартирах¹¹. В личных карточках указаны следующие места проживания: Кагановича 1/8; Верхняя Колония; В/К, Кагановича; В/К, общежитие №4; В/К, барак №4; Крупская; Штольневая №4; Пром. Площадка №3.

Сопоставив все названия, мы пришли к выводу, что понятие «Верхняя Колония» и «зона» одно и то же. Название «Верхняя Колония» существует и сейчас. Так называется территория рядом с шахтой. Почти во всех личных карточках отмечено, что: документов нет, а в некоторых указано что паспорт, трудовая книжка, свидетельство о рождении сданы в зону.

Тяжелые условия труда и проживания вынуждали людей дезертировать. В целом по Сибири дезертиры среди трудармейцев-немцев составляли около 10% в год. Большинство побегов приходилось на 1943 год. Так, с шахты «Байдаевская» за период 1942-1943 гг. из 211 человек дезертировало 48 мужчин и 18 женщин. В процентном отношении женщины дезертировали чаще, чем мужчины.

По инструкции НКУП СССР В. Вахрушина от 11 ноября 1942 года в п. 7 указывается: «принять необходимые меры, предупреждающие возможность дезертирства мобилизованных немцев»¹². Но в реальной жизни инструкции нарушались, выполнялись нестрого.

Куда же бежали немцы-трудармейцы? На что они надеялись в условиях военного времени, когда вся жизнь репрессированных регламентировалась инструкциями и постановлениями? Бежавших немцев охотно принимали в колхозы из-за недостатка рабочей силы, откуда они писали письма своим знакомым, работающим по мобилизации на шахтах. Подобные письма подстрекали к дезертирству других¹³. Иногда немцы бежали к своим родным на поселения. Например, Кель Христинья Яковлевна (л/к 446, книга А-К):

Год рождения — 1910.

Место рождения — Воронежская область, деревня Рыбное.

Образование — неграмотная.

Судимость — нет.

Специальность — рабочая.

Прибыла — колхоз Атаманово.

⁹ ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 51. Л. 84.

¹⁰ Куйбышевуголь — угольный трест комбината Кузбассуголь, объединявший угольные предприятия г. Сталинска (Новокузнецка). Кузбассуголь — угольный комбинат, объединявший угольные тресты на территории юга Кузбасса, образован в 1943 г.

¹¹ ГАКО. Ф. 456. Оп. 4. Д.15. Л. 200-203.

¹² ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 31.

¹³ ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 51.

Домашний адрес — улица Штольная, 2

Неизвестно куда убыла в 1943 году.

В личной карточке Кель сделана запись — «неизвестно куда выбыла». Но нам удалось выяснить, что Христинья Яковлевна Кель всю жизнь прожила и умерла в деревне Атаманово. В настоящее время ее дети и внуки проживают в Германии.

Бинеман Федор Федорович (л/к №98, из книги уволенных А-К).

Год рождения — 1928.

Место рождения — Саратовская область, город Маркштадт.

Образование — 4 класса.

Партийность — беспартийный.

Специальность — нет.

Происхождение — крестьянин.

Положение — рабочий.

Прибыл на шахту — Новосибирская область, Болотнинский район, д. Радионовка.

Адрес — В.К. №4.

Квалификация — рабочий.

Член профсоюза — нет.

Отношение к военной службе — нет.

Наличие документа — нет.

Снят с комплекта как дезертир 3 ноября 1943 года.

За нарушение установленных инструкциями правил трудармейцы несли тяжелые наказания. Они подвергались аресту и содержались на гауптвахтах. Содержащиеся под арестом использовались на самых тяжелых работах внутри зоны. Продолжительность рабочего дня — 12 часов, без отдыха, кроме перерыва на обед. Норма питания арестованных составляла 50% от обычной¹⁴. В личных карточках встречается запись: осужден на 25% от нормы питания сроком на 3 месяца, 4 месяца, 6 месяцев. Причиной осуждения могли стать попытки побега, антисоветские настроения, невыполнения дневной нормы и т. д. Из 177 мужчин были арестованы 17, осуждены на 25% — 30 немцев, причем дважды были осуждены 10 человек, трижды — 2 человека. 1 немец был осужден 4 раза. Срок осуждения от 4 месяцев до 1 года. Умерло — 10 человек. Причины заболеваний и смертности чиновники НКВД не скрывали: истощение, недоедание и переутомление, отсутствие одежды, обуви, антисанитарные условия проживания, отсутствие своевременной медицинской помощи, высокий производственный травматизм. С комплекта по болезни снято 18 немцев-трудармейцев, в зону — 16 человек. В 55 личных карточках нет сведений о дальнейших судьбах трудармейцев, только дата увольнения. Сняты с комплекта на лесогавань — 2 человека, переведены на другие угольные предприятия — 2 человека.

Среди женщин из 34 немки: 1 направлена на другое угольное предприятие, сняты «с комплекта» в зону 4 женщины, по болезни домой — 1. У 9 женщин в личных карточках сведения о дальнейшей судьбе отсутствуют.

Таким образом, анализ собранного материала позволяет сделать следующие выводы: наибольшее количество немцев были мобилизованы на шахту «Байдаевская» с мест спецпоселений, мужчин было больше женщин, все документы у мобилизованных изымались, немцы составляли 18% от общего числа уволившихся с шахты в 1942-

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 51. Л. 84.

1943 г., большая часть мобилизованных имели начальное и специальное образование, труд мобилизованных использовался без учета их специальности на неквалифицированной работе, трудомобилизованные содержались в особых зонах и были изолированы от населения, за нарушения полагались тяжкие наказания, тяжелые условия труда и проживания вынуждали людей дезертировать. В эти годы трудно приходилось всем, но положение трудоармейцев немецкой национальности, которых «использовали» в угольной промышленности, было особенно тяжелым.

Приложения:

Постановление Государственного Комитета Обороны №1123сс
О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет
10 января 1942 г.
Москва, Кремль
Совершенно секретно

В целях рационального использования немцев-переселенцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, высланных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, Казахскую ССР, мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны, передав из этого числа:

а) НКВД СССР — на лесозаготовки 45 000 чел. НКВД СССР — на строительство Байкальского и Богословского заводов 35 000 чел.

б) НКПС СССР — на строительство железных дорог Сталинск — Абакан, Сталинск — Барнаул, Актюбинск — Павлодар, Сосьва — Алапаевск, Орск — Кандагач, Магнитогорск — Сара 40 000 чел.

Проведение мобилизации возложить на НКО (т. Цуаденко), совместно с НКВД и НКПС.

2. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты Наркомата обороны в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия.

3. Обязать НКПС и Управление военных сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев в течение января месяца с доставкой к месту работы не позднее 10 февраля.

4. Обязать НКВД СССР и НКПС СССР установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев четкий распорядок и дисциплину, обеспечив высокую производительность труда и выполнение производственных норм.

5. Поручить НКВД СССР дела в отношении не явившихся по мобилизации немцев на призывные пункты или на сборные пункты для отправки, а также в отношении находящихся в рабочих колоннах за нарушение дисциплины и отказ от работы, за неявку по мобилизации, за дезертирство из рабочих колонн, рассматривать на Особом совещании НКВД СССР с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания.

6. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД СССР.

Обязать Наркомторг СССР выделять НКВД СССР и НКПС СССР на всю численность мобилизованных немцев продовольственные и промтоварные фонды по этим нормам полностью.

7. Наркомзему СССР выделить в течение января-февраля месяца для НКВД СССР на лесоразработки 3500 лошадей.

8. Наркомфину СССР совместно с НКВД СССР предусмотреть в финплане НКВД СССР необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обузданию.

Председатель Государственного
Комитета Обороны

И.СТАЛИН

РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д.19. Л. 49-50¹⁵.

Постановление Государственного Комитета Обороны №2383 СС
О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР

7 октября 1942 г.

Москва, Кремль

Совершенно секретно

В дополнение к постановлениям ГОКО №1123сс от 10 января 1942 года и №1281сс от 14 февраля 1942 года ГКО постановляет:

1. Дополнительно мобилизовать в рабочие колонны на все время войны всех немцев мужчин в возрасте 15-16 лет и 51-55 лет включительно, годных к физическому труду, как переселенных из центральных областей СССР и республики Немцев Поволжья в пределы Казахской ССР и восточных областей РСФСР, так и проживающих в других областях, краях и республиках Советского Союза.

2. Одновременно провести мобилизацию в рабочие колонны на все время войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно. Освободить от мобилизации женщин-немок беременных и имеющих детей в возрасте до 3-х лет.

3. Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передаются на воспитание остальным членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизованных, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам. Обязать местные Советы депутатов трудящихся принять меры к устройству остающихся без родителей детей мобилизуемых немцев.

4. Проведение мобилизации немцев возложить на НКО и НКВД с привлечением местных органов Советской власти. К мобилизации немцев приступить немедленно и закончить в месячный срок.

5. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия.

6. Установить уголовную ответственность немцев как за неявку по мобилизации на призывные и сборные пункты, так и за самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн — по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.41 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

7. Мобилизованных в порядке настоящего постановления немцев-мужчин направить для работы на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» Наркомугля. Мобилизованных женщин-немок направить на предприятия Наркомнефти по разверстке Наркомата.

8. Обязать НКПС (т. Хрулева) и Управление военных сообщений НКО (т. Ковалева) обеспечить перевозки мобилизованных немцев по заявкам НКО и НКВД.

¹⁵ Опубликовано. См.: История российских немцев в документах. Ч. 1. М., 1993. С.168-169; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой Армии». 2-е изд. М., 2000, С.159-161.

9. Обязать Наркомнефть СССР и Наркомуголь СССР обеспечить прием, размещение и рациональное использование направляемой рабочей силы из мобилизованных немцев.

10. Обязать Наркомторг СССР (т. Любимова) обеспечить продовольственное снабжение мобилизованных в пути.

11. НКВД СССР и НКО доложить ГКО об итогах мобилизации немцев и о количестве направленных немцев по предприятиям Наркомугля и Наркомнефти.

Председатель Государственного
Комитета Обороны

И.СТАЛИН

РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 138-140.

УТВЕРЖДАЮ:
Зам. Управляющего
Трестом Кемуголь
Белослюдцев

СОГЛАСОВАНО:
Опер. уполномоченный
УНКВД
Кемеровской обл.
Горлидзе

ИНСТРУКЦИЯ

по содержанию арестованных на гауптвахте мобилизованных немцев

1. Мобилизованные немцы, подвергнутые аресту, содержатся на гауптвахте и охраняются вахтерским постом.

2. Гауптвахта состоит из двух камер — мужской и женской.

3. В помещении гауптвахты окна имеют железные решётки, размером 60х60.

4. Дверь гауптвахты имеет отверстие — волчок, диаметром 6 см.

5. При гауптвахте иметь топчаны и вносить их только на 6 часов ночного отдыха, убирающиеся на день.

6. Гауптвахта находится рядом с помещением для дежурного по зоне.

7. Содержащиеся под арестом выводятся на наиболее тяжелые черновые работы внутри зоны.

8. Продолжительность рабочего дня для арестованных обязательно не менее 12 часов в день.

9. Арестованный работает без отдыха в дневное время, кроме перерыва на обед.

10. Питание арестованного состоит из 50% его получаемой нормы.

11. Курить арестованному не разрешается на протяжении всего времени ареста.

12. Арестованный не должен иметь при себе:

а) продовольственных карточек и денег.

б) ремней, веревок, ниток, спичек, табачных изделий, спиртных напитков, медикаментов, вилок, ложек, мисок и т.д.

13. Всё имущество арестованного находится на сохранении у начальника охраны.

14. Охрана имеет журнал арестованных с точным указанием взятых вещей от арестованного и сроком его содержания.

ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 51. Л. 84.

ЛИТЕРАТУРА

Байдаевской — полвека. Новосибирск, 1990.

Бикметов Р.С. К вопросу об использовании принудительного труда в угольной промышленности Кузбасса в годы ВОВ // Современные проблемы исторического краеведения (375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования

Кемеровской области): Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Кемерово, 1993. С. 122-125.

Гербер О.А. Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е годы // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 97-115.

Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой Армии». 2-е изд. М., 2000.

История российских немцев в документах. М., 1993.

Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С. Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы // Документы и материалы. Кемерово, 2002. С. 11-65.

Наша Байдаевка. Кемерово, 1973.

Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 годов // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995г. Москва, 1996.

Шадт А.А. Спецпоселения российских немцев в Сибири (1941 — 1955): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ КМК — Архив истории Кузнецкого металлургического комбината
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО — Археологические открытия
ВСНХ — Всесоюзный совет народного хозяйства
ГАКО — Государственный архив Кемеровской области.
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГКО — Государственный комитет обороны.
ГУЛаг — Главное управление лагерей
ИЛАИ — Известия Лаборатории археологических исследований
КузГПА — Кузбасская государственная педагогическая академия
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и источники по археологии
МОПР — Международная организация помощи революционерам
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР.
НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей
НКО — Народный комиссариат обороны
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКУП — Народный комиссариат угольной промышленности
НФ ГАКО — Новокузнецкий филиал ГАКО
РА — Российская археология
РАН — Российская Академия наук
РАСК (РАЭСК) — Региональная археологическая (археолого-этнографическая)
студенческая конференция
РМО — Русско-монгольские отношения. Сборник документов.
СА — Советская археология
САИ — Сборник археологических источников
СНК — Совет народных комиссаров.
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СПбФАРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПО — Секретно-политический отдел.
ПАКО — Патрийный архив Кемеровской области
ПАТО — Партийный архив Томской области
ЦРМП — Цех ремонта мартеновских печей
ЦЭС — Центральная электрическая станция

Содержание

<i>Ю.В. Ширин</i> Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины.....	5
<i>Н.А. Кузнецов</i> Курганный могильник Шестаки-I.....	41
<i>Ю.В. Ширин</i> Городище Городок и его окрестности в древности.....	69
<i>П.П. Лизогуб</i> О начале формирования кузнецкого гарнизона.....	113
<i>А.Ю. Огурцов</i> Оружие.....	119
<i>А.А. Лыкова</i> К вопросу о кузнецком восстании 1919 года.....	128
<i>Е.В. Майорова</i> Кузнецкий уезд в 1920-1922 годах.....	141
<i>О.А. Белоусова</i> Взаимоотношения советских и иностранных рабочих и специалистов на производстве в годы первых пятилеток (на примере Кузнецкого металлургического комбината).....	156
<i>Е.В. Констанц</i> Судьбы немцев-трудоармейцев города Сталинска (по архивным документам отдела кадров шахты «Байдаевская» 1942-1943 гг.).....	167
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	178

Историко-документальное издание

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА
Выпуск 6

Редактор
Б.А. Рахманов

Допечатная подготовка
Ю.В. Ширин

Корректор
Г.Е. Бондаренко

Издательство «Кузнецкая крепость»
654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкстроевский, 1
ДТС, Союз писателей

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «Ветер»
Г.Томск, Иркутский проезд 1 тел. 659-336

Подписано в печать 30.06.04.
Гарнитура «Academy». Формат 70x1000/16. Усл. печ. л.11,25
Тираж 500 экз.

